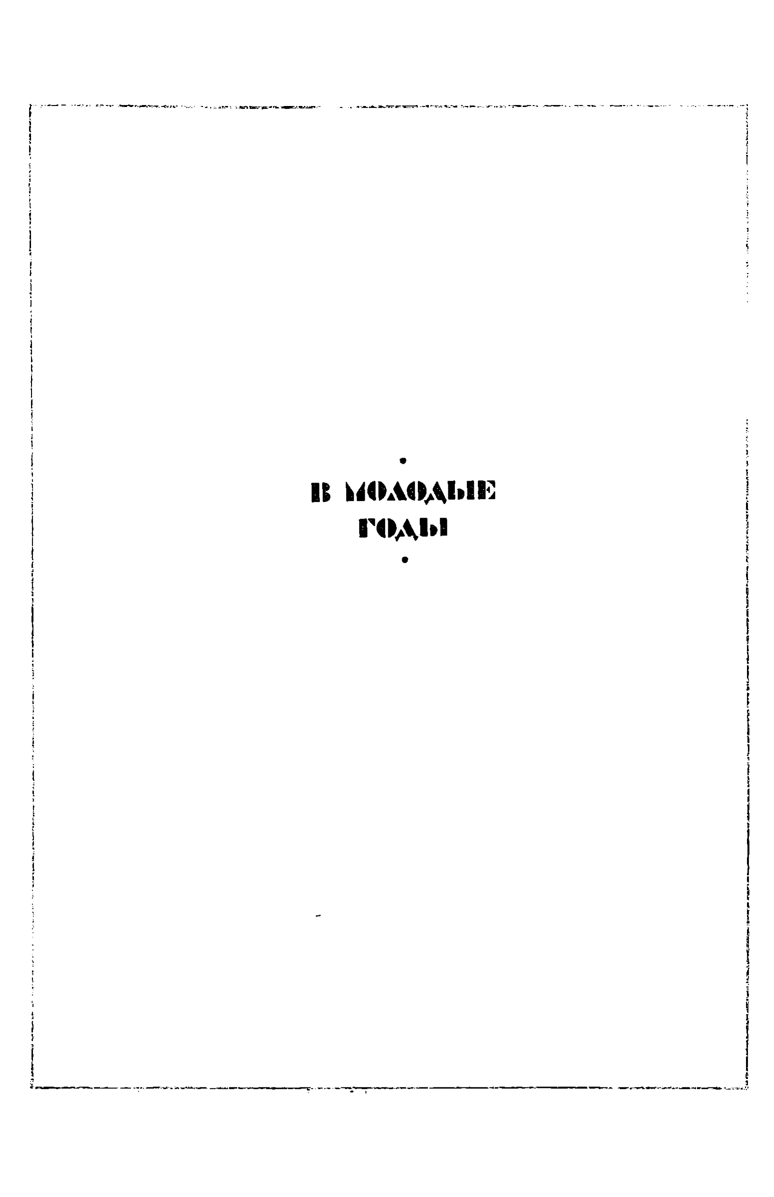
НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

В МОЛОДЫЕ ГОДЫ

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

Как песня молодой

КНИГА СТИХОВ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1985

Вступительная статья,
составление и примечания
И. ЧЕПИК

Т $\frac{4702010200-073}{078(02)-85}$ 230—85

Я прошел над Алазанью,
Над волшебною водой,
Поседелый, как сказанье,
И, как песня, молодой.

Поэзия и молодость

Высокий, худощавый, стремительный, с открытым чисто русским лицом, Николай Тихонов ворвался в литературу, как ветер, принеся с собой пороховые запахи войны, горькие ароматы степных трав, звонкую дробь пулеметных очередей. Ветер странствий обжигал его. Молодости свойственно страстное желание открывать, и Тихонов не был домоседом. Человек дороги, как он сам говорил о себе, Тихонов был первопроходцем не только в поэзии, но и в жизни, и вместе с молодежью прошел свой путь писателя и бойца.

Глядя на портреты Тихонова последних лет, мы видим в его чистых, светлых глазах, веселые огоньки той неутомимой молодости, которая провела его через пламя революционных битв, закалила в борьбе с фашизмом, вывела в первые ряды борцов за мир. Тихонов был и остался до последних своих дней романтиком. Время утратило над ним власть. Стихи его с годами становились мудрее, историчнее, но биение пламенного сердца в его поэзии не прекратилось до последней строчки. Юный задор, самоотверженность, — все то, чем щедро одарена наша молодежь, — было в высшей степени свойственно поэтическому таланту Николая Тихонова.

«С марсианской жаждою творить...» — строку эту можно поставить эпиграфом к творческому и жизненному пути Николая Семеновича Тихонова (1896—1979). Один из крупнейших советских поэтов, самобытный прозаик, прекрасный переводчик, пламенный очеркист, крупный общественный деятель, он с первых шагов в литературе был «не умеющим равнодушно жить» человеком:

Я не умею головы кружить,
Я не умею равнодушно жить.
Я не умею так мельчить слова,
Чтобы они означились едва.

В 1927 году в статье «О кочке и о точке» А. М. Горький, озабоченный тревожным состоянием молодой советской литературы, говорил: «Тревога испытывается не только мною, она знакома Николаю Тихонову — одному из талантливейших наших литераторов, автору статьи о «равнодушных», она чувствуется в дружеских беседах с наиболее чуткими из литературной молодежи — той, которая искренне и живо озабочена судьбой литературы и понимает ее культурно-воспитательное значение».

О Тихонове стали писать сразу же после выхода его книг «Орда» и «Брага». Писали о нем как о совершенно сложившемся, зрелом мастере, удивляясь, восторгаясь, пытаясь подражать неповторимому дару увидеть необычное и необычно об этом сказать. А метру тогда было всего за двадцать: начало работы над обеими книгами датируется 1919 и 1921 годами.

Весь путь поэта — «человека дороги» — определила эпоха, жизнь народа, вместе с которым он сражался за новое, небывалое в мире, утверждая первое в мире государство социализма.

И не знал Тихонов, что он станет вехой в истории отечественной литературы, а каждому его произведению суждено будет обозначить новый взлет поэтической мысли.

* * *

Н. С. Тихонов прожил большую жизнь — не только по количеству лет. В нее вместилось как бы несколько эпох. В своем предисловии к собранию сочинений поэт признался: «Мне кажется, что сейчас, оглядываясь на время моего детства, на юношеские годы, я пишу словно на другой планете. То, что раньше называли чудесным, несбыточным, сегодня есть обыкновенная жизнь ве́ка... А я родился еще в то время, когда вместо Советского Союза была Российская империя, которая, на взгляд новых поколений, кажется страшной, небывалой, темной легендой прошлого».

Детство Тихонова никак нельзя назвать счастливым. Правда, семья его не была «темным царством» произвола и насилия, его никто не бил, как чеховского Ваньку Жукова. Родители, петербургские ремесленники, с трудом, но находили средства для поддержания прожиточного минимума, старались дать детям хотя бы среднее образование. На мальчика никто не обращал внимания, и он жил своей обособленной, тихой жизнью, в которой рано появились книги. Страсть к чтению захватила его, как только он самостоятельно выучился читать и писать. Он бегал в городскую школу, потом поступил в пятиклассную Торговую школу на Фонтанке. Предел мечтаний для родителей — «карьера» писаря, и подросток старательно учился, поглощая в свободное время книги по географии и истории. Он и сам начинал писать, разыгрывая в кругу сверстников увлека-

тельнейшие истории с приключениями в заморских краях и выдавая свои истории за сочинения «настоящих» писателей.

Многие годы спустя Тихонов — неутомимый путешественник — побывал во многих странах мира и воочию увидел все то, что рисовало ему в юности разгоряченное книгами приключений воображение, увидел «сбывшийся сон своего детства». Акценты переместились, романтика уступила место реальности, социальные контрасты обрели видимые контуры, воображаемые страны потеряли волшебство, и на первый план выступили фигуры и судьбы людей и народов.

...А пока мальчик учился, рос, становился юношей. И по окончании Торговой школы занял, как и мечтали родители, скромное место писаря в Военно-морском хозяйственном управлении, начав помогать семье своим «куском хлеба».

К мечтам самого Тихонова деятельность писаря имела самое малое отношение: он хотел стать историком или археологом, но бедность не позволила продолжить образование. Правда, и в этой сугубо неромантической профессии нашлись свои преимущества. Он много общался с «людьми дальних дорог», с портовыми моряками, рабочими: их красочные рассказы о путешествиях производили на него большое впечатление. Во время ночных дежурств ему случалось беседовать с людьми передовых взглядов и широких знаний, с революционно настроенной молодежью. Содержанием их бесед было будущее России, будущее ее морского флота. Недавние восстания на кораблях, воспоминания о революционных традициях Свеаборга и Кронштадта, о подвигах моряков броненосца «Потемкин», героизме лейтенанта Шмидта — обо всем этом юный Тихонов узнавал от очевидцев, и его стихи наполнялись суровой правдой услышанного. Он говорил об этом горячо, заинтересованно, не как о фактах недавней и давней истории, а как о событиях, касающихся и его лично.

Не плачьте о мертвой России —
Живая Россия встает, —
Ее не увидят слепые,
И жалкий ее не поймет.

. . . .

От Каспия к Мурману строго
Поднимется вешний народ,
Не скованный именем бога,
Не схваченный ложью тенет.

В 1910 году, в возрасте четырнадцати лет, Николай Тихонов пишет первое стихотворение «На смерть Льва Толстого». Смерть великого писателя была воспринята подростком как трагедия на-

родная, потрясшая сердца и умы всех людей русских. И в дальнейшем он будет писать стихи на большие, общественно значимые темы, не мысля себя самого в отрыве от своего народа, своей страны.

...Грянула первая мировая война. 18-летний Николай Тихонов стал солдатом-добровольцем. Его направили в кавалерийский полк, который вел бои с немцами под Ригой. В походах, атаках и рейдах молодой гусар возил в переметной суме стихи-отрывки лирического дневника солдата. Литературный стиль Тихонова еще не сложился, стихи, что, впрочем, в подобных обстоятельствах было вполне естественно, получались как бы по наитию, нередко сырыми. Но это уже была настоящая поэзия, хотя еще во многом неумелая в средствах выразительности. Настоящей она была по признаку предельной обнаженности чувства, искренности, правды переживаний.

Цикл военных стихов впоследствии был объединен и издан под названием «Жизнь под звездами» (1915—1917). Конечно, не эта тонкая книжка стала рождением большого мастера. Но среди потока лирической поэзии времен первой империалистической войны стихотворный цикл Тихонова не затерялся: он выделился всплесками необычно пронзительного видения мира, переполненностью причудливыми метафорами:

Принимаю страданье, как брата,
Что от голода долгого тощ...

Страдания, боль потерь, отупляющее однообразие кровавой «работы», скорбное ощущение обреченности любого порыва, ненужности жертв, которых ежеминутно требует страшная мясорубка войны, перемалывающая жизни, чувство единства, безвозвратности каждого мига жизни, который может оказаться последним, — вот настроение «Жизни под звездами». Смерть, само по себе понятие исключительное, стала в мировой бойне обыденностью:

О смерти думать бесполезно,
Раз смерть стоит над головой,
Я бросил юность в век железный,
В арены бойни мировой.

И это рождает контрасты мировосприятия и ощущения своего места в мире: от чуть ли не бесстрастия, крайней усталости, притупленности чувств до ярких вспышек сознания, когда жизнь будто сосредоточивается в миге озарения:

И мне кажется, в это мгновенье
Остановлен был бег бытия,
Только жили в глухих повтореньях
Гул и небо, болото и я.

С наступлением Великого Октября для бывшего гусара не возник вопрос, с кем и куда идти. За плечами двадцатилетнего поэта был выстраданный жизненный и боевой опыт, подсказывавший выбор. Будучи демобилизован весной 1918 года, он возвращается в действующую армию — в Красную Армию — добровольцем, сражается под Петроградом с войсками Юденича. Став на сторону победившего народа, Николай Тихонов вместе с миллионами красноармейцев воюет против врагов Советской власти. Воюет и пишет стихи...

Пишет разное, пробует многое. О публикациях не задумывается, захваченный огненным вихрем эпохи, событиями, свершениями, боями. Тихонов пишет в лихорадочной спешке, используя каждую свободную минуту, пробуя все поэтические жанры, подражая любимым литературным и мифологическим образам, и постепенно приходит к решению посвятить этому упоительному, поглощающему его целиком труду всю свою жизнь.

Сняв красноармейскую шинель, недавний солдат с головой окунулся в напряженнейшую, раскаленную литературную атмосферу первых послереволюционных лет. Всего два-три года понадобилось ему, чтобы внезапно, решительно, со смелостью победителя шагнуть в большую литературу. Целые поэмы и книги остались в рукописях, хотя некоторые стихи широко читались на митингах и литературных вечерах. Из тупика «Жизни под звездами» поэт через пестрый хаос «словесных джунглей» стремительно выходит к самым известным и уже заметно мастерски «сработанным» произведениям. «Молодой Тихонов работал запойно. Случалось, в день он сочинял до пяти стихотворений. Потом начиналась селекция, выбраковка и просто безжалостная расправа со слабыми строчками. Они подлежали уничтожению», — писал Д. Хренков во вступительном слове к подборке ранних стихов. Но уничтожались не все. В разные годы своей жизни Тихонов подумывал о том, чтобы издать книгу «Ранние стихи», которая бы показывала читателю и особенно поэтической молодежи его многообразные творческие поиски. Некоторые из этих стихов представлены в настоящей книге в разделе «Из неопубликованного».

В 1919 году он создал один из своих шедевров — маленькую поэму «Сами». Время публикации ее совпало с появлением в печати книг «Орда» и «Брага», вышедших одновременно. Наряду с ними эта лиричнейшая стихотворная повесть об индийском мальчике и его господине стала классикой ранней советской поэзии.

Поэт не описывает «дивных» пейзажей и очарований «полуден-

ных стран». Доверительно, как бы глядя в глаза собеседнику, разговорным стихом, то гневно, то с открытой горечью или восторгом он повествует о том, как маленький раб становится Человеком. Пафосом и дерзостью пронизаны строки «Сами», звучащие и сегодня, по прошествии стольких десятилетий, так же молодо, как и в дни их создания. Образы раба и господина отлиты молодым поэтом с мастерством скульптора. Сильнее всяких описаний действует на наше воображение прямая речь — социальное кредо Сагиба-повелителя и ему подобных:

Ты рожден, чтобы быть послушным:
Греть мне воду, вставая рано,
Бегать с почтой, следить за конюшней,
Я властитель твой, обезьяна!

Рассказ Сами напоминает наивную легенду. Да и сама поэма — сказочный вымысел, во всяком случае, в те тревожные голодные годы. Однако главная мысль произведения совпадает с содержанием реальности, с пробуждавшимся протестом угнетенных наций. И на этом фоне романтическая, пронизанная дыханием эпохи всемирной борьбы с колониализмом поэма о маленькой победе Сами над жестоким Сагибом, о втором рождении мальчика, «и на этот раз человеком», звучала (да и сейчас звучит) как гимн раскрепощенности, выпрямлению раба в Человека. Пафос «Сами» созвучен целой эпохе борьбы со всеми проявлениями реакции. Недаром, когда Тихонов прочел свою поэму настоящему индусу, брамину, тот сказал, что, несмотря на условность, то, что написано поэтом, похоже скорее не на сказку, а на быль.

Образ главного героя тихоновской сказки-были — есть выражение романтики времени и в то же время правдивый «документ» эпохи революций.

* * *

Для того чтобы лучше представить себе творчество раннего Тихонова, надо хотя бы отрывочно дать представление о быте петроградских литераторов начала 20-х годов. Мало кому из тех, кто вскоре стал гордостью советской литературы, было за тридцать. Большинство едва перешагнуло порог двадцатилетия, однако все они уже были литераторы, каждый со своим творческим почерком. В 1919 году Советская власть отдала им, молодым деятелям литературы и искусства, так называемый Дом искусств на углу Невского и набережной Мойки — бывший особняк богача Елисеева, где в одном из коридоров, примыкавшем к роскошной елисеевской кухне, с единственным окном, выходившим на бетонный голый двор, жили В. Рождественский и Н. Тихонов.

Дом искусств — явление в ту пору уникальное. Это был и жилой дом, и помещение типа теперешних домов творчества, и одновременно в своем роде литературно-художественный «салон», где проходили литературные вечера и выставки картин живших там или захаживавших в гости художников. В течение нескольких лет (1919—1922 гг.) здесь сосредоточивалась бурная творческая жизнь великого города. Во главе совета Дома искусств стал А. М. Горький, помогавший молодым литераторам и словом и делом.

Очень скоро молодые поэты, вчерашние красноармейцы, сдружились. Из комнаты в комнату переходили они с чтением своих поэм, стихов и рассказов. Именно здесь впервые прозвучали строки тихоновских баллад, из книги стихов «Орда».

Праздничный, веселый, бесноватый,
С марсианской жаждою творить,
Вижу я, что небо небогато,
Но про землю стоит говорить...

Поиски путей, которыми пойдет молодая советская литература, жаркие дискуссии о том, что следует взять из классического прошлого и с чем стоит расстаться, чтобы как можно полнее и ярче воссоздать сегодняшнее, — все это волновало и горячило писательскую коммуну. И если заглянуть в обширные литературные обзоры двадцатых годов, перед нами промелькнут имена чуть ли не всех обитателей Дома искусств. Они и были первыми восторженными слушателями мгновенно ставших знаменитыми тихоновских баллад. Последние строки баллады «Огонь, веревка, пуля и топор...» могли быть отнесены к каждому из этих слушателей мужественного, чеканно энергичного стихотворения:

Огонь, веревка, пуля и топор,
Как слуги, кланялись и шли за нами,
И в каждой капле спал потоп,
Сквозь малый камень прорастали горы,
И в прутике, раздавленном ногою,
Шумели чернорукие леса.

Неправда с нами ела и пила,
Колокола гудели по привычке,
Монеты вес утратили и звон,
И дети не пугались мертвецов...
Тогда впервые выучились мы
Словам прекрасным, горьким и жестоким.

Молодые поэты искали эти прекрасные, горькие и жестокие слова романтического повествования о современности. Но в самом

романтизме явственно проглядывало стремление к резкой реалистичности тематики. В динамичной форме, переполненной напором молодой энергии, тихоновские баллады несли познание самой сути нового человека, прошедшего сквозь войну и революцию, воссоздавали атмосферу, эмоциональную окраску тех удивительных лет.

Вслед за «Ордой» (этот образ выражал и орду дней, и орду мыслей, этими днями навеянных) Тихонов выпускает в свет следующую книгу стихов — «Брагу» с эпиграфом из блоковской строки «...И вечный бой! Покой нам только снится». В ней тоже были баллады, как и в «Орде».

Стихи в «Браге» сделаны мастерски, в них «вечности каленая вода» обжигает «запекшиеся губы» поэта-путника:

И вот под небом, дрогнувшим тогда,
Открылось в диком и простом убранстве,
Что в каждом взоре пенится звезда
И с каждым шагом ширится пространство.

«...его «Брага» — книга первоклассная; она полна яркого содержания...» — писал А. В. Луначарский в одной из статей о советской литературе. Тем не менее критика 20-х годов после появления «Орды» и «Браги» заговорила об усложненности, затрудненной иносказательности тихоновских стихов. Именно в этих книгах, как и в некоторых последующих циклах, Тихонов продолжал, по его признанию, продираться сквозь словесные джунгли. Именно поэтому многие стихи тех лет он не включал в дальнейшем в сборники.

Наряду со «штатскими» стихами в первых книгах есть и несколько баллад на темы гражданской войны. Его баллады читались повсюду, запоминались наизусть: в них с огромным темпераментом, силой и неожиданной афористичностью выражен самый дух времени, дух эпохи революционных потрясений, выковавший «железных людей». Формальные поиски поэта были поисками средств выразительности нового, современного порядка. Никто так уверенно не утверждал тогда современного героя столь новаторскими приемами стихосложения:

Когда тысячи крикнули слово: «Отдай!» —
Урагана сильней оно.

В прекрасном этом стихотворении содержатся строки, которые потому и не забыты через десятилетия, что с поразительной метафорической силой воссоздают самый дух революции:

Но мертвые, прежде чем упасть,
Делают шаг вперед...

Тихонова не было среди тех, кто в погоне за «новаторством» звал к разрушению классической эстетики. Старинные лирические жанры (ода, элегия, баллада), которые в ту пору считались синонимом ветхости и в «Орде», и в «Браге» наполнялись революционным пафосом, мужественным жизнелюбием. Герои, вошедшие в эти книги Тихонова, не встречались в поэзии до сих пор. Коллективный образ солдата революции воссоздан в героической трактовке, хотя и очень обобщенной, но мы чувствуем себя участниками всех событий и «Орды», и «Браги». Смелая, точная и к тому же необычная метафоричность этих стихов рождена эпохой переустройства мира, когда «с каждым шагом ширится пространство».

Становление нового мира в реальности сопровождается диктуемыми ситуацией перестройками в области культуры. И Тихонов, как никто до него в поэзии, пользуется каждой возможностью для утверждения им открытой поэтической техники. Жизненный опыт властно поставил поэта на эту позицию. И делает Тихонов это с удивительной смелостью.

Вот, в частности, история знаменитой «Баллады о гвоздях», которую рассказал сам поэт во вступительном слове к одному из своих сборников: «Тема этого стихотворения — замечательный героизм революционных моряков, идущих на смертельное задание и выполняющих его. Эта тема зародилась во мне еще осенью семнадцатого года, когда моряки Балтийского флота в жестоких морских боях показали поразительное бесстрашие и высокое мужество, отбивая попытки германского флота захватить Ирбенский пролив и архипелаг Моонзунд».

Тихонов дописал стихотворение через два года, узнав о беспримерной по отваге и презрению к смерти операции по установке минного заграждения революционными моряка Балтфлота: «Я извлек из груды черновиков начатое и незаконченное стихотворение о героях моонзундских боев и увидел, что все надо переписать. Черновик лег в основу того стихотворения, которое я назвал «Баллада о гвоздях». Мне казалось, что нет на свете крепче этих стальных, закаленных легендарных моряков Балтфлота, кричавших «ура!», погибая. Они шли на смертельную операцию, исполняя приказ, не страшась смерти».

Примерно в сходных обстоятельствах, навеянные личным опытом, возникли и замечательные «Баллада о синем пакете», «Песня об отпускном солдате» и другие стихотворения, вошедшие в «Брагу» и «Орду».

И в «Орде» и в «Браге» было много стихов, тематически далеких от гражданской войны, но в них поэт выходил на просторы того, что потом на протяжении всей жизни условно обретает название «зарубежной» темы. Это была «Афганская баллада», стихотворения «Германия», «Возвращение Мефистофеля», «Ислам». Буквально

каждой из этих тем суждено было в дальнейшем развиться в циклы стихов и поэм.

Эта манера работать над стихом — яркий пример требовательного отношения к своему творчеству. Критик Д. Хренков в статье «Осень в Переделкине» обращает внимание литературной молодежи на эту творческую принципиальность Тихонова: «Поэт говорил о себе:

Души всех забвенных и убитых,
Муки всех, кому дано ожить,
Я земной с душою Селенита,
С марсианской жаждою творить.

Когда я читал эти стихи, подумал, что истинный поэт ценится не только напечатанными строчками, но и тем, как может вычеркивать написанное. Вычерки делают его не беднее, а богаче. И еще о том, как важен урок Тихонова для молодых поэтов!» Между тем приведенные критиком стихи в переработанном виде являются классическими. Какой разительный пример сурового отношения к себе!

«Брага» блеснула великолепно», — с восторгом снова отмечал А. В. Луначарский, назвавший Тихонова «ярчайшей звездой» на небосклоне молодой советской поэзии. А ведь «звезда» начинающего поэта-красноармейца всходила на этот небосклон одновременно с появлением или уже утвердившимся сиянием таких имен, как Маяковский, Пастернак, Сельвинский, Асеев, Багрицкий. Еще каких-нибудь два-три года — и строки тихоновских баллад будут звучать рядом с крылатыми строками «Нас водила молодость в сабельный поход» Багрицкого или напевной светловской «Гренадой».

* * *

С 20-х годов Тихонов начинает свои длившиеся десятилетиями путешествия. Коллеги, товарищи его по этим поездкам с восторгом вспоминали впоследствии, как велики были знания поэта. Он оказывался «своим» и в холодной Финляндии, и в знойной Индии, и в солнечной Грузии. Писательские и человеческие интересы поэта звали его в дорогу. Этим бесчисленным поездкам обязаны своим появлением очень многие стихотворения, очерки, рассказы.

В середине и конце 1920-х годов Тихонов пишет рассказы «Военные кони» (1927), создает книги стихов «Поиски героя» и «Юрга».

Название «Поиски героя» говорит само за себя. Как многие его современники, с отвращением и гневом воспринявшие временный взлет мещанства в период нэпа, Тихонов остался верен своей романтической настроенности. Но пришло время искать нового героя,

на этот раз куда менее обобщенного, чем персонажи его знаменитых стихов и поэм.

То прошлого звоны, а нужен мне
Герой неподдельно новый...

«Поиски героя» содержат много замечательных стихотворений — о мире, о легендарных литературных героях, о любви, о профессии литератора, об эпохе и времени. «О яростном песен ремесле» говорит поэт в одном из лучших стихотворений книги «В Карелии» («Север»).

В Суоми нет игры. Паучье
Гнездовье стены замело,
Пой, Вейнемейнен, ты ведь знаешь лучше,
В чем яростное песен ремесло.

. . . .

Разведчик я. Лишь нагибаю ветки,
Стволы рубцую знаками разведки,
Веду тропу, неутомим,
Чтобы товарищ меткий
Воспользовался опытом моим.

«Это он написал как наказ всем будущим поэтам мира и для меня тоже. И если он сказал «Веду тропу, неутомим» — этому надо было верить. Потому что не верить истинному поэту — богохульно» — так высказался друг и ученик Тихонова, Михаил Дудин.

В «Поисках героя» Тихонов пишет о США, об Индии, где встретился со взрослым Сами, о буржуазной Эстонии, Латвии, Закавказье, по-разному воссоздавая национальный колорит, ведущие идеи времени, яркие наброски характеров.

Тема Востока, как мы уже говорили, занимает Тихонова с юных лет. Он вспоминал: «Мое увлечение Востоком привело меня сначала в Грузию, Армению, на Северный Кавказ, а потом вскорости и в республики Средней Азии... Я увидел воочию наш Восток и его борьбу с темным прошлым, его стремление сломать мрачные формы окостеневшего быта и зажить другой, светлой, свободной жизнью. Дружба народов родилась в трудовом единении при помощи великого русского народа, помогшего сбросить вековое ярмо невежества и насилия...

Особенно это почувствовалось, когда с бригадой писателей — в нее входили Павленко, Леонов, Всеволод Иванов, Владимир Луговской, Санников и я — была обследована Туркменская республика. Весной 1930 года эта бригада изучала социалистическое пере-

устройство Туркмении. С большим увлечением я знакомился с бытом туркмен, белуджей, джемшидов и в своей книге «Кочевники» попытался раскрыть новые явления в нем, показать стремление этих народов жить по-новому, по советским законам».

В «Юрге» нашли отражение путешествия в Туркмению. Одно из лучших стихотворений книги — «Искатели воды» — зачаровывает простотой и одновременно патетической романтикой. Искатели воды — в своем роде волшебники. Народ чрезвычайно ценит их редкий дар, их тысячелетиями оттачиваемое искусство, ибо вода в пустыне — поистине сама жизнь:

Сочти морщины на верблюжьей коже,
Пересчитай по зернышку песок, —

Тогда поймешь того туркмена дело,
Когда, от напряженья постарев,
Он говорит: «Колодец ройте смело,
Я сквозь песок узнал воды напев».

Туркмения вошла в поэзию Тихонова на всю жизнь. Вообще, где бы ни бывал поэт, он легко устанавливал человеческие контакты, иной раз изумляя собеседника широтой своих знаний о его родине. Как правило, Николай Семенович всесторонне «обследовал» страну или край, и она становилась героиней его стихов и прозы.

— ...«по горам и долинам, постукивая дорожным посохом, ходил человек в крепких солдатских ботинках и защитной гимнастерке с вещевым мешком за спиной. Лицо у путника было медно-красным от солнца, а волосы — седыми, как белоснежные папахи на склонах гор. Но та седина была не от возраста, а от пережитого», — писал туркменский поэт Берды Кербабаев.

Это были «чудесные путешествия дружбы» Тихонова. Каждое из них привносило в характерную для поэзии Тихонова интернациональную тему новые оттенки. Он не ограничивался познанием внешнего облика и обычаев страны. Через все традиционные «экзотики» поэт проницательно умел видеть то, что экзотичнее любой экзотики — явственные черты нового быта, нового мироощущения.

Прекрасен образ старика туркмена, умеющего сквозь толщу песка «узнать воды напев». Но люди, пришедшие ему на смену, не волшебники, а геологи во всеоружии современной техники ищущие воду, чтобы напоить ею не одно поле, не один аул, а всю страну. Так контрастно сталкивается старое и новое, «земля победы хочет», в пустыне вырастут хлопковые заросли:

Они правы, они от злости пьяны,
Они упрямы: должно рисковать —

Невероятным водяным тараном
Пробить пески, пустыню расковать.

«Начиная с 1923 года я много времени отдал изучению наших кавказских и закавказских республик. Почти ежегодно я проникал в самые отдаленные районы гор, пробирался по тропам пешком, иногда верхом в высокогорные селения и аулы и с годами накопил огромный материал...

Я проходил ледяные и снежные перевалы, пересекал первобытные леса, всходил на вершины, спал на горных лугах и в лесных дебрях, жил с горцами их простой и суровой жизнью».

И не будь этих поездок, не броди он с молодости по незнаемым дорогам, — не появились бы прекрасные книги стихов о Грузии — самом любимом крае. Не появились бы ни «Стихи о Кахетии» (1935), ни «Грузинские дороги» (1948), ни вдохновенные переводы грузинских поэтов.

Поэт нашел своего героя. Впоследствии в беседе с молодыми литераторами он обобщил свои поиски, утверждая, что без глубокого осмысления важнейших сторон современной действительности невозможно сознательное литературное творчество. В статье «Моя работа над стихами и прозой» Тихонов говорил о герое нашего времени и о героизме обыденности:

«В материал можно погружаться, только прекрасно зная его, изучив его со всех сторон. Творчество должно быть проникнуто социалистическим миросозерцанием; четкое владение формой обязательно; никакими только формальными исканиями в области создания современной пьесы, романа или поэмы вы успеха не достигнете»!

* * *

Крепнет и растет ведущая тема творчества Тихонова — антивоенная: от «Жизни под звездами» к книге рассказов «Военные кони», от книги «Война» к тревожным стихам о предощущении трагических четырех лет Великой Отечественной. И наконец — большое мобилизующее творчество в военные годы.

В это трагическое время Тихонов создал около тысячи разного рода текстов, в том числе и очеркового характера, поэмы «Огненный год», и «Киров с нами», «Ленинградские рассказы», «Слово о 28 гвардейцах». «После войны, — вспоминал он, — когда свет нашей победы озарил весь мир и упали оковы с народов, закабаленных фашизмом, мне случилось посетить славянские страны, и после этих поездок появились стихи и очерки о братских народах — «Болгарские записи» и стихи о Югославии, ...книга стихов «Грузинская весна». Продолжал переводить».

После войны Тихонов продолжает изучать Восток, пять раз он был в Индии, два раза в Китае, видел страны Ближнего Востока, объездил славянские страны Западной Европы, неоднократно выезжал на сессии Всемирного Совета Мира, будучи членом этой организации и с августа 1949 года — председателем Советского комитета защиты мира.

В составе советской делегации Тихонов еще в 1935 году был в Париже во время Конгресса в защиту культуры, где произнес пламенную речь об опасности для мировой культуры и самой жизни на Земле, которую представляли фашисты, уже бряцавшие оружием (после этой поездки возникла книга стихов «Тень друга»). Обо всем увиденном, понятом и пережитом во время разнообразных поездок за границу в качестве председателя Советского комитета защиты мира он писал стихи, поэмы, рассказы и очерки. За книгу рассказов и маленьких повестей «Шесть колонн» поэт был в 1970 году удостоен Ленинской премии.

Деятельность Тихонова-писателя поражает многообразием и масштабом задуманного и осуществленного. Он пишет сценарии фильмов, пишет для Детгиза многие интереснейшие книги, в том числе имевшие громадный успех «Удивительные маленькие истории» о животных и птицах. Тихонов много выступает в периодике с рецензиями, статьями, отчетами, читает лекции, ведет семинары молодых писателей. Его хватало на все то, на что не хватило бы десятка людей.

* * *

Судьба подарила поэту долголетие. И все-таки ему не удалось осуществить все свои замыслы. В посмертно изданной книге стихов «Песни каждого дня» (1982), находим строки:

...Но живу, хлопочу,
Не молчу.
Понимаю,
Что это не вечно,
Но продолжить
Все это хочу!

До конца дней Тихонов оставался самим собою—мужественным, порой суровым, прекрасным рассказчиком, преданным другом, тонким лириком, романтиком и философом. Старейший литератор В. Шкловский, пожалуй, точнее всех охарактеризовал основные особенности поэтического творчества и личностной сути Тихонова: «Он очень хороший поэт, который не ленится изменяться, потому

что изменяется мир, вместе с ним изменяются способы его выражения. Он полон пространством времени, историей».

Стихи, которые вошли в «Песни каждого дня», — своего рода лирически-философское завещание Тихонова нам, его современникам. Он думает о настоящем, о прошедшем и будущем, о смысле жизни и о смерти, о любви и мире, о том, «как величайшей истины названье?». Седовласый поэт с сердцем юноши бросает вызов самой смерти, боли, тревоге, которые могут быть побеждены, преодолены человеческой волей:

Тебя я, боль, насквозь пронжу
Подобно острому ножу,
Подобно звездному лучу —
И ты исчезнешь — так хочу,
Так я хочу! Так я хочу!

Эпоха, время — и стихи для поэта понятие неразделимое:

Плуг времени
В словесном поле пашет.

Заветные слова поэта посвящены любви, природе, молодости. Его «памятник» — именно рукотворный, он творит его своей волей, ощущением счастья жить, бороться с тревогами, отстаивать дорогие ему понятия, делиться со всеми и как бы наедине всем тем, что и есть неповторимое слово «поэт», вместившее в себя целый мир:

Среди толп людских
И одиночеств,
Сбросив тяжесть
Жизненной брони,
Как пророк,
Утратив дар пророчеств,
Как поэт,
Я песни сохранил.

* * *

Приведу полностью самое, пожалуй, сильное и проникновенное стихотворение последней тихоновской книги. Оно выделяется среди прекрасных стихов «Песен каждого дня», как бы светя затаенным

светом: так поэт в последний свой час раскрывает нам «тайный смысл всех этих строк горящих»:

Сквозь ткань стиха,
Сквозь образ своевольный,
Сквозь трепет слов,
Звучащих первый раз,
Почувствуете
С гордостью невольной
Того, кто создал
Все это для вас.

Того, кто скрыл
В словесной этой чаще
Души волненье
В стиховой волне,
И тайный смысл
Всех этих строк горящих —
Как разговор вдвоем, наедине.

И третьему нет места
В разговоре,
Но стих живет —
И времени полет
Его, как парус
В ветреное море,
Пускает в жизнь
И людям отдает.

И, может быть,
С подходом благородным,
Что этот стих,
Принадлежащий вам,
Услышите
Прочтенным всенародно,
Всем зазвучат
Заветные слова.

Известен даже
Школьникам беспечным,
И критиком
Разобран в тишине.
Стих все равно
Останется навечно,
Как разговор
Вдвоем, наедине!

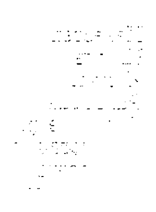
* * *

Многие задают себе вопрос: в чем невероятное обаяние личности Тихонова как поэта и человека? В чем секрет его влияния на нашу молодежь? Почему он привлекает к себе их сердца?

Конечно, прежде всего своей пламенной поэзией. Но еще и своей пламенной натурой. Вечным стремлением к совершенству. Вечным беспокойством и готовностью к подвигу. Он работал над строкой с яростью молотобойца, отковывающего плуг, с изяществом миниатюриста, пишущего тончайшими кистями. В нем соединилось все: мужество борца и нежность влюбленного, а годы, казалось, лишь укрепляли эти качества. Он совершенствовал себя, свой стих с азартом, свойственным молодости, и, наверное, в этом секрет неуязвимости его поэзии, ее неподвластности времени.

Поэзия и молодость неразделимы. Вечную молодость поэту придает его стремление к совершенству. Вот почему поэзия Тихонова и сегодня и завтра будет в строю.

Ирина ЧЕПИК

ОРДА

Всеволоду Рождественскому

...Когда возникнул мир цветущий
Из равновесья диких сил...

Баратынский

* * *

Праздничный, веселый, бесноватый,
С марсианской жаждою творить,
Вижу я, что небо небогато,
Но про землю стоит говорить.

Даже породниться с нею стоит,
Снова глину замешать огнем,
Каждое желание простое
Освятить неповторимым днем.

Так живу, а если жить устану,
И запросится душа в траву,
И глаза, не видя, в небо взглянут,—
Адвокатов рыжих позову.

Пусть найдут в законах трибуналов
Те параграфы и те года,
Что в земной дороге растоптала
Дней моих разгульная орда.

I

* * *

Огонь, веревка, пуля и топор,
Как слуги, кланялись и шли за нами,
И в каждой капле спал потоп,
Сквозь малый камень прорастали горы,
И в прутике, раздавленном ногою,
Шумели чернорукие леса.

Неправда с нами ела и пила,
Колокола гудели по привычке,
Монеты вес утратили и звон,
И дети не пугались мертвецов...
Тогда впервые выучились мы
Словам прекрасным, горьким и жестоким.

КАРТОФЕЛЬ

Сегодня, соленой тоской одержимый,
Друг, не хочу я любимцев садов,
Поищи-ка ты в печке, ослепшей от дыма,
Крепких и черных простых плодов.

Брат, их копали в невольничьем поле
Руками, когда недостало лопат,
Вот они сморщились, точно от боли,
Точно слепые дети глядят.

Вспыхнут на них угольки и потухнут,
А может быть, слезы убогих слуг,
Тех, кто копал их для хмурой кухни,
Устал и уснул на столе в углу.

Зачем же желать мне любимцев сада.
Они ведь не знают, что значит страх.
Возьмем благодарно, — нет, соли не надо, —
Соли в тоске моей много и так.

РАНЕНЫЙ

Дрожащий не от боли — от испуга —
И раненую ногу волоча,
Снимал он под сочувственную ругань
Свою рубаху с потного плеча.

Угрюмый фельдшер равнодушно слушал,
Как бинт шуршал, и губы кверху гнул,
И он пошел, и уносили уши
Мелькнувшей смерти колокольный гул.

И там, где рана, колыхалось пламя,
И ребра зверь неустающий грыз,
И гулкими зелеными руками
Казались ветви, падавшие вниз.

Все закружилось в нестерпимом свете.
И не понять: то ветер или стон.
Деревья, как танцующие плети,
Смеются, бьют его со всех сторон.

...Двуколка прыгала в ночной прохладе,
Шумя, бежала черная страна,
И он в поту неудержимо падал
На камни дна, не достигая дна.

* * *

Над зеленою гимнастеркой
Черных пуговиц литые львы,
Трубка, выжженная махоркой,
И глаза стальной синевы.

Он расскажет своей невесте
О забавной, живой игре,
Как громил он дома предместий
С бронепоездных батарей.

Как пленительные полячки
Присылали письма ему,
Как вагоны и водокачки
Умирали в красном дыму.

Как прожектор играл штыками,
На разбитых рельсах звеня,
Как бежал он три дня полями,
И лесами — четыре дня.

Лишь глазами девушка скажет,
Кто ей ближе, чем друг и брат,
Даже радость и гордость даже
Нынче громко не говорят.

* * *

Мы разучились нищим подавать,
Дышать над морем высотой соленой,
Встречать зарю и в лавках покупать
За медный мусор золото лимонов.

Случайно к нам заходят корабли,
И рельсы груз проносят по привычке;

Пересчитай людей моей земли –
И сколько мертвых встанет в перекличке.

Но всем торжественно пренебрежем.
Нож сломанный в работе не годится
Но этим черным сломанным ножом
Разрезаны бессмертные страницы.

ДЕЗЕРТИР

Сергею Колбасьеву

Часовой усталый уснул,
Проснулся, видит в траве
В крови весь караул.
Лежит голова к голове.

У каждого семья и дом,
Становись под пули, солдат,
А ветер зовет: уйдем,
А леса за рекой стоят.

И ушел солдат, но в полку
Тысяча ушей и глаз,
На бумаге печать в уголку,
Над печатью — штамп и приказ.

И сказал женщине суд:
— Твой муж трус и беглец,
И твоих коров уведут,
И зарежут твоих овец.

А солдату снилась жена,
И солдат был сну не рад,
Но подумал: она одна,
И вспомнил, что он — солдат.

И пришел домой, как есть,
И сказал: отдайте коров
И овец иль овечью шерсть,
Я знаю все и готов.

Хлеб, два куска
Сахарного леденца,
А вечером сверх пайка
Шесть золотников свинца.

ПУШКА

Арнольду Пек-Аменшильду

Как мокрые раздавленные сливы
У лошадей раскосые глаза,
Лоскутья умирающей крапивы
На колесе, сползающем назад.

Трясется холм от ужаса, как карлик,
Услышавший циклопью болтовню,
И скоро облачной не хватит марли
На перевязки раненому дню.

Циклопом правит мальчик с канарейку,
Он веселей горящего куста,
Ударную за хвост он ловит змейку, —
Поймает — и циклоп загрохотал.

И оба так дружны и так согласны,
Что, кончив быть горластым палачом,
Когда его циклопий глаз погаснет —
Он мальчика сажает на плечо.

И лошади их тащат по откосу —
Бездельников — двумя рядами пар,

И мальчик свертывает папиросу
Кривую, как бегущая тропа.

ЛАВКА

За ледяным стеклом зеленым
Блеск сахарного сладкого песка,
И пахнет старым, высушенным кленом
Прилавка гладкая доска.

Кровавощекие томаты с полки
На караваи хлебные глядят,
И солнечные быстрые иголки
Кули с мукой и солью серебрят.

В углу святую строгую ресницу
Пророк в лампадный пламень уронил.
А за прилавком гладит поясницу
Рука с узлами крепкосвитых жил.

Неиссякаемы мешки и банки,
Бессмертна хлебная теплота,
Столетий громыхающие танки
С окна не сгонят спящего кота!

Лишь пламень побуреет у лампадки,
Да жилы загустеют на руке,
Но вечен обруч огуречной кадки,
И пауки на темном потолке.

Блаженные бродяги перекрестков,
Чьи души — всем открытая сума,
Рассыплют на негнущиеся доски
За корку хлеба — золотые блестки,
Пыль мудрую пытливого ума,

Чтоб в бурями изрезанные лица
Взглянул покой расчетливый скупца,
Струящийся сквозь губы и ресницы
С божественно-дубового лица.

* * *

Товарищ милый и безрассудный,
Разве не весело, что мы вдвоем,
И дни легкоглазы, и ночи нетрудны,
Когда мы странствуем и поем.

Узлы дорог все туже и туже,
Но тебя не оставлю ветрам и дождям.
Нет! Голод и зной, и ночлег, и ужин,
И улыбки, и стоны — все пополам.

Мы оба горды, но ты справедливей,
И глаза у тебя, как добрый цветок,
Мои волосы жестче и руки ленивей,
И — прости — я почти со всеми жесток.

Так наши жизни растут и крепнут —
Все больше правды, все меньше снов,
Когда же люди совсем ослепнут,
Они скажут, что ты и я — одно.

II

* * *

Посмотри на ненужные доски —
Это кони разбили станки,
Слышишь свист, удаленный и плоский?
Это в море ушли миноноски
Из заваленной льдами реки.

Что же, я не моряк и не конник,
Спать без просыпа? Книгу читать?
Сыпать зерна на подоконник?
А! Я вовсе не птичий поклонник,
Да и книга нужна мне не та...

Жизнь учила веслом и винтовкой,
Крепким ветром, по плечам моим
Узловатой хлестала веревкой,
Чтобы стал я спокойным и ловким,
Как железные гвозди — простым.

Вот и верю я палубе шаткой,
И гусарским упругим коням,
И случайной походной палатке,
И любви, расточительно краткой,
Той, которую выдумал сам.

* * *

Хотел я ветер ранить колуном,
Но промахнулся и разбил полено,
Оно лежало, теплое, у ног,
Как спящий, наигравшийся ребенок.
Молчали стены, трубы не дымили,
У ног лежало дерево и стыло.

И я увидел, как оно росло,
Зеленое, кудрявое, что мальчик,
И слаще молока дожди поили
Его бесчисленные губы. Пальцы
Играли с ветром, с птицами. Земля
Пушистее ковра под ним лежала.

Не я его убил, не я пришел
Над ним ругаться, ослепить и бросить
Кусками белыми в холодный ящик.
Сегодня я огнем его омою,
Чтоб руки греть над трупом и смеяться
С высокой девушкой, что — больно думать —
Зеленой тоже свежестью полна.

* * *

М. Неслуховской

Где ты, конь мой, сабля золотая,
Косы полонянки молодой?
Дым орды за Волгою растаял,
За волной седой.

Несыть-брагу — удалую силу —
Всю ковшами вычерпал до дна.
Не твоя ль рука остановила
Бешеных любимцев табуна?

На, веди мою слепую душу,
Песнями и сказками морочь!
Я любил над степью звезды слушать,
Опоясывать огнями ночь.

Не для деревенских частоколов,
Тихопламенных монастырей,

Стал, как ты, я по-иному молод,
Крови жарче и копья острей.

Проклянет меня орда и взвоет,
Пусть, ведь ты, как небо, весела.
Бог тебе когда-нибудь откроет,
Почему такою ты была.

* * *

Когда уйду — совсем согнется мать,
Но говорить и слушать так же будет,
Хотя и трудно старой понимать,
Что обо мне рассказывают люди.

Из рук уронит скользкую иглу,
И на щеках заволокнятся пятна,
Ведь тот, кто не придет уже обратно,
Играл у ног когда-то на полу.

* * *

Ты мне нравишься больше собаки,
Но собаку я больше люблю.
Разделять ты привыкла со всяким
И дорогу и душу свою.

Я и пес, мы суровы и цельны,
И свободы не дарим — возьми,
Охранял он мой сон колыбельный,
Я его охраню пред людьми.

Много рук твои руки встречали,
Не приходишь ты с ласкою вновь,
Как же, лаской тебе отвечая,
Не ответить ему на любовь?

* * *

Мою душу кузнец закалил не вчера,
Студил ее долго на льду.
— Дай руку, — сказала мне ночью гора, —
С тобой куда хочешь пойду!

И солнечных дней золотые шесты
Остались в распутьях моих,
И кланялись в ноги, просили мосты,
Молили пройти через них.

И рощи кричали: «Любимый, мы ждем,
Верны твоему топору!»
Овраги и рощи горячим дождем
Мне тайную грели нору.

И был я беспутен, и был я хмелен,
Еще кровожадней, чем рысь,
И каменным солнцем до ног опален —
Но песнями губы зажглись.

* * *

Полюбила меня не любовью,
Как березу огонь — горячо,
Веселее зари над становьем
Молодое блестело плечо.

Но не песней, не бранью, не ладом
Не ужились мы долго вдвоем, —
Убежала с угрюмым номадом,
Остробоким свистя каиком.

Ночью, в юрте, за ужином грубым
Мне якут за охотничий нож

Рассказал, как ты пьешь с медногубым
И какие подарки берешь.

«Что же, видно, мои были хуже?» —
«Видно, хуже», — ответил якут
И рукою, лиловой от стужи,
Протянул мне кусок табаку.

Я ударил винтовкою оземь,
Взял табак и сказал: «Не виню.
Видно, брат, и сожженной березе
Надо быть благодарной огню».

* * *

Волчица родных берлог
Подарила мне пару щенят,
И один — круглолоб и строг,
А другой — разнолап и космат.

Что мне с ними? Заброшу ли в пруд —
Выплывают, глазами косят,
Зашвырну ли их в печь, — но и тут
Только воют, а нет — не горят.

И они не друзья, не враги,
Но косматый кусаться свиреп,
Круглолобый лежит у ноги
Безъязычен, недвижим и слеп.

А когда упаду на сугроб —
Коченеть без людей, без огня —
Круглолобый оближет мне лоб,
А косматый укусит меня.

* * *

Наши комнаты стали фургонами,
Заскрипели колес обода —
А внизу волосами зелеными
Под луною играет вода.

И мы едем мостами прозрачными
По земле и по небу вперед.
Солнце к окнам щеками кумачными
Прижимается и поет.

В каждом сердце — июльский улей
С черным медом и белым огнем —
Точно мы впервые согнули
Свои головы над ручьем.

Мы не знаем, кто наш вожатый,
И куда фургоны спешат,
Но, как птица из рук разжатых,
Ветер режет крылом душа.

III

АНГЛИЯ

Старый дьявол чистит ногти пемзой,
С меловых утесов вниз плюет,
И от каждого плевка над Темзой
Гулкий выплывает пароход.

Тащится потом, хромая, в гости
К жестокосой, бледнощекой мисс,
И без проигрыша бросает кости
Пальцами увертливее крыс.

Из дубовых вырубать обрубков
Любит он при запертых дверях
Капитанов с компасом и трубкой
И купцов со счетами в руках.

И они уверенно, нескоро
В мире побежденном утвердят
Свой уют каюты и конторы
И дубовых наплодят ребят.

СВИФТ

Всему здесь низкая цена:
Помои, взмыленную воду
Льют на голову из окна
Нечаянному пешеходу.
Из длинных щелей кислый пар,
У двери — с глиною носилки,
Насколько крепки черепа,
С утра уж пробуют бутылки.

Любовь, целуй в подбитый глаз
Матроса, нищего, воровку!

Не всем в парламенте атлас,
Но всем в Ньюгете есть веревка.
Но и в карет сановный бег
Иной раз камень свистнет кстати, —
На страже резкий человек
В зеленом чучельном халате.

Он знает, дерзостный старик,
Какой вас ветер сдунуть может, —
Тебя, Филипп, гнилой мясник,
Вас, королева Анна, — тоже.
Молчи, слепая голытьба!
Пусть говорят одни памфлеты;
Они лишь зерна, а борьба,
Как урожай, не раньше лета.

И лорд, в батист упрятав нос,
За сто гиней просить союза
Идет во весь расшитый рост
К тому, кто в ссоре даже с музой.
«День добрый, друг, я в вашей воле...» —
«Спасибо, герцог, я польщен.
Сегодня ваш обед без соли —
Так вот вам соль: ступайте вон!
Прошу, я с вами незнаком».
О сколько счастья вслед гинеям
Швырнуть дырявым башмаком,
И засмеяться, не бледнея!
Пусть злоба хлопает дверьми,
Отсюда — есть терпенью мера —
Впервые лилипутский мир
Услышит голос Гулливера.

Ведь здесь, уставшая молчать,
В обложке из тисненой кожи
Лежит высокая тетрадь,
Всех лордов Лондона дороже.

* * *

Был на птицу хмурую похож он,
Руки волочил, как два крыла,
И его судили строго, строже,
Чем людей — земли и ремесла.

Поднялся судья в сукне тяжелом,
Черный рот сказал: виновен, но...
Заскреблась, забилась мышь под полом,
Дуб качнулся и разбил окно.

Человек в цепях ответил, — слышу! —
Через стены и ряды врагов
На позорную он площадь вышел
И прошел одиннадцать шагов.

На двенадцатом взмахнул руками,
И, ударив о соседний дом,
Черно-синее метнулось пламя
В небо угрожающим копьем.

Так о нем мне рассказала память
Перед утром в петушиный час.
Дуб стучал зелеными руками,
Мышь скреблась, и пенилась свеча.

* * *

Человек, который смеется

В. Гюго

Ночными солнцами владея,
На спящей маленькой земле
Моя любовь — слепая Дея,
Смотри, как нежен Гуинплен!

Ему и волк колена лижет,
И чертит ласточка кольцо,
А он все трепетней, все ниже
К тебе склоняется лицом.

Скажи — он принесет парламент
В ладонях вытянутых рук,
Войдет в хохочущее пламя,
Подставит шею топору.

О, если б знала ты, бледнея,
Зовя с собой в старинный плен,
Что ты убьешь, слепая Дея,
Того, кто звался Гуинплен.

* * *

Длинный путь. Он много крови выпил.
О, как мы любили горячо —
В виселиц качающемся скрипе
И у стен с отбитым кирпичом.

Этого мы не расскажем детям,
Вырастут и сами все поймут,
Спросят нас, но губы не ответят,
И глаза улыбки не найдут.

Показав им, как земля богата,
Кто-нибудь ответит им за нас:
«Дети мира, с вас не спросят платы,
Кровью все откуплено сполна».

БРАГА

...И вечный бой! Покой нам только снится.

А. Блок

* * *

Не заглушить, не вытоптать года, —
Стучал топор над необъятным срубом,
И вечностью каленая вода
Вдруг обожгла запекшиеся губы.

Владеть крылами ветер научил,
Пожар шумел и делал кровь янтарной,
И брагой темной путников в ночи
Земля поила благодарно.

И вот под небом, дрогнувшим тогда,
Открылось в диком и простом убранстве,
Что в каждом взоре пенится звезда
И с каждым шагом ширится пространство.

РЫБАКИ

Напряглись вконец рыбачьи души,
И взлетел песок им до колена,
В брызгах, точно через соль и порох,
Волочат из океана город,
Сети тащат лестницы и стены.

На паркетах лоснятся машины,
Люди шумны в тканях духовитых,
Кто видал затейнее корыто?
Только старший усмехнулся длинно:
— Рыбаку нужны волна да небо,
Отдадим-ка лишнее обратно.

Ухнул город в переплеск двукратный.

Гнал им в сети вечеровый ветер
Тучу теплой, краснобокой рыбы,
Посыпали рыбье сердце солью —
На камнях пекли ее нескоро —
И уснули зубы на рассвете.
А в полях всю ночь рыбачьи дети
Из камней сколачивали город.

Лег поселок перед их законом,
Как ладья под тучею бродячей,
Город встал и порохом каленым
Припечатал бороды рыбачьи.

Я рожден в береговой стоянке,
Когда парус выкрасили кровью,

Рыбу вбили в жестяные банки,
Мертвым дали волны в изголовье.

Только в сердце и сумел сберечь я,
Как гудели сети в этот вечер,
Темные, как мудрость человечья.

ВОЗВРАЩЕНИЕ МЕФИСТОФЕЛЯ

От дождя пробегает по камню дрожь,
Патруль прикладом стучит на крик,
Только ветер да ночь ты сегодня вплетешь
В свои ржавые кудри, старик.

Искушать любовь, заклинать цветы
Тяжелая сила его несет,
За улицей — улица, темны и пусты,
За углом, за сугробом — вход.

Лохматится пса седая спина,
Стучится и входит глупец —
В доме не спят, в доме — тишина,
Но весь он — бетон и свинец.

Хозяин рад и ведет жену,
Холодом звездным горят волоса,
Сквозь гостя она глядит в тишину
И просит подняться в сад.

Лилии льются, медь блестит,
Соловей стеклянный поет в кустах,
И шепотом ветхим старик ворожит,
Но в шепоте пыль и страх.

Но дождем пробегает по телу дрожь,
И в жилах ветер стучит.
— Здесь бетон и свинец, старину не тревожь, —
Хозяйка, смеясь, говорит.

А хозяин встал, и ударил пса,
И взглянул глазами врага.
Да, забыли они, как блестит роса
На волнистых, на долгих лугах.

Патруль прикладом стучит на крик,
Капли летят брызг дождевых,
Нагибаясь, псу говорит старик:
— Их двое, и мир для них.

И снова, сгибаясь, хохочет он:
— Я слышу, слышу конец! —
Сквозь душу и ночь прорастает бетон,
Над кровью шумит свинец!

СЕВЕРНАЯ ИДИЛЛИЯ

Не простые чайки по волне залетели,
Забежали невиданные шнявы,
Как полночному солнцу иволги пели,
Слушал камень лютый да травы.

Расселись гости, закачали стаканы,
С зеленой водой пекут прибаутки,
Кроют блины ледяной сметаной,
Крепкие крутят самокрутки.

Чудят про свой город; гора не город,
Все народы толкутся в нем год целый,
Моржей тяжелей мужи поморы,
В смоленом кулаке держат дело.

— А у нас валуны как пестрые хаты,
Заходи-ка чужак в леса спозаранья,
Что отметин на елях понаставил сохатый,
Что скрипу чудного от крыла от фазанья.

Хохочет кожаный шкипер, румяный, манит:
— Ну, заморского зелья, ну, раз единый. —
Стеклянная кровь ходуном в нем нынче мурманит,
В собачьем глазу его тают льдины.

Руку жмет, гудят кости, что гусли,
Лает ласково в дым и ветер.
— Лондон, Лондон — Русь моя, Русь ли?
В ушкуйницу мать — ушкуйники дети.

Расплылся помор, лапу тычет вправо,
Колючебородый, с тюленьей развалкой старик:
— А вон там, пес гы божий, глянь через камень
и травы,
Москва-мать, ходу десять недель напрямик.

ГЕРМАНИЯ

Июлем синим набежало время,
В ветвях кочует слив отряд,
Домой вернувшийся солдат
Несет зарю в тяжелом шлеме,
Чтобы отдать садам.

Еще клеймо с короной на плече,
Еще бежит дыхание огня
Нечаянно через сады и сливы,
Еще молчать рукам нетерпеливым
И деревам склоняться у плетня.

Но уже кровью пьяны Лорелеи,
Хрипя на площадях о том,
Что узки временам плац-парки и аллеи,
Под черным колесом грузовика
Погибнет Лютера спокойный дом.

Пивной ручей — вторая кровь народа
Жжет бороды, но души не бодрит,
Кричат в ушах стальные Лорелеи,
Германский хмель — безумец огородов —
Тягучей силою степей обвит.

А там внизу в осколках красных градин
Куется для последней боли зуб,
Там ждут давно — и если молот Тора
Из зал высоких навсегда украден,
Тот молот Тора там внизу.

КРЫСА

Ревела сталь, подъемники гудели,
Дымились рельсы, вдавленные грузом,
И в масляной воде качались и шипели
На якорях железные медузы.

Таили верфи новую грозу,
Потел кузнец, выковывая громы,
Морщинолобый, со стеклом в глазу,
Исчерчивал таблицами альбомы.

Взлетали полотняные орлы,
Оплечья крыш царапая когтями,
И карты грудью резали столы
Под шулерскими влажными руками.

Скрипучей кровью тело налито,
Отравленной слюной ночного часа,
С жемчужным горлом в бело-золотом
Пел человек о смерти светлых асов.

Сердец расплющенных теплый ворох
Жадно вдыхал розоватый дым,
А совы каменные на соборах
Темноту крестили крылом седым.

Золотому плевку, красному льду в бокале
Под бульварным каштаном продавали детей,
Из полночи в полночь тюрьмы стонали
О каторгах, о смерти, о миллионах плетей.

Узловали епископы в алтарном мраке
Новый завет для храбрых бродяг,
В переплетах прекрасного цвета хаки,
Где рядом Христос и военный флаг.

А дряхлые храмы руки в небо тянули,
И висел в пустоте их черный костяк,
Никто не запомнил в предсмертном гуле,
Как это было, а было так:

Земле стало душно и камням тесно,
С облаков и стен позолота сползла,
Серая крыса с хвостом железным
Из самого черного вышла угла.

И вспыхнуло все, и люди забыли,
Кто и когда их назвал людьми.
Каменные совы крылами глаза закрыли,
Никто не ушел, никто... Аминь!

* * *

Из долгого, прямого парохода
Самаритян холодных приношенье
Стекает рисом, салом, молоком.
Язык морского, строгого народа,
Хрип слов чужих, их краткий ритм движенья,
Нам, изгонявшим медленность, знаком.

Они иную гнули тетиву,
Безжалостней и волею отвесней,
Их улицы надменной чистоты,
Но и у них родятся и живут
Такие ж волны в гаванях и песнях,
И женщины такие же, как ты.

Какие б нас ни уводили вновь
Глухие тропы за бедою черствой, -
Настанет наш черед —
Мы им вернем их темную любовь,
Мы им вернем упорство за упорство,
За мудрость — мудрость, лед — за лед!

* * *

Пажить за пажитью окаменела,
Плуг почернел, упало весло,
Над мертвою Волгой зеленое тело
Песками и тиною заросло.

Не было, нет и не будет чуда
Снова — бродяжные — с посвистом злым
Снова навьючим Москву на верблюда,
Туго затянем злые узлы.

Будет нам ворон гибель пророчить,
Будут рабы хрипеть у костра.
Костью детей заплатим за ночи,
Рваные ночи в душных шатрах.

Каменным, глиняным, узким змеем
Длинные годы уйдут из-под ног.
Но не должны мы, не можем, не смеем
Ханских послов целовать сапог.

Мы доползем и рухнем с упора,
Расплещем под гонги и барабан
На лаковых лестницах града Лагора
Крови косматой непочатый жбан.

МАХНО

Илье Груздеву

Не пастух собирает стадо,
Не к ранней трезвонят часто,
То сзывает раду-громаду
Сам Батько Махно клыкастый.

Затрещали скворцами наганы,
Закрывают молодайки двери,
Сизым полымем за туманы
Залетают жар-птицы перья.

Не чижи в воробьиной луже —
Кувыркаются паровозы,
И гуляет Батько, не тужит —
Точно в картах тузовый козырь.

Но все глуше маузеры лают,
Все тусклее полощутся сабли,

Уже кони землю зацепляют,
Пулеметы гребут, как грабли.

Не побить всех днепровских уток,
Не угнать за лиман все тучи,
Еще много кожаных курток
На московских плечах колючих.

Понатешился Батько посевцем,
Дарит ветер он красным доломаном
И уходит обратно к королевцам,
К синеусым молдавским банам.

Пьет и бьет за чаркою чарку,
Снова зубы, как сабли, точит,
И, как угли, дымятся жарко
Завидущие Батькины очи.

ИСЛАМ

Илль-алла.
Уста мои — правда и суд!
Вам — люди, вам — облака, вам — звери пустыни, —
Отец его дымчатогорбый верблюд,
Зеленокудрая мать его — пальма в Медине.

Я шел по следу его ноги,
Но уголь — сердце его, душа-блудница,
Он неверным служил, он чистил им сапоги,
Он сражался за них и от битвы не смел отклониться.

И я отошел, отошел я в ветер и путь —
Ему ли, алла, ему ль опрокидывать тьму?
И верблюд изумрудный рассек мне копытами грудь,
И собака святая пролаяла: да, ему, —

Элиф, лам, мим!
Слушай!
Зеленее леса ночь Аль-Кадра,
Кто в двери и сердце мое постучал?
И встал я как муж, и как воин я встал, и как брат,
Губами на губы и сталью на сталь отвечал...

Близок срок...
Пальмы устали качать головой на восток,
Молятся травы, и львы не приходят к воде —
Не сто поцелуев, но истинно трижды сто
Я возьму у тебя при первой ночной звезде,

Чтобы в эту ночь Аль-Кадра
Моя жизнь вернулась ко мне,
И тому человеку сказал я: «Пора», —
Которого нет сильней...

Уста мои — правда и уста мои — суд!
Завтра в путь отправляться мне,
Потому что погонщик я и верблюд
И земля и небо над ней...

И завтра — меч.
Спи, мой цветок...
Сегодня мир — на Земле и на воде,
Сегодня в ночь Аль-Кадра
Даже самый отверженный из людей
С пророками входит в рай...

ПЕРЕКОП

Катятся звезды, к алмазу алмаз,
В кипарисовых рощах ветер затих,
Винтовка, подсумок, противогаз
И хлеба — фунт на троих.

Тонким кружевом голубым
Туман обвил виноградный сад.
Четвертый год мы ночей не спим,
Нас голод глодал, и огонь, и дым,
Но приказу верен солдат.

«Красным полкам —
За капканом капкан...»
...Захлебнулся штык, приклад пополам,
На шее свищет аркан.

За море, за горы, за звезды спор,
Каждый шаг — наш и не наш,
Волкодавы крылатые бросились с гор,
Живыми мостами мостят Сиваш!

Но мертвые, прежде чем упасть,
Делают шаг вперед —
Не гранате, не пуле сегодня власть,
И не нам отступать черед.

За нами ведь дети без глаз, без ног,
Дети большой беды,
За нами — города на обломках дорог,
Где ни хлеба, ни огня, ни воды.

За горами же солнце, и отдых, и рай,
Пусть это мираж — все равно!
Когда тысячи крикнули слово: «Отдай!» —
Урагана сильней оно.

И когда луна за облака
Покатилась, как рыбий глаз,
По сломанным рыжим от крови штыкам
Солнце сошло на нас.

Дельфины играли вдали,
Чаек качал простор,
И длинные серые корабли
Поворачивали на Босфор.

Мы легли под деревья, под камни, в траву,
Мы ждали, что сон придет,
Первый раз не в крови и не наяву,
Первый раз за четвертый год...

Нам снилось, если сто лет прожить —
Того не увидят глаза,
Но об этом нельзя ни песен сложить,
Ни просто так рассказать!

СВАТЫ

Полюбил без памяти Микадо
Желтым сердцем за морем жену,
Жгут, слепят, шумят ее наряды,
Все пути ведут в ее страну.

Звона звонче сундуки Алтая,
Реки полны рыбы и воды,
Хороша пушнина горностая,
Рыси рыжи, лоси молоды.

Усмехнулись сваты-самураи
Скулами темнее янтаря,
Видят: с ветром льдинами играет,
Только сосны клонятся подряд.

От печали и любви упорной
Брат Дракона горько занемог,
Начал рис ему казаться черным,
Солью он посыпал свой порог.

Не впервой мне слышать эти речи,
Гей ты, мать, разлапая тайга,
Разметай мне косы по надплечью,
Освежи мне зубы-жемчуга.

Чуден муж мой будет: с пол-аршина,
Посажу, как белку, на ладонь,
Степь живет ведь песней комариной,
Из наперстка люди пьют огонь.

Желтоклювы, гости поморяне,
Поплыву к вам на павлиний двор,
Крепкоплечи сосны на Саяне,
Любит их мой каменный топор.

Ночь длинна, свалите их до солнца,
Свадебные стройте корабли,
Усмехнулись гордые ниппонцы,
Свистнули, как змеи, и пошли.

Спит невеста — сны пургою вьются,
Лязг и звон крутятся через сны,
Бьются час, другой и третий бьются,
Ни одной не повалить сосны.

Не по их рукам топор Саяний,
Лишь кора смолистая летит,
Спит невеста, скоро утро встанет,
Заполощет паруса в пути.

Соль хрустит, Дракона брат глотает
Черный рис, глотает узким ртом,
Не вернутся сваты-самураи,
Под дремучим спят они хребтом,

Они честно потеряли лица,
Сели в круг и вынули мечи,

Им теперь топор двуручный снится,
Рыжих глаз косматые лучи.

Эх, краса не для земли павлиньей,
Дышит грудь и губы говорят,
Десять жаб распоротых и синих
Красной лапой тронула заря.

* * *

Потным штыком банку пробил,
Зажевали губы желтое сало,
Он себя и землю любил,
И ему показалось мало.

От моря до моря крестил дороги,
Желтое сало — как желтый сон,
А запаивал банку такой же двуногий,
Такой же не злой и рябой, как он.

Галдели бабы: зайди, пригожий!
Ворчали деды: погоди, погоди!
От моря до моря все было то же,
Как ты ни пробуй, как ни ходи.

Язык по жестянке жадно бегал,
Не знает консервный заморский слуга,
Как можно любить эти комья снега,
Кривые цветы на колючих лугах.

А ударит буря или сабля положит,
Покатится банка, за ней — голова.
Ну, как рассказать, что всего дороже
Живая, впитавшая кровь трава.

* * *

Еще в небе предутреннем и горбатом
Тучи горят в пустырях ночных.
Самой последней и злою платой
Я откупил силу рук твоих.

Люди легли, как к саням собаки,
В плотно захлестнутые гужи,
Если ты любишь землю во мраке
Больше, чем звезды, — встань и скажи.

Песню наладим, как ладят шхуну,
Встретим сосну — улыбнись, пойму,
Песенным ветром на камни дуну —
И камни встанут по одному.

Отчего и на глине и на алмазе
Рука твое имя всегда найдет?
Ветка курчавая знает разве,
К солнцу какому она растет?

ЧЕЛОВЕК С СЕВЕРА

Они верили в то, что радость — птица,
И радость била большим крылом,
Под ногами крутилась черной лисицей,
Вставала кустами, ложилась льдом.

Лед пылью слепящей, сухой и колкой
Этот снившийся путь не во сне, не во сне окружил —
Так плечо о плечо — а навстречу сугробы и елки,
А навстречу сторожка у сосновой бежит межи.

Кто войдет в нее — сам приготовит ужин,
Разбуянит огонь и уж больше ночей не спит,

И кровь его смешана с ветром, с вьюжной тяжелой стужей,
Долгою зимнею песней неудержимо стучит.

Ночная земля осыпана снегом и хмелем,
Мы отданы ей, мы земному верны мятежу —
В расплавленной солнцами Венесуэле
Пальмовым людям когда-нибудь все расскажу:

О сердцах, о глазах, больших и тревожных,
О крае моем, где только зима, зима,
О воде, что, как радость земную, можно
Синими кусками набить в карман.

И люди поверят и будут рады,
Как сказкам, поверят ледяным глазам,
Но за все рудники, стада, поля, водопады
Твое имя простое я не отдам.

БАЛЛАДА О ГВОЗДЯХ

Спокойно трубку докурил до конца,
Спокойно улыбку стер с лица.

«Команда, во фронт! Офицеры, вперед!»
Сухими шагами командир идет.

И слова равняются в полный рост:
«С якоря в восемь. Курс — ост.

У кого жена, дети, брат —
Пишите, мы не придем назад.

Зато будет знатный кегельбан».
И старший в ответ: «Есть, капитан!»

А самый дерзкий и молодой
Смотрел на солнце над водой.

«Не все ли равно, — сказал он, — где?
Еще спокойней лежать в воде».

Адмиральским ушам простукал рассвет:
«Приказ исполнен. Спасенных нет».

Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было в мире гвоздей.

* * *

У меня была шашка — красавица станом,
В залатышской стране крещена,
Где гремели костры над балтийским бурьяном, —
Я забыл, как звалась она.

Наговорное слово быль-небылицы
Из кряжистого высек куска, —
Как почтовую легкую птицу
Я пустил его по рукам.

Дом бросил для мги бездорожной,
Осталась дома сестра,
Вернулся совою осторожной,
Попросил воды из ведра.

Хрипел от злобы и крови,
В волосах замотался репей,
По согнутым пальцам, по дрогнувшей брови
Узнала, сказала: пей.

А дом дышал, как пес на чужого,
Я жил, не хранил, как живут пустыри,

Я шашку сломал, наговорное слово
Чужим по пути раздарил.

Идти ли мне влево, идти ли прямо —
Искать худого добра,
Но дом не согнется, не рухнет в яму,
Пока у огня — сестра.

БАЛЛАДА О СИНЕМ ПАКЕТЕ

Локти резали ветер, за полем — лог,
Человек добежал, почернел, лег,

Лег у огня, прохрипел: «Коня!» —
И стало холодно у огня.

А конь ударил, закусил мундштук,
Четыре копыта и пара рук.

Озеро — в озеро, в карьер луга,
Небо согнулось, как дуга.

Как телеграмма, летит земля,
Ровным звоном звенят поля.

Но не птица сердце коня, не весы,
Оно заводится на часы.

Два шага — прыжок, и шаг хромал,
Человек один пришел на вокзал.

Он дышал, как дырявый мешок,
Вокзал сказал ему: «Хорошо».

«Хорошо», — прошумел ему паровоз
И синий пакет на север повез.

Повез, раскачиваясь на весу,
Колесо к колесу, колесо к колесу.

Шестьдесят верст, семьдесят верст,
На семьдесят третьей — река и мост.

Динамит и бикфордов шнур — его брат,
И вагон за вагоном в ад летят.

Капуста, подсолнечник, шпалы, пост,
Комендант прост, и пакет прост.

А летчик упрям и на четверть пьян,
И зеленою кровью пьян биплан.

Ударили в небо четыре крыла,
И мгла зашаталась, и мгла поплыла.

Ни прожектора, ни луны,
Ни шороха поля, ни шума волны.

От плеч уж отваливается голова,
Тула мелькнула — плывет Москва.

Но рули заснули на лету,
И руль высоты проспал высоту.

С размаху земля навстречу бьет.
Путая ноги, сбегался народ.

Сказал с землею набитым ртом:
«Сначала пакет — нога потом».

Улицы пусты — тиха Москва,
Город просыпается едва-едва.

И Кремль еще спит, как старший брат,
Но люди в Кремле никогда не спят.

Письмо в грязи и в крови запеклось,
И человек разорвал его вкось.

Прочел, о френч руки обтер,
Скомкал и бросил за ковер:

«Оно опоздало на полчаса,
Не нужно — я все уже знаю сам».

* * *

Разве жить без русского простора
Небу с позолоченной резьбой?
Надо мной, как над студеным бором,
Птичий трепет — облаков прибой.

И лежит в руках моих суглинок
Изначальный, необманный знак —
У колодцев, теплых стен овина
Просит счастья полевой батрак.

Выпашет он легшие на роздых
Из земной спокойной черноты,
Жестяные, согнутые звезды,
Темные иконы и кресты.

Зыбь бежала, пала, онемела,
А душа взыграла о другом,
И гайтан на шее загорелой
Перехвачен песенным узлом.

Земляной, последней, неминучей
Послужу я силе круговой —
Где ж греметь и сталкиваться тучам,
Если не над нашей головой?

УТРО

В глазах еще дымился сон,
И так рассеянно шатались ноги,
Как будто бы не шли они со мною,
А еще спали на полу, в гостиной,
Перед потухшей изразцовой печью.

И я сказал приятелю: смотри!
Но может, не сказал, а только вспомнил,
Да и приятель сразу же пропал.
Река шипела утренним свинцом,
Подпрыгивая, кладь везли тележки,
Ползли в тумане длинные трамваи,
Мальчишки продавали папиросы.

И я купил, не знаю сам: зачем —
Затем, быть может, чтоб с потухшей спичкой
Минуту можно было постоять,
Еще одну минуту у подъезда
Того большого, пасмурного дома,
Где я оставил лучшего себя.

А, может, это только показалось?

ПЕСНЯ ОБ ОТПУСКНОМ СОЛДАТЕ

Батальонный встал и сухой рукой
Согнул пополам камыш:
«Так отпустить проститься с женой,
Она умирает, говоришь?

Без тебя винтовкой меньше одной, —
Не могу отпустить. Погоди:
Сегодня ночью последний бой.
Налево кругом — иди!»

...Пулемет задыхался, хрипел, бил,
И с флангов летел трезвон,
Одиннадцать раз в атаку ходил
Отчаянный батальон.

Под ногами утренних лип
Уложили сто двадцать в ряд.
И табак от крови прилип
К рукам усталых солдат.

У батальонного по лицу
Красные пятна горят,
Но каждому мертвецу
Сказал он: «Спасибо, брат».

Рукою, острее ножа,
Видели все егеря,
Он каждому руку пожал,
За службу благодаря.

Пускай гремел их ушам
На другом языке отбой,
Но мертвых руки по швам
Равнялись сами собой.

«Слушай, Денисов Иван!
Хоть ты уж не егерь мой,
Но приказ по роте дан,
Можешь идти домой».

Умолкли все — под горой
Ветер, как пес, дрожал.
Сто девятнадцать держали строй,
А сто двадцатый встал.

Ворон сорвался, царапая лоб,
Крича, как человек.

И дымно смотрели глаза в сугроб
Из-под опущенных век.

И лошади стали трястись и ржать,
Как будто их гнали с гор,
И глаз ни один не смел поднять,
Чтобы взглянуть в упор.

Уже тот далеко ушел на восток,
Не оставив на льду следа, —
Сказал батальонный, коснувшись щек:
«Я, кажется, ранен. Да».

* * *

Я одержимый дикарь, я гол.
Скалой меловою блестит балкон.
К Тучкову мосту шхуну привел
Седой чудак Стивенсон.

И лет ему нынче двадцать пять,
Он новый придумал рассказ —
Ночь отменена, и Земля опять
Ясна, как морской приказ. —

Пуля дум-дум, стрела, динамит
Ловили душу мою в боях,
И смеялась она, а сегодня дрожит
Болью о кораблях.

Но я такой — не молод, не сед, —
И шхуне, что в душу вросла,
Я не могу прочертить ответ
Соленым концом весла.

Пусть уходит в моря, в золото, в лак
Вонзать в китов острогу,
Я сердце свое, как боксер — кулак,
Для боя в степях берегу.

МОСТ

Поволжскому сердцу ветер над мостом
Дул многоверстным гудком,
Синим плясал на костях погоста
Чехословацким штыком.

И виделось мосту — черному чуду:
Дикие голуби прячут в скиты
Богородиц лесные венки,
Вскипают под берегом руды,
Кипят и палят плоты.

Не рыбу чехонь по отмели гонит
Остроперый орел-белохвост,
На восток застучали толпы и кони
Через утренний, сизый мост.

А ночью он змеем в небо прянул,
О холод вод разбил чешую,
Пытала земля в крови, в бурьяне
Ненасытную силу свою.

Над верблюжьим и лошадьим храпом
Мост тянул в прозрачной высоте
Черные обугленные лапы,
Перерубленные у локтей.

Вкруг деревни, как шальные крысы,
Жались по береговой стене,

Но уж алым яблоком-анисом
Наливалось солнце в ильмене.

Хоронили кости по дорогам,
Спрашивала медная мордва
Мастырпаса — лугового бога,
Жирно ли подымется трава.

На дворе раскольничьего дома
Догорала старая солома,
Низким дымом поле не слепя,
И бежало слово исполкомов
Горицветом красным по степям.

Мастер, молчаливый, четкий,
Кликнул клич в поемные луга,
И связали умною решеткой
Черным чудом снова берега.

И когда отчетливый и грозный
Над водой простерся переход,
Снова версты в крике паровозном
Хлынули с заката на восход.

Над гуртом аульим, по каменьям,
В богородичном бору
Рельсовые закрутились звенья,
Соловьем заныли на ветру.

Породнились свистами с овчиной,
С хлябью баламутною реки,
Там, где сом, объевшись мертвечиной,
Белым брюхом бился о быки.

Над мостом же полотняный голубь
Ширь клевал у неба на краю,
Над мостом же часовой веселый
Пел про злую молодость свою.

КОЛЫМАГА

По простору, по расейскому разору,
Озорству,
Спотыкаясь через гору,
Клочья кожи взмыв в бору,
Перекатом по оврагу
Тащат клячи колымагу.

Византийская икона,
Позолочена попона,
Грыз огонь — не догрыз,
Бармы ли — лоскутья Мономаха,
Ката ли проклятая рубаха
Свисла вниз.
Развалюга колымага по грязи
Хлюпает — эй, клячи, вывози!

Стала...
Сдохла на пристяжке, не дошла,
У бесхлебного села —
У киргизского привала.
Неуемный хан ли Тохтамыш,
Леший, царский ли сарбаз
Ласкою ременной вдоль горба
Раз не в раз,
В лоб и в глаз —
Тащи две.

Над Яузою Никола слюдяной
Не в Успенском ли посту
С недожеванной травой
В беззубом рту
Под боярскою стеной
Хлопнула вторая головой.
Лежи—
Мясо — татарве, а кожу бог
Не велел ли немцу на сапог?

Кляч ли не было на Руси —
Ты третья — хмара,
Глаз-алтын распухший не коси —
Даром.
На оглоблях ситец да парча,
Кружевница,
Черт с болотом крысу повенчал,
Нету пальцев на руке — чем молиться.
Не дотащишь.

Что торопишь ход
В Смольный под пулемет,
С моста через перила,
Сбили в сбитень силу,
Съели византийскую парчу
С патокой мыши,
Черный приживала твой, бродяга,
Ворон душу заживо клюет,
Петропавловских ворот
Не увидишь, слышишь,
Дьявол-колымага.

* * *

Хотели снять орла — веревок жалко,
Крыло железо-пуля не берет,
Виси себе — и ходит ветер валкий,
Красноармейский взвод поет.

Большая лошадь бродит садом,
Язычница, поклоны солнцу бьет,
Скрипи, орел, раз это ветру надо,
Раз ржавое железо не цветет.

В бетон республиканского фонтана
И мяч стучит, и пятки шалуна,

И детский смех, но нам смеяться рано
И нет еще нужды запоминать.

ЛОДКА

Кустарник стаял. Поредели сосны,
На неожиданном краю земли
Лежала лодка в золотых осколках
Последнего разбившегося солнца.
Ни голоса, ни следа, ни тропы —
Кривая лодка и блестевший лед.

Как будто небо под ноги легло.
Лед звал вперед, сиял и улыбался
Большими белыми глазами — лед!
Он легким был, он крепким был, как мы —
И мы пошли, и мы ушли б, но лодка —
Она лежала строго на боку,
Вечерние погнувшиеся доски
Нам говорили: «Здесь конец Земли».

За черным мысом вспыхнуло сиянье,
И золото в свинец перелилось.

Ты написала на холодной льдине —
Не помню я, и лед и небеса
Не помнят тоже, что ты написала, —
Теперь та льдина в море, далеко
Плывет и дышит глубоко и тихо,
Как этот вечер в золотых осколках
Плывет в груди...

СМЕРТЬ БОЙЦА

Железо в жилах уже не то,
Волос на руке не колюч,
А у сердца осталось ударов сто,
И сердце запрут на ключ.

Ему принесли винтовку — ту,
Что теперь возьмет его сын,
И за приступом взятую высоту
Золотые с гербом часы.

Он открыл затвор — напрасный труд:
Все патроны ушли в расход,
Часы стоят — часы не идут,
Им пыль переела ход.

И упала рука — с одеяла взяла
Славный лист, что положат в гроб,
На листе вверху — Гельсингфорс-скала,
Песий зуб внизу — Перекоп.

Лучше б яма волчья — шалый шлях,
Круторебрый уральский лом,
Ему ль, точившему коготь в полях,
Умирать в углу за стеклом.

Из-за Рейна руки кричат ему,
Был Мюнхена лебедь ал,
На Востоке с красным серпом чалму
Качает каспийский вал.

АФГАНСКАЯ БАЛЛАДА

Леса кораблей, контор редуты,
Машин и монет блистанье,
А вся эта мельница на ходу
Зовется Великобритания.

Синебородые, глина предместий,
Вершин ледяной кочан.
Чалма и песок, а все это вместе
Зовется Афганистан.

Но синебородых людей не слабее
Люди из Лондона и Бомбея.
Им спать не дает сознанье, что вот —
Рядом пасется вольный народ.

Им, толстым, тесно и душно,
Их гордость приказ отдает,
И сто бомбовозов воздушных
Тотчас же выходят в поход.

Сто ястребов вышли недаром
Из школы захватчиков старых
Китченера и Родса —
Попробуй с ними бороться.

Задела колодец налетчиков бомба —
Сразу старик завертелся и обмер.
Зарылася в пашню — пашня дыбом,
Скалы заплавали, точно рыбы.

Британского летчика когти остры,
Жилищ обреченных полосы
В костры побросал он, заставив костры
Вопить человечьим голосом.

Горы Пагмана и воды Кабула
Зарылись в дыму, опьянели от гула.

Тогда бомбовозы стали свистать
Победу, кичася властью,
И не было рук достать их,
И не было слов проклясть их.

Земля чернела, точно пах
Убитых лошаков,
Но каждый ярд ее пропах
Угрозой глубоко.

Афганец, тяжкодум густой,
Не хочет покориться:
«Пусть в небе ястреб не простой,
Но ястреб все же птица.

А если птица сеет гром —
Мы эту птицу подобьем».

Он глазом каменным следит
Кривых эскадр полет,
Качнулся, меткой пулей сбит,
Разбойничий пилот.

За ним другой, еще за тем
Перевернулись в высоте...

Очистив к ночи небосклон,
Угрюмый горец встретил сон:
Он доказал, что не слабее
Людей блестящего Бомбея.

А утром в небе выжег хвост,
Свистя, сто первый бомбовоз.

И горец, по ущелью мчась,
Сто первой пулей увлечен,
Винтовку вскинул на плечо...
Так эта битва началась.

ВЕТЕР

Вперебежку, вприпрыжку, по перекрытым
Проходам рынка, хромая влет
Стеной, бульваром, газетой рваной,
Еще не дочитанной, не дораскрытой,
Вчера родилась — сейчас умрет,

Над старой стеною часы проверив,
У моря отрезал углы, как раз —
Ты помнишь ветер над зимним рассветом,
Что прыгал, что все перепутывал сети,
Что выкуп просил за себя и за нас.

Сегодня он тот же в трубе и, редея,
Рассыпался в цепь, как стрелки, холодея,
И, грудью ударив, растаял, как залп,
Но что б он сказал, залетев в наши стены?
Мы квиты с ним, правда, но что б он сказал?

АРМЕНИЯ

В ладонях гор, расколотых
Стозвучным ломом времени,
Как яблоко из золота,
Красуется Армения.

Клыки войны и пламени
Подрублены вокруг,
Под свежим, мирным знаменем
Проходит полем плуг.

Кляняся Араратом
И Аракацем тучным,

Она признала братом
Работы день насущный.

И Дилижанским лесом,
И медью Зангезура,
И валом Дзорагэса
Владеет день лазурный.

Перед азийской глубью
Племен, объятых ленью,
Форпостом трудолюбия
Красуется Армения.

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ БАЛЛАДА О СТАРОМ ЗАГРАДИТЕЛЕ

Облака — как легкие феллуки,
Перископом загнанные в порт,

Взморья лиловеющий простор,
Солнце, разъяренное от скуки.

И корабль, тяжелый как вода,
Кличут чайки в дикие моря,

Но лежат недвижно якоря,
С берега веревочные руки
Вытянулись, держат — никуда.

Никуда — уже четыре года,
Темная, тяжелая вода,
Ветреная валкая погода —
Уж четыре года никуда.

Он недвижим, он дряхлеет между
Пароходов, скинутых с учета,
Плесенью одевших корпуса...
Здесь живут между камней несвежих
Катера с чиновничьей заботой
Да скрипят ревизий голоса.

Слово: смерть, печатал так легко ведь
Дней войны отчаянный станок.
Заградитель! Он отведал крови,
Без нее он нынче изнемог.

И теперь он пуст как барабан,
Мин тяжелых старое изданье
Цензор тишине обрек — и вот
Никуда уже который год
От таможни полосатой зданья,
Якорного, ржавого шатанья —
Крепок рук веревочных аркан, —
Спит корабль и видит сон пока:

Он бродит, море шевеля,
И всюду минные поля.

Весь мир покрыт одной волной,
И корабли идут стеной,

Победой душу веселя,
Но всюду минные поля.

За плеском — плеск и все в огне —
И флот прославленный — на дне.

Кто возвращается со дна?
Опять над морем тишина.

И море мирно как земля,
Но всюду минные поля.

В порту над темною водой
Очнется заградитель сонный,

И весь дрожит палач седой,
Предсмертной грезой увлеченный...

А это только ветер в бок
Его ударил и замолк.

САМИ

Мариэтте Шагинян

1

Хороший Сагиб у Сами и умный,
Только больно дерется стеком.
Хороший Сагиб у Сами и умный,
Только Сами не считает человеком.
Смотрит он на него одним глазом,
Никогда не скажет: спасибо.
Сами греет для бритья ему тазик
И седлает пони для Сагиба.
На пылинку ошибется Сами, —
Сагиб всеведущ, как Вишну,
Бьют по пяткам тогда тростниками
Очень больно и очень слышно.
Но отец у Сами недаром
В Беджапуре был скороходом, —
Ноги мальчика бегут по базарам
Все уверенней год от году.

2

Этот год был очень недобрым:
Круглоухого мышастого пони
Укусила черная кобра,
И злой дух кричал в телефоне.
Раз проснулся Сагиб с рассветом,
Захотел он читать газету,
Гонг надменно сказал об этом,
Только Сами с газетою нету.
И пришлось для бритья ему тазик
Поручить разогреть другому.

И — чего не случалось ни разу —
Мул не кормлен вышел из дому.

3

Через семь дней вернулся Сами,
Как отбитый от стада козленок,
С исцарапанными ногами,
Весь в лохмотьях, от голода тонок.
Синяка круглолобая глыба,
Сияла, как на золоте проба.
Один глаз он видел Сагиба,
А теперь он увидел оба.
«Где ты был, павиан бесхвостый?»
Сагиб раскачался в качалке.
Отвечает ему Сами просто:
«Я боялся зубов твоей палки
И хотел уйти к властелину,
Что браминов и раджей выше, —
Без дорог заблудился в долинах, —
Как котенок слепой на крыше».
«Ты рожден, чтобы быть послушным:
Греть мне воду, вставая рано,
Бегать с почтой, следить за конюшней,
Я властитель твой, обезьяна!»

4

«Тот, далекий, живет за снегами,
Что к небу ведут, как ступени,
В городе с большими домами,
И зовут его люди — Ленни[1].
Он дает голодным корочку хлеба,
Даже волка может сделать человеком,
Он большой Сагиб перед небом,

[1] Ленни — так индусы произносят имя «Ленин». *(Это и последующие примечания автора.)*

И совсем не дерется стеком.
Сами — из магратского рода,
Но свой род для него уронит:
Для бритья будет греть ему воду,
Бегать с почтой, чистить его пони.
И за службу даст ему Ленни
Столько мудрых советов и рупий,
Как никто не давал во вселенной, —
Сами всех сагибов погубит».

5

«Где слыхал ты все это, несчастный?»
Усмехнулся Сами лукаво:
«Там, где белым бывать опасно,
В глубине амритсарских лавок.
У купцов весь мир на ладони:
Они знают все мысли судра,
И почем в Рохилькэнде кони,
И какой этот Ленни мудрый.
«Уходи», — сказал англичанин.
И Сами ушел с победой,
А Сагиб заперся в своей спальне
И не вышел даже к обеду.

6

А Сами стоял на коленях,
Маленький, тихий и строгий,
И молился далекому Ленни.
Непонятному, как йоги,
Что услышал его малые просьбы
В своем городе, до которого птице
Долететь не всегда удалось бы, —
Даже птице быстрей зарницы;
И она б от дождей размокла,
Слон бежал бы и сдох от бега,

И разбилась бы в бурях, как стекла,
Огненная сагибов телега.

7

Так далеко был этот Ленни,
А услышал тотчас же Сами,
И мальчик стоял на коленях
С мокрыми большими глазами,
А вскочил легко и проворно,
Точно маслом намазали бедра.
Вечер пролил на стан его черный
Благовоний полные ведра,
Будто снова он родился в Амритсаре —
И на этот раз человеком, —
Никогда его больше не ударит
Злой Сагиб своим жестким стеком.

ПОИСКИ ГЕРОЯ

В КАРЕЛИИ

На дне корзины, выстеленной мохом,
Не так яснеет щучья чешуя,
Как озеро, серебряным горохом
Вскипающее рьяно по краям.

Иду за ним. Подъем оброс
Лесной глухой породой,
Поверх подъема лег погост —
Карелов мертвых отдых.

Выходит пастор — углублен и сух,
Выносят гроб, по вереску шурша,
Морщинятся высокие старухи,
Слезая с таратаек не спеша.

Ну разве так работника хоронят,
Под шамканье, под ветхие слова?
Зарытая в молитвенной попоне,
Старушечья мерцает голова.

Я ухожу. Мне не по нраву это,
Трущоба крика просит,
Я не хочу прослыть немым
Над озером, перед толпою сосен,
Вздымающих зеленые умы.

Сквозь черноту, черемухины скаты,
Замытые, слепые поколенья
Я вызываю старого собрата,
За мною глушь горланит: «Вейнемейнен!»

Игрок в слова! Твоя страна Суоми
Гранитным пауком оплетена,

Она без языка сегодня, Вейнемейнен,
Твоя, старик, страна.

Игрок в людей! Твоя страна Суоми
Угрюмою щетиной поросла,
Она с веревкою на шее, Вейнемейнен,
У ног хозяйского стола.

В Суоми нет игры. Паучье
Гнездовье стены замело,
Пой, Вейнемейнен, ты ведь знаешь лучше,
В чем яростное песен ремесло.

Как нужно песен узел завязать
И распустить, соединяя снова,
Я здесь затем, чтоб посмотреть в глаза
Трущобам, требующим слова.

Разведчик я. Лишь нагибаю ветки,
Стволы рубцую знаками разведки,
Веду тропу, неутомим,
Чтобы товарищ меткий
Воспользовался опытом моим.

А что подчас шагаю я неслышно,
Что знаки непонятны иногда
И что мою тропу находят лишней, —
Так, Вейнемейнен, это не беда.

ФИНСКИЙ ПРАЗДНИК

Медной рябиной осыпан гравий,
Праздничный люд шуршит, разодет.
Солнце — вверху, внизу — Хэпо-Ярви,
Может быть, Хэпо, а может, и нет.

Пепельный финн в потертой кепке,
Древнебородый, и тот посвежел,
Место расчищено — ноги крепки.
Все приготовлены рты уже.

Медленной песни заныла нота,
Странствуя, гнется, странно темна,
Гнется и тянется без поворота...

Из неподвижных рядов — короткой
Походкой выходят он и она.

Желтее желтка ее платок,
Синьки синее его жилет,
Четыре каблука черных сапог
Тупо стучат: туле-н! туле-т!

Он пояс цветной рукой обводит,
Угрюмо и молча, шагом одним
Обходяг площадку, вновь обходят,
И снова в обход идут они.

Стучат без улыбки на месте потом,
Странствует песня, гнетет и гнетет,
И дымнобородый с пепельным ртом
Сквозь желтые зубы нить ведет.

Упрямо и медленно ноги идут,
А звук на губах все один, один —
Как будто полки пауков прядут
Струну, ледянее льдин...

Но вертятся вдруг каблуки. Жесток
Их стук тупой: туле-н! туле-т!
И желтой пеной горит платок,
И синим огнем пылит жилет.

Рябины ветви, как рога,
Летят на них, и сразу

В глазах косых — Алтай, снега,
Змеиные искры Азии.

Рябины красные рога
Их тусклый танец сторожит —
Желтым огнем полыхает тайга,
Синей пылью пылят ножи.

Проходит тысяча темных лет,
И медленно снова: туле-н! туле-т!

Обходят опять неизменно и кротко,
Обходят площадку... Черной чечеткой
Оборвана песни нить...
Танцоры буксуют. Походкой короткой
Идут под рябину они.

С достоинством он на скамейку садится,
С цветного пояса руку берет,
Угрюмо и жестко целует девицу...
И праздник над ними шуршит и толпится,
А пепельный финн вытирает пот.

БОЛОТНЫЙ ЛЕС

Лес переполнен духотой,
Храпят седые валуны,
Хрустят хвощи да плауны
Своей зеленой темнотой.

Но сладковато вьется жуть,
Когда шагнешь и, точно мыло,
Болото вспенишь, ноги в муть
Уходят, чавкая постыло.

И холод бьется под ногой,
А сверху, над моим кочевьем,

Висят мякиною рябой
От жара тусклые деревья.

Но я на слух, я наизусть
Учу на ощупь леса кручи,
Чтоб эту дичь и этот хруст
Одеть одеждою гремучей.

И я сегодня рад как раз
Пути по дебрям простодушным,
Где костяники красный глаз,
Окостеневший равнодушно,

Глядит в лесную кутерьму
На разноцветное господство,
Где я когда-нибудь пойму
Его скупое превосходство.

ГУЛЛИВЕР ИГРАЕТ В КАРТЫ

В глазах Гулливера азарта нагар,
Коньяка и сигар лиловые путы, —
В ручонки зажав коллекции карт,
Сидят перед ним лилипуты.

Пока банкомет разевает зев,
Крапленой колодой сгибая тело,
Вершковые люди, манжеты надев,
Воруют из банка мелочь.

Зависть колет их поясницы,
Но счастьем Гулливер увенчан, —
В кармане, прически помяв, толпится
Десяток выигранных женщин.

Что с ними делать, если у каждой
Тело — как пуха комок,
А в выигранном доме нет комнаты даже
Такой, чтобы вбросить сапог.

Тут счастье с колоды снимает кулак,
Оскал Гулливера, синея, худеет,
Лакеи в бокалы качают коньяк,
На лифтах лакеи вздымают индеек.

Досадой наполнив жилы круто,
Он — гордый — щелкает бранью гостей,
Но дом отбегает назад к лилипутам,
От женщин карман пустеет.

Тогда, осатанев от винного пыла,
Сдувая азарта лиловый нагар,

Встает, занося под небо затылок:
«Опять плутовать, мелюзга!»

И, плюнув на стол, где угрюмо толпятся
Дрянной, мелконогой земли шулера,
Шагнув через город, уходит шататься,
Чтоб завтра вернуться и вновь проиграть.

АМЕРИКА

1

Атлантический вал предо мной не кипел,
Не ступала по стритам Нью-Йорка нога,
Не была мне минута, как сон, дорога
У Форда в молчанием сжатой толпе.

Однако я вижу отсюда прямо
Летучий бег колыбели машин
От легкой цепочки винтов и рамок
До теплого шороха первых шин.

По всем потолкам машины развесил
Хозяин, и путь их, как скука, желт, —
И нет человека, растущего весело,
И есть человек — рычаг и болт.

Щеки синеют, сердце свяло,
Прочти его стук багровый,
Годами тянется жвачка металла,
И вот человек изжеван.

Монеты тускнеют в кармане порой,
Но где ж человечья радость?
Он скорость родил, а раздавлен горой.
Горой стоячей усталости.

Сметет его в яму безжалостный шквал
Бессилья, нужды, обмана,
Чтоб жадный банкир на костях пировал,
Как спрут, высасывал страны.

Нет, к этой Америке я не приду,
Другой я связан судьбой,
Мы смело идем от труда к труду,
Растет наших лет прибой.

Чтоб, жизнью сжигая великую муть,
Работой смывая плесень,
Могли мы громадной грудью вздохнуть,
Простор за простором взвесить.

2

Если руки стали суше корки, —
Кто кричит о бунте?
В золотые челюсти Нью-Йорка
Камнем плюньте.

Сытым псам — броневикам Бродвея
Только ль ропот?
Может быть, их ребра подогреют
Рудокопы?

Или, может, так к лицу им
Небоскребов стены,
Стены вам фокстрот станцуют,
Джентльмены?

О, о стойку стойкий доллар
Разменяв на пули, —
Пчел обратно, к черту голых,
За работу — в ульи...

От берега к берегу
В надокеанскую синь —
Прочная ночь Америки,
Черная ночь Америки,
Точная ночь висит.

О, если б над нею
Из тысяч тел,
Как прерия, взвеян,
Ропот взлетел,

Руками погони
Ломая межи,
В небо, в бетон и
В расплеснутый джин.

О, если б спеть им
Слов наших сто,
О, если б — пусть ветер
Ответит на то.

Нечаянным заревом вызвездив высь,
Прочная ночь Америки,
Черная ночь Америки.
Точная ночь висит.

Но час придет — пора ему,
Пора прийти рассвету —
Растопит солнце эту тьму,
Сломает прочность эту!

ИЗБИЕНИЕ ТРУТНЕЙ

Растолкав рабочих пчел,
Трутень толстый латы чешет,
Он похвалу себе прочел
В глазах друзей, и он утешен.

Он входит в улей, словно князь,
Сбивает с места часовых,
За ним друзья идут, теснясь,
По коридорам кладовых.

Они, в медовые чаны
По шею голову вонзив,
Стоять и жрать обречены —
Желтее ржи, жирнее слив.

Раздувшись медом и шурша,
Пируя, как обжоры,
Вечерним воздухом дышать
Выходят на просторы.

И вот соединенный хмуро
Рой голосует: трутней прочь.
Варфоломеевское утро
Князей роскошных гонит в ночь.

И вертышом и вперекат
Бежит вельможный трутень,
И колют вышитый халат
Повсюду смерти прутья.

Бочонком на спину упав,
Вздыхает, брошен тяжело,
И шлема толстого колпак
Мешает выправить крыло.

Пощады просит князь князей,
Разбит и обнажен,
Он пахнет нежно, как шалфей, —
Навозом станет он.

В неповторимом вихре тел
Заверчены улья ходы,

Лишь очень ловкий улетел
В серброволосые сады.

Он там блуждает, и живет,
И вспоминает меда чан,
Припоминает запах сот,
Крылом от холода звуча.

Высится улей — стозвонная клеть, —
Родина, роскошь и радость тут,
Но стоит трутню подлететь —
Его насмешками клюют.

Тогда он закричит: «Добей!» —
И упадет, плечом назад, —
И в травах робкий воробей
Его ударит между лат,

ИНДИЙСКИЙ СОН

Мне снилось, что в город вхожу я чудно́й.
Который по запаху найден мной.

Козлом воняет рыжий базар,
Как птичий помет, суховат он.
Дымит и чадит предо мной Амритсар,
Индийской равнины глашатай.

Во сне поневоле замедлишь шаг;
Сквозь грязную, рваных теней бирюзу
На площади Джалиэвала-Баг
Пятно за пятном, густея, ползут.

Помню, в расстрелянный день января
Подобные пятна густели не зря.

Индусам попался такой же косарь,
Косивший людей, не целясь,
Но здесь обернулся девятый январь
Тринадцатым днем апреля [1].

Во сне поневоле взметнешься назад.
Козлом нестерпимо воняет базар,
За прялкой мудрец, потупив глаза,
Не видит, что время стремится вперед.
И давится злостью равнинный народ.

Певец усыпляет стихами базар,
Заливаясь о древности рас,
И стелется с крепости Гавинда Гар
Генеральский тигровый бас.

Дежурный британец хохочет так,
Что лошади роют песок на плацу,
А в трубке подпрыгивает табак,
Над золотом зубов танцуя.

Во сне поневоле сон — поводырь,
Насмешка его повсеместна,
Струится навстречу сверканье воды,
И женщина касты известной

Кусает косой непонятного цвета
И руки щекочет браслетами.

Она смуглолица и сквозь кисею
Глядит жестяными глазами,
Но вдруг через озеро я узнаю
Индусского мальчика Сами.

---

[1] 13 апреля 1920 года английский генерал Дайер в Амритсаре расстрелял две тысячи индусов. Это было «9 января» Индии.

Пусть весь этот город пропахнет козлом,
Пусть женщина сонная злится,
Но юноша тот мне с детства знаком,
Нам нужно повеселиться.

Во сне поневоле нет преград —
Мы встретились. Вместе сели мы,
Но тонкие губы его говорят:
«Я только что из тюрьмы...

Давно я отвык питаться подачкой,
Тиграм ручным разглаживать ворс,
Впервые я был посажен за стачку
В Company Iron and Cteelworks...»

Он вырос и острой сиял прямотой,
Мне стало от радости тесно,
Но женщина встала, горя смуглотой,
Как женщина касты известной...

Мне снилось, что в город забрел я чудной,
Но мало ль чего не бывает со мной!

САРАНЧА

Полками, одетыми как напоказ,
Она шевелилась умело,
Хлопала красными ядрами глаз,
Зубцами челюстей синела.

По степи костлявой, по скалам нагим,
Усы наточив до блеска,
Она верещала жратвенный гимн,
От жадности вся потрескивая.

Мотая рядами отвесных голов
И серыми бедрами ерзая,

Она принималась поля полоть,
Сады обкусывать розовые.

Давно ль псалмопевец воспеть это мог,
Присев под заплатанной скинией,
Но тут зашумел двукрылый пророк,
Покрытый дюралюминием.

Однажды, на древних армейцев сердит,
Бог армии смерть напророчил,
И долгую ночь небесный бандит
Рубил их поодиночке.

А тут — самолет, от хвастливости чист,
Лишь крылья свои обнаружил,
И все кувырнулись полки саранчи
Зеленым брюхом наружу.

И только селькоры подняли звон,
Шумели и пели про это;
Положен на музыку был фельетон
За неименьем газеты.

ПОИСКИ ГЕРОЯ

Прекрасный город — хлипкие каналы,
Искусственные рощи,
В нем топчется сырых людей немало
И разных сказок тощих.

Здесь выловить героя
Хочу — хоть неглубокого,
Хотя бы непонятного покроя,
Хотя б героя сбоку.

Но старая шпора лежит на столе,
Моя отзвеневшая шпора,

Сверкая в бумажном моем барахле,
Она подымается спорить.

«Какого черта идти искать?
Вспомни живых и мертвых,
Кого унесла боевая тоска,
С кем ночи и дни провел ты.

Выбери лучших и приукрась,
А если о людях тревоги
Не хочешь писать — пропала страсть, —
Пиши о четвероногих,

Что в кровяной окрошке
Спасали тебя как братья, —
О легкой кобыле Крошке,
О жеребце Мюрате.

Для освеженья словаря
Они пригодятся ловко».
«Ты вздор говоришь, ты лукавишь зря,
Моя стальная плутовка!

То прошлого звоны, а нужен мне
Герой неподдельно новый, —
Лежи, дорогая, в коробке на дне,
Поверь мне на честное слово».

В город иду, где весенний вкус,
Бодрятся люди и кони,
Людей пропускал я, как горсти песку,
И встряхивал на ладонях.

Толпа безгеройна. Умелый глаз
Едва подхватить сможет,
Что не случайно, что напоказ, —
Уже давно далеко прохожие.

В гостях угощают, суетясь,
Вещей такое засилье,
Что спичке испорченной негде упасть,
Словесного мусора мили.

«Ну что ж, — говорю я, — садись, пей
Вина Армении, русскую
Горькую — здесь тебе
Героя нет на закуску».

...Снова уводят шаги меня,
Шаги, тяжелее верблюда,
Тащу сквозь биенье весеннего дня
Журналов российских груду.

Скамейка садовая, зеленый сон,
Отдых, понятный сразу
Пешеходам усталым всех племен,
Всех времен и окрасок.

Деревья шумели наперебой,
Тасуя страницы; мешая
Деревьям шуметь, я спорил с собой —
Журналов листва шуршала.

Узнал я, когда уже день поник,
Стал тучами вечер обложен:
На свете есть много любых чернил,
Без счета цветных обложек.

Росли бумажные люди горой,
Ломились в меня, как в двери,
Каждый из них вопил: «Я герой!»
Как я им мог поверить?

Солнце закатывалось, свисая
Багряной далекой грушей,

Туча под ним, как туша кривая,
Чернела хребтом потухшим.

Ее свалив, ее прободав,
Как вихрь, забор опрокинув,
Ворвалась другая, летя впопыхах, —
Похожа лицом на лавину.

Светились плечи ее, голова,
Все прибавлялось в весе,
Как будто молотобоец вставал,
Грозя кулаком поднебесью.

Героя была у него рука,
Когда у небес на опушке,
Когда он свинцовую, как быка,
Тучу разбил, как пушку.

Руку о фартук вытер свою,
Скрываясь, как берег в море, —
Здесь много геройства в воздушном бою,
Но больше еще аллегории.

Я ухожу, я кочую, как жук,
Севший на лист подорожника,
Но по дороге я захожу —
Я захожу к сапожнику.

Там, где по кожам летает нож,
Дратва скрипит слегка,
Сердце мое говорит: «Потревожь
Этого чудака!»

Пока он ворочает мой каблук,
Вопросов ловушку строю.
Сапожник смеется: «Товарищ-друг,
Сам я ходил в героях.

Только глаза, как шило, сберег,
Весь, как ни есть, в заплатах,
Сколько дорог — не вспомнишь дорог,
Прошитых ногами, что дратвой.

Я, брат, геройством по горло богат».
Он встал — живое сказанье,
Он встал — перемазанный ваксой Марат —
И гордо рубцы показал мне!

САГА О ЖУРНАЛИСТЕ

Событья зовут его голосом властным:
Трудись на всеобщее благо!
И вот человек переполнен огнем,
Блокноты, что латы, трепещут на нем —
И здесь начинается сага.

Темнокостюмен, как редут,
Сосредоточен, как скелет,
Идет: ему коня ведут,
Но он берет мотоциклет —
И здесь начинается сага.

Газеты, как сына, его берегут,
Семья его — все города,
В родне глазомер и отвага,
Он входит на праздник и в стены труда —
И здесь начинается сага.

Он — искра, и ветер, и рыцарь машин,
Столетья кочующий друг,
Свободы охотничья фляга.
Он падает где-нибудь в черной глуши,
Сыпняк или пуля, он падает вдруг —
И здесь начинается сага.

ГОРОДСКОЙ АРХИПЕЛАГ

ДОЖДЬ

Работал дождь. Он стены сек,
Как сосны с пылу дровосек,
Сквозь меховую тишину,
Сквозь простоту уснувших рек
На город гнал весну.

Свисал и падал он точней,
Чем шаг под барабан,
Ворча ночною воркотней,
Светясь на стеклах, в желобах,
Прохладных капель беготней.

Он вымыл крыши, как полы,
И в каждой свежесть занозил,
Тут огляделся — мир дремал,
Был город сделан мастерски:
Утесы впаяны в дома.

Пространства поворот
Блестел бескрайнею дугой.
Земля, как с Ноя, как сначала,
Лежала спящей мастерской,
Турбиной, вдвинутой в молчанье.

РАВНОВЕСИЕ

Воскресных прогулок цветная плотва
Исполнена лучшей отваги.
Как птицы — проходят, плывут острова:
Крестовский, Петровский, Елагин.

Когда отмелькают кульки и платки,
Останется тоненький парус,
Ныряющий в горле высокой реки,
Да небо: за ярусом ярус.

Залив обрастает кипучей травой,
У паруса — парусный нрав,
Он ветреной хочет своей головой
Рискнуть, мелководье прорвав.

Но там, где граниту велели упасть, —
У ржавой воды и травы, —
От скуки оскалив беззубую пасть,
Сидят каменистые львы.

Они рассуждают, глаза опустив,
На слове слепом гарцуя,
О том, что пора бы почистить залив,
Что белая ночь не к лицу им.

Но там, где ворох акаций пахучих,
В кумирне — от моста направо,
Сам Будда сидит позолоченной тучей
И нюхает жженые травы.

Пустынной Монголии желтый студент,
Покинув углы общежитья,
Идет через ночи белесый брезент
В покатое Будды жилище.

Он входит и смотрит на жирный живот,
На плеч колокольных уклоны,
И львом каменистым в нем сердце встает,
Как парус на травах зеленых.

Будда грозится всевластьем своим...
Сюда, в этот северо-западный сон,

Сквозь жгучие жатвы, по льдинам седым,
Каким колдовством занесен?

С крылатой улыбкой на тихом лице
Идет монгол от дверей:
«Неплохо работает гамбургский цех
Литейщиков-слесарей».

ЛИСТОПАД

Нечаянный вечер забыт — пропал,
Когда в листопад наилучший
Однажды плясала деревьев толпа,
Хорошие были там сучья.

С такой корой, с таким завитком,
Что им позавидует мистик,
А рядом плясали, за комом ком,
Оттенков неведомых листья.

Так разнобумажно среди дач
Кружились между акаций,
Как будто бы в долг без отдачи
Швырял банкир ассигнации.

Был спор за ветер и за луну
У них — и все вертелось,
Но я завоевывал лишь одну —
Мне тоже плясать хотелось.

Времена ушли. Среди леса тишь,
Ветер иной — не звончатый,
Но ты со мной — ты сидишь,
И наши споры не кончены.

То весела, то печальна ты,
Я переменчив вечно,

Мы жизнь покупаем не на фунты
И не в пилюлях аптечных.

Кто, не борясь и не состязаясь,
Одну лишь робость усвоил,
Тот не игрок, а досадный заяц —
Загнать его — дело пустое.

Когда же за нами в лесу густом
Пускают собак в погоню,
Мы тоже кусаться умеем — притом
Кусаться с оттенком иронии.

Так пусть непогодами быт омыт —
Сердца поставим отвесней.
А если деревья не пляшут — мы
Сегодня им спляшем песней.

НАШЕСТВИЕ ЛЕСА

Смолистый норд столицей взмыл,
Лес на город прыгнул, залил
И в камень когти запустил,
Так хмурим губы, если жаль нам,
Так когти выпускаем мы.

Мох шел по стенам, скуп и скор,
Бетон трещал и частью вымер,
Кусты густели точно вор,
Перегруженный золотыми.

Прибой ветвей ломал заборы,
Мел тополевою трухой,
И самый дерзкий, самый скорый
Жил под надзором лопухов.

Тогда мы создали отлив,
Щепой метало, сором, дымом,
Чтоб все, что было истребимо,
И лес и мох, испепелить.

И лишь дубы остались... Шорох
Умов их теплых перейми,
Вот так же гордо мыслят воды,
Так губы полнятся свободой,
Так вихри двигают людьми.

КОГДА РАЗВОДЯТ МОСТЫ

Фонарь взошел над балок перестуком,
Он две стены с собою уволок,
И между них легко, как поплавок,
Упала пропасть, полная разлуки.

Прохожий встал на сонной высоте,
И, памятников позы отвергая,
По-своему он грелся и кряхтел,
Полет стены уныло озирая.

Конторщика глаза, черней
Ночных дежурств, метали в реку перья,
Чернильницы граненой холодней,
Стекло реки в уме текло с похмелья.

В очах извозчика овес
Шумел, произрастая,
Волна чесалася о мост,
Как лошадь перед сном простая.

Свисток милицейского помнил немало:
Забор зубов и губ тепло.
Он сам служил ремесленным сигналом,
Разводка ж моста — тоже ремесло.

Он сторожил порядка хоровод, —
Желтела женщина лисицей,
Чтобы над пеной валких вод
Своею пенностью гордиться.

И беспризорный, закрывая ухо
Воротника подобьем, осязал,
Что не река, а хлебная краюха —
Засохшая — царапает глаза.

Тогда и я взглянул издалека
На неба дымную овчину —
Там разводили облака
Вторую ночи половину.

Роптали граждане — и в жар,
В живую роспись горизонта
Я записал их, как товар, —
Товар, к несчастью, полусонный.

НОЧНОЙ ВАГОН

Не всем же машинам сдвигать небосклон,
Чтоб ряда искать голубого,
Затерянный в улицах желтый вагон
В колесную скачку закован.

Земля — это дружба. Здесь повернуть,
Где сада зеленая бьет борода,
И сразу — во всю ширину и длину —
Взовьется навстречу вода.

Прокатится мост. Сигнальщица рядом,
Шипит остановка — Размах —
И снова — застывшим в огнях водопадом
Стекают полночно дома.

Не всем же машинам лететь в облака,
Не всем же избыток колес,
Вот если бы был у машин адвокат —
Он дело бы в суд перенес.

Дробятся кварталы — висят пассажиры,
Вагон до скорости лаком,
Фонарь его желт, как расплавленный жир,
А стены — откормлены лаком.

Земля — это дружба. Домами окутан,
Листвой, голосами — в ответ голосам
Тут в радости искры он сыплет, как будто
Он выдумал все это сам.

Он выдумал все: листвы облака,
Собаку, людей муравейник плавучий
Кабак — и за стойкой того простака,
Кого он сегодня расплющит.

Простак говорит: — хорошо б полететь
Куда-нибудь этак повыше.
Но грустно вино начинает свистеть
Под черепа шаткой крышей.

Не всем современникам дан небосклон,
А если и дан — то иначе,
Я, может быть, тоже, как этот вагон,
Закован в колесную скачку.

ЛЮБОВНЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ

Может быть, ты возникла
Как совесть, лично
Опровергла мою прямоту.
Так моряк отмечает

На карте отличной
Глубину — по ошибке не ту.

Может быть, то любовная
Мгла ночей —
Садоводов неведомых зов,
Обязательно слива без косточек,
Состязание чувств — без призов.

Может, это купанье, где издали
Только взмахи и пена, и вдруг
Узнаешь, если отмели выдали,
Белизну опьяняющих рук.

Может, август и душно,
Гости до дна
Иссушили беседу, и, кроме
Облаков над полями,
Только ты и верна
Всем прохладам,
Не понятым в доме.

Может быть, то легенда —
С ума сойти
Всем по списку подряд
И, опять
Безыменно вернувшись
На те же пути,
Отмелькавший рассказ повторять...

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА «О ЖЕЛЕЗЕ»

...Кроме того, сообщаю вам,
Что дом железом пронизан,
По всем по кирпичным его рукавам
Железо живет, как вызов.

Не оттого ль, что в полной мере
Им дышат стены снизу до вершин —
Мне снятся битвы, рельсы, подмастерья,
Грызущие как семечки, гроши.

Железо то из самых бытовых
Металлов, чей состав тягчайший
Встречает примесь марганцев седых,
Мышьяк лукавый, серу, фосфор...
Дальше:

Вся почта, все идущие ко мне
(А я живу под самой крыши срезом) —
Они, взбираясь от стены к стене,
Они сопровождаются железом.

Железные перила, как болезнь,
Раскручивают черную кривую,
Теперь поймете, почему я здесь
О нежности сугубой не тоскую.

Железо ночью стынет на руке,
Моя кровать — она железный случай,
Не вспомните ль, проверено ль и кем
Влияние жилища на живущих.

Перед грозой пылинок трескотня
Бывает великански ощутима —
Поймите! Вздох железного плетня —
Он тоже не проходит мимо.

Он легкими, как воздух, поглощен,
Он в грудь стиха, как пуля в доску, врезан,
Не всемогущ, конечно, он еще,
Но яблоко беру — и в нем железо...

СТИХИ НА РАССВЕТЕ

Был черновик к заре окончен,
Лень трубку жечь, и пепел лег,
Примяли пальцы, то, что ночью
Мечтой играло, отошло.

Окно восстанием теней
Клубилось, мысль опережая,
За ним слепой метался снег,
Дрожаньем крыш сопровождаем.

Как бред, в стакане плыл лимон,
Он плыл, царапался и падал,
Несчастный комик, поражен,
Как я, стеклянною оградой.

Он осложнял собой игру,
Он принимал углы стакана,
Как я, — за очерк женских рук,
За грань волны, за первозданный
Фонарь над пьяною поляной
Стихов, трезвевших лишь к утру.

Они сияли на столе,
Как гвозди, свернутые в кучу,
Табак, поднявшись синей тучей,
Желал им счастья на земле.

В окне восстание теней
Исчезло раньше, чем историк
Его отметил в полусне, —
И солнце хлынуло, как море.

Дом превращался снова в лавку,
Где предлагают разговор,

Посуды дрожь, семейный шорох
И зайцев солнечных на шторах.

...С этих пор
Он шел без пенсии в отставку,
Ночных торжеств охрипший хор...
Лимон, застывший в чайной пене,
Желтел условно, что актер,
Упавший в обморок на сцене...

ЮГ

* * *

Смотри кругом, красавица,
По щебяным наростам,
Здесь, как шакал, шатается
Войны вчерашней остов.

Пугая племя черепах
И развлекаясь заодно,
Катает ветер черепа
Потерянных скакунов.

За жадным держидеревом
Ползет, вися на блиндажах.
Здесь юг тягался с севером
На выбранных ножах.

Темнейшее из лезвий,
У старой балки, нами,
Твоей рукою трезвой
Подобрано на память.

С кем был он, нож, повергнутый
В подгорные луга,
Кому давал ответ крутой
Некупленный слуга?

Кружился ли он пьяный,
Прося остановиться,
Глядя в глаза сурьмяные
Упрямицы станицы.

Имел ли подругу проще?
Иль с ним плясала тогда

Красношелковыми рощами
Расшитая Кабарда?

...В ржавчину битва упала,
Иззубрив огонь и крик,
С лохматых стен перевала —
Весь мир снова юн и велик.

НОРД-ОСТ

М. К. Н.

Смятенные шли перед ним
Шорохи, соль, песок,
Он, синим холодом тесним,
Ударил Севером в висок.

Перехлестнул кору, уча
Деревья сопротивленью,
Упорных ломая, по кротким стуча,
Слепых обволакивал тенью.

Волну хребтов рукой густой
Подбросил, тешась, ближе —
Был ястреб, точно лист простой,
Сбит сбоку им и унижен.

Но птица, решеткой ноги сложив,
Скрипела, вниз скользя,
Глаза ее — острые ножи —
Шипели...

Кустарники рвались стаей,
Поля сдавались на милость,
Он шел, дышать не переставая,
Следя, чтобы все клонилось —

Темнообразьями фелюг,
Трубами, по трубкам, забытым
В зубах, канавами на валу,
Бельем, плясавшим в корытах.

Шел широко и травил миры,
Подпрыгивая, зачеркивал
Головы, стекла, карьеры горы
И все ж — недоумевал:

Затем, что опять деревья лица
Несли, от земли подняв
Козьи глаза, острей черепиц
Бежали по зеленям.

Мангалы дымили, вились усы,
Гречанки красили брови,
Ненужную рыбу жевали псы,
От лени с волнами вровень...

ПЕРЕХОД В НОЧЬ

Закат согнул свой желтый стан,
Снимая с веток птичью речь,
Чтоб в смуглоту упала та,
В прохладу смуглых плеч.

Он мачты застеклял в порту
И выдувал из волн огни —
Не ты ли властвовала тут
С ним вместе и над ним?

С любезностью всех негордых,
У сада, у бревен сарая, —
Ты тени сгоняла на отдых,
Шагами тишь проверяя.

Постелена козам солома,
И куры в курятне отменной.
У нас ни постели, ни дома —
Ничего, кроме старой вселенной.

Ничего, кроме радости зрячей,
Так о ней одной говори.
Волна, бездомная рыбачка,
Волочит звезды-козыри.

Зеленые, желтые — пачками —
Всплывают, тонут, и опять
Ты можешь, платья не запачкав,
Их с камня подобрать.

Светляк, приплывшая звезда,
Дождь капель радуг рябей,
Они идут твоим сандальям,
Как эта ночь тебе.

Возьмем живущего дары:
Что, если все богатые
Нам в руки козыри сданы
Ночами, вихрями, закатами?

И мы обречены играть,
Тасуя жизнь без берегов,
А им заимствовать пора
От наших песен и шагов —

Еще играть, еще южней
Сияньем шеи, губ, как пеной
Волн, бесхитростных на дне
И наверху таких надменных.

ОСЕНЬ В ЛАТВИИ 1917 ГОДА

Костры лугам — костры как дар
От племени огней,
Душа дорог больших горда,
Когда любезны с ней.

Входила осень не простая
В каштанов шум и медь —
От синих кленов до куста,
Забывшего сгореть.

Мы с нею шли в огне ракит,
Цвели, как лист цветет, —
Был ветер теплый вдоль реки
Вдруг над водой простерт.

С каких имен, с каких умов
На память списан путь?
Тенистый Венден, брат холмов,
Просил нас отдохнуть.

Он — мельник — нам вино разлил,
Мы пили, я сказал:
«Мы пьем не за твои кули,
Не за твои глаза.

За тех, что звездами пройдут
От сердца до виска,
За красный клен, за юный дуб,
За свежесть — наш стакан».

За пылью пали звон и лай,
С листвой смешало дом,

Махала осень у седла
Погожим рукавом.

А там, где, выбежав из нор,
Сам ветер путь учил, —
Вечерний Венден строил ночь
И путал кирпичи.

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ

(1915—1917)

Быть у войны в плену,
Как знамя, взять кочевье, —
Двуглавый сон, людей согнув,
Зажег их, как деревья.

Казачьим гривам дал висеть
Над сбитыми овсами,
Повел кривую карусель
Слепых коней и всадников.

То молодость пела и шла на убой,
Гремела и падала с песней рябой
О маршевых братьях, о маршевых,
Иззубренных ветрами лицах, —
Когда уют домашний
Стал пестрой небылицей.

Конь, усмехаясь на забаву,
Топтал простор зеленый,
Орудий огненное право
Передо мной ломило клены.

Колодцы, города, пути,
Как дым, летели кувырком,

Войну, как поле, перейти
Мне показалося легко:

То молодость, повод сжав,
Кружила вдосталь шашкой,
Но соль в немецких блиндажах
Была не слаще нашей.

Такая ж, как наша, колючка у волчьих
Убежищ кусала отряды,
Такой же сутулый и рваный рабочий
Упорно глядел и, вспотев,
Оттачивал смерть по наряду...

Свинцовый лак когтей
Распластанного Таубе
Плыл братом истребителя,
Вспорхнувшего над Бугом,
Как дикий воробей,
Но с русским глазом смуглым.

И рваных блесков острие
Гасили в ножнах часовые, —
Здесь молодость взяла свое,
Над этим сходством круглым
Задумавшись впервые.

По-новому с разгона
Запела в залпах высота,
За вас, расстрелянные клены, —
Смирись, расстрелянный устав! —
Вонзили в землю батальоны
Им опостылевшую сталь.

Империя не верила,
И падала империя,
Последней пеной меряя
Встающей силы берег.

Косились кони на копье,
Сверкавшее лукаво,
То молодость взяла свое,
Свергая сон двуглавый.

ЛЬВУ ЛУНЦУ

Улица, май; по ночному закону
Луна сторожит по часам
Отсыревшую медь бородавок балконных,
Тупые, как жесть, небеса,

Катается, обратным светом
Заряжена во сне,
Какая-то постылая планета,
А друга рядом нет.

Он между западных людей
Гостит, друзей забросив,
Он выбрал город на воде,
Где чайки над тучей отбросов.

Кожа, нефть и ворвань
Над Эльбой запахи льют,
Надолго поселился он,
Найдя себе уют.

Заносит море в город тот
Бутылки, птиц убитых
И шелуху гнилых пород
От островов размытых,

Заносит море шум богатый,
Но друг от шума в стороне,
Тиха его комната, но сыровата,
И воздуха мало в ней.

Исчезни, луна! Чтобы ночь растаяла,
Чтоб в сердце вбежали годы,
Когда мы блуждали веселой стаей,
Не зная, где встретится отдых.

Не на случайный час,
Но, пущенный с уменьем,
Кружился в головах у нас
Волчок воображенья.

Когда нам говорили: «Вот
Смотрите: вьется птица», —
Нам было ясно: время врет,
Лишь клюв и перья выдает
За целую синицу.

Мы сами строили синиц
В запальчивости нашей, —
До сих пор живут они,
Крылами в драках машут.

Так это было, далекий друг,
Нам ли бояться в старость врасти,
Когда еще живы моря вокруг,
Моря нашей собственной молодости.

Теперь я спокоен, как якорь,
Что работал много годов,
Что пережил мир двояко:
И над и под водой.
А много воды и хмури
Излечивает от дури.

Вот я выдал себя с головой,
Но как переслать посланье,
Минуя многодорожье?
А! Я забыл, что город твой —
Город приморский тоже.

В черной бутылке письмо обретет
Верный приют — в воду
Бросаю почту простую.
Море тебя найдет,
Море не забастует.

Вот она кружится, бутыль,
Мне головой качая,
Все мы уйдем в водяную пыль,
На черта ли нам отчаянье?

Пусть к Южному полюсу шел Шекльтон,
А Северный взял Амундсен,
При чем расстоянья — союз заключен
На жизнь, на смерть, на сон!

ВЫРА[1]

(15 марта 18-го года)

Четвертый съезд Советов
Столпился перед зыбью,
Рокочут анархисты, взводя курки.
Ныряют соглашатели, чешуйчатостью рыбьей
Поблескивают в зале глухие уголки.
Колючей пеной Бреста
Ораторы окачены.
Выкриками с места
Разъярены вконец —
Эсеры гонят речи, но речи, словно клячи,
Барьеров не осилив, ложатся в стороне.
По лицам раскаленным
Проносится метелица,
Ведь нам же, ведь сегодня, здесь,
Вот здесь, решать гуртом —
Винтовкой беспатронной ли
В глаза врага нацелиться
Или уважить вражью спесь
И расписаться в том.

---

[1] Выра — деревня около Гатчины, где 29 мая 1919 года бывший Семеновский полк перешел на сторону белых. Здесь погиб комиссар рабочей бригады, член исполкома товарищ Раков. Раков — по профессии официант, начал революционную деятельность с 1912 года, был председателем профсоюза служащих трактирного промысла, работал во фракции большевиков в Государственной думе, был арестован, выслан; в 1914 году, не желая идти сражаться, сдал экзамен на фельдшера. В Февральскую революцию был избран председателем комитета 42-го армейского корпуса и членом Петроградского Совета от Выборгского крепостного гарнизона. Он принимал самое активное участие в гражданской войне в Финляндии. Когда финский пролетариат был разгромлен, комитет 42-го корпуса был весь уничтожен под деревней Раута, товарищу Ракову чудом удалось спастись от белых. Они назначили крупную сумму за голову товарища Ракова и даже послали своих агентов в Петербург, чтобы убить его.

«Вот когда мы шагали верстами,
Не так, как теперь, дорожим вершком,
Так ведь за нами — и очень просто —
Те же эсеры шли петушком!»
Зала разорвана, Ленин, заранее
Нацелясь, бьет по отдельным рядам,
Точно опять погибает «Титаник»,
Рты перекошены, в трюмах — вода.
«Теперь как бойцы мы ничтожны слишком,
Тут и голодный и всякий вой,
Вот почему нам нужна передышка —
Мы вступили в эпоху войн».
Тонут соглашатели. Лысины как лодки,
Рты сигналы мечут напропалую — ввысь,
Но гром нарастает — кусками, и ходко
Холмы рукоплесканий сошлись и разошлись.
Рук чернолесье метнулось навстречу,
Видно, когда этот лес поредел,
Что это зима, где не снег бесконечен,
А люди — занесенные метелями дел!

1

Меж Ладогой и Раута
Угрюма сторона —
Только таборы холмов
Да сосна.
Только беженец,
От белых пуль ходок,
Гонит стадо несвежее
На восток.
Словно в ссылку сектанты,
Шагают там быки,
Кровавыми кантами
Обшиты их зрачки.
Скучая по крову,
Голосами калек

Поносят коровы
Разболтанный снег.
И лошади бурый
Волочат свой костяк,
Закат как гравюра,
Но это — пустяк.
Над всеми голосами
Скотов, дыша,
Умные лыжи остриями
Судьбы шуршат.
По ветру в отчаяньи
Удерживая крик,
От смерти — нечаянно
Уходит большевик.
Меж Ладогой и Раута
Угрюмо сторона —
Товарища Ракова
Еще щадит она.
Остались он да беженец,
От белых пуль ходок,
Холмы в личине снежной
Да в сердце — холодок.
Только с Красной Финляндией
Кончен бал,
Над черепов гирляндами
Бал забастовал.
Только в стадо включенный
Упрямый костоправ
Уходит побежденным,
Узлами память сжав!

2

Изведавшее прелести годов несчетных,
Развесистое дерево взирало на столы,
В саду за музеем, на месте почетном

Пестрая очередь топтала палый лист.
Дождь струился по людям незнакомым,
Плечам и фуражкам теряя счет, —
Спасского Совдепа Военкомом,
Товарищем Раковым, веден переучет.
Комсостав, окутанный паром
Осени дряблой и жирной, как
Борщ переваренный, — шел недаром
В списки резервного полка.
Всем ли довериться этим бывшим
Корнетам, капитанам, подпрапорщикам?
На месте погон были дырки, а выше —
Сентябрьская слякоть стекала по щекам.
Одни были напуганы, как сада ветви,
Жалобно трещавшие под сапогом,
Иным безразлично было все на свете,
А третьи говорили: «Товарищ военком».
Очередь курила, таинственно крякала,
Как будто она продавалась на вес.
Самсоньевский, Зайцев? — разгадывать всякого —
Значит, в саду на полгода засесть.
Качавшееся дерево вместо промокательной
Пухлой шелухой осыпало стол —
Осень старалась быть только карательной,
Темной экспедицией, мокрой и густой.
Но, казалось, ссориться сегодня не придется:
Все глядели вымытыми, словно из колодца.
И, казалось, с лишними, снятыми отличьями
Снято все давнишнее, снято — и отлично!

3

Весь день гоньба под знаком исполкома,
Верти до ночи ручку колеса,
Где совещанья, речи, пыль и громы —
Ты доброволец — ты не нанялся!

Необходимость машет булавой,
Хвали и злись, ручайся головой,
Пока внезапно день не испарится,
И к полночи он различает лица
Лишь с точки зренья боевой
Или досадной единицы.
Блокада вкруг как петли паука,
Давай солдат — крепись, товарищ Раков,
В ночной глуши досаден с потолка
Летящий герб в махорочных зигзагах.
И особняк, где шли пиры, обеды,
Черт знает что — в дыму других печей,
И в нем кипит, как варево победы,
Весь срочный быт военных мелочей.

Телефонист молодой
Перехмурил брови —
Он сидит, как под водой,
Иль витает с крышей вровень.
Страна полна такими,
Привычными, что крик,
Красноармеец имя им,
А век их невелик.
И Раков смотрит: вот из тех —
Телефонист,
Кому отдать сейчас не грех —
Своей лепешки лист.
«Товарищ, ешьте!» —
«Военком, я сыт.
Я из гусаров спешен,
Я даже сбрил усы.
Из роты Карла Либкнехта,
В войне четвертый год —
Пишу стихи, отвыкнуть чтоб
От всяческих забот».
«А ну-ка, попробуйте... — Сразу растет,
Лицо тяжелеет, но грусть водолаза

Кошачьим прыжком заменяется сразу,
Слова начинают зеленый полет:

«Книги друг к другу прижались,
В праздности шкап изнемог,
Вы разве в шелку рождались,
Гордые дети берлог?
В щепы — стеклянные дверцы,
Праздничных строк водопад
Каждому в душу и сердце —
Пей и пьяней наугад.
В буре — спасение мира,
К ней восхваленно взывай,
Души лови — реквизируй,
Если негодны — взрывай».

«Интеллигент, — подумал Раков тут, —
Такие все иль пишут, или пьют.
Вы искренни — в том зла большого нет,
Но революция гораздо проще,
На кой вам черт разбитый кабинет,
Откуда книги тащите на площадь?..»
И он зевнул, стремясь зевнуть короче.
Ушел, засел до солнца коротать
Часы в бумажной пене и окрошке,
К рассвету мысли начали катать
Какие-то невидимые крошки.
Мышиный мир наладил визготню,
Стих мелькнул, усталость вдруг упрочив,
Окно зажглось — и солнце на корню
Увидел он, — и солнце было проще.

4

Фасад казармы давящий, всячески облупленный,
Он стоил прошлой ругани и нынешней насмешки,

А люди в шинелях глядели как халупы,
Такие одинокие во время перебежки.
Тут бывшие семеновцы мешались с тем загадочным,
Как лавочный пирог, народом отовсюду,
Что бодр бывал по-разному в окопах и на явочных,
Оценивая многое, как битую посуду.
Ученье шло обычное — так конь прядет ушами,
И Раков слышал: рвением напряжены сердца,
Но чувствовал, как винт ничтожнейший мешает
Ему поверить в то, что это до конца.
Но было все почтенно: портянки под плакатом,
Как встреча двух миров, где пар из котелка —
Достойный фимиам, и Раков стал крылатым.
Смеркалось... Плац темнел как прошлое полка.

5

Сведя каблуки, улыбаясь двояко,
Блестяще он выбросил локоть вперед,
Смутился: «Вы — Ра...» Запинаясь: «Вы — Раков!

Самсоньевский, к вам в переплет».
Финские сосны в уме побежали,
С улицы лязгом ответил обоз.
Шел комиссар в офицерские дали,
В серую карту морщин и волос.
Карта тянулась: рада стараться!
Билетом партийным клялась за постой,
Билет был билетом, но череп ногайца,
Но петлями — брови, но весь не простой.

6

Вопреки алебастру, вощеному полу,
Портьерных материй ненужным кускам,
Вопреки даже холоду, он сидел полуголый,

Отдыхая, как снег, под которым река.
Для него ль кресла с министерской спинкой?
У паркетного треска предательский ритм.
Разве дом это? Комнат тяжелых волынка,
Вражья ветошь, по ордеру взятая им.
Шелуха от картофеля с чаем капорским,
Плюс паек, плюс селедок сухой анекдот,
А над городом, в пику блокадам заморским,
Стопроцентное солнце весенних ворот.
Точно школьникам — книги оставлены в парте,
Дезертиром — заботы в мозгу сожжены,
Он свободен, как вечность, от программ и от партий,
И в руках его — плечи спокойной жены.
Это то, когда место и вещи забыты,
Когда ребра поют, набегая на хруст,
Духоты потрясает все жилы избыток
И, пройдя испытанье, сияет осколками чувств.
Только губы застигнуты в высшем смятенье,
Только грудь расходилась сама не своя, —
Революции нет — только мускулов тени,
Наливаясь, скользят по любимым краям.
Отзвенело морей кровеносных качанье,
Рот и глаз очертаний обычных достиг,
По иссохшим губам, как неведомый странник,
Удивляясь жаре, спотыкался язык.
Шелуха от картофеля с чаем капорским,
Плюс паек — снова быт возвращен,
Снова встреча с врагом, и своим и заморским,
Шорох чуждого дома, не добитый еще.
И струею воды, до смешного короткой,
Так что кажется кран скуповатым ключом,
Он смывает костер. И по клочьям работа
Собирается в памяти. Мир заключен.

7

Не проблеск молний,
Пробравшийся в шкапы, в лари,
Оно безмолвней,
Чем земля, горит,
Оно приходит смертью к вам на ужин
Или мигает, сумеречно даже,
Оно — оружье,
Взятое у граждан.
Оно как образцовый
Оружейника пир —
От маузеров новых
До старых рапир.
Чтоб пыл боевой не остыл,
Сменяет хозяев оружье...
«Самсоньевский, ты
Смотри сюда поглубже...»
«Не жалко ль тебе, эх, военком,
Ходить вокруг фонаря?
Сколько людей раздели силком...»
«Ну что ж — раздели не зря...»
«Не страшно ль тебе, что со всех сторон
Не жизнь, а щетина ежа,
Одно оружье мы с поля вон —
Другого готов урожай».
«Самсоньевский, ты ли
Нас предлагаешь потчевать
Елеем соглашателей?
Да разве мы остыли,
Да разве мы приятели
С господчиками?
Слова твои путают наши ряды,
Не изгибайся, брат батальонный...»
«Но, Раков: я классовой полон вражды,
Что и красные эти знамена...
Им верен, как дому на родине — аист,

Скажи: распластайся — и я распластаюсь.
Но маузер взбросишь — богат заряд, —
Дашь по чужому, а валится брат?»
Оружьем комната завалена,
Закатной налита бурдой,
Они стоят, как два татарина,
Их мысли движутся ордой.
Отполированная сталь,
Она клокочет переливами,
Она имеет сходство с гривами,
И голос звонкий, как кастрат.
«Нет, ты с предателем не схож,
Самсоньевский, резок ты,
Ты — наш, я верю. Подхалимство ж
Я буду гнать до хрипоты.
Я сам в трактирах горе грыз,
Я был не блюдолиз —
Лакейства два — как ни рядись:
Одно — наверх, другое — вниз.
Одни держали на людей
Экзамен дорогой,
Зато уже ничто нигде
Их не согнет дугой...
Другим понравилось житье
И сладость попрошаек,
Носить хозяйское тряпье
И хлопать в такт ушами...
Я пережил Думы
Имперский трактир,
Где больше болтали, чем пили, —
Солдатский, угрюмый,
Где смерть взаперти,
Пожалуй, лишь смерть в изобилье.
И я говорю тебе сущий резон:
Страшись притворяться лакейской слезой.
Гвардейская спесь на дыбы встает
В тебе и кричит тебе: «Здравствуй!»

Но если в рабочий ты вшит переплет,
Гордись переплетом — и баста!»

8

Тогда бывал незамечаем
Иных случайностей размер,
Случаен дом, где булки с чаем,
Случаен театр, а в нем — Мольер.
С толпой рабочей грея руки
Хлопками, гулко — Раков с гор
Войны вошел в партер, в простор,
Он ощущал закланье скуки,
Он веселел, как сам актер.
Могло казаться даже страшным,
Что люди чтят переполох
Чужой, смешной, почти домашний,
А за стеной — борьба эпох.

9

Ночь гордилась луной, очень крупной,
Залихватской и шалой,
Зеленые листья кипели на струпьях
Домов обветшалых.
Трава шелестела, и шел человек не старинный,
Как будто он шел огородом,
Не городом — пахло тополем, тмином,
Пахло бродом.
Человек не мог заблудиться —
Он пришел из хитрейших подполий,
Город вымер и в праве обернуться лисицей
Или полем.
Раков шел огородом, не городом... Тучи

Кирпича, балконов умерших вымя.
Мог ли думать, что это воскреснет, получит
Его имя?

10

Эстонцы кривились, ругаясь с генералами,
Британцы шипели, требуя атак,
Нацелили белые, мало-помалу,
Ударив через Вруду, на Гатчину кулак.
Тогда пришло в движенье пространство за
пространством,
От штабных неурядиц, от транспортных баз,
От крика беженцев до темного убранства
Лесов уже весенних и гулких, как лабаз.
Фабричными гнездами, жерлами Кронштадта
Пространство завладело, угрозами звеня,
Вздувало коллективы и требовало плату:
«Резервы немедленно на линию огня!»

11

Оратор не колеблясь дышал прямотой,
Был выше кучи трагиков в волнении простом,
У служащих Нарпита короткий свой постой
Он делал историческим, не думая о том.
Над грудой передников, тарелок, бачков,
Над всем мелководьем, кусочками, щами
Он видел: здесь мало таких дурачков,
Что шепчут и грустно поводят плечами.
Он видел, что слабость, голодная грусть
Исчезли, как лошадь, сраженная сапом,
Что стены прозрачны, собрания пульс
До Гатчины слышен — кончается залпом.

Он вспомнил, как был председателем их,
Союза трактирного промысла слуг,
Они были втоптаны в тину густых,
Безвыходных дней и разрух.
Их рвала свирепого быта картечь,
И вот они — свежи, как свечи,
Как будто им головы сброшены с плеч,
И новые — ввинчены в плечи.
Волненье мешало, как ноющий зуб,
Как ссора иль спор из-за денег,
Есть в пафосе пункт, где пускают слезу
Актер, адвокат, священник.
Сейчас этот пункт пролетел стороной,
Толпа, что с плакатами щит,
Гудела, но Раков заметил одно:
«Самсоньевский здесь и молчит».

12

Доверье — не пышное слово
(И грустное «е» на хвосте),
С ним женщина ляжет к любому,
Прельстившему сердце, в постель.
Им можно испытывать дружбу,
Им можно растапливать печь,
И Раков, честнейший к тому же, —
Доверьем не мог пренебречь.
Самсоньевский — скверненький зверь он.
Доверье! Весь полк запылен
Тревожною пылью! Доверье!
Пусть слухи идут на рожон.
Кто ждет их, должно быть, и глуп же,
Доверье чужим и родным!
Ну что же — Раков, и Купше,
И все подписались под ним.

13

Где подразумеваются развернутые взводы
Противника — разведкой не щупаны почти, —
Там самая ручная, знакомая природа
Омыта беспокойством, и мимо не пройти.
Лес мажется издевкой, поляны воспалены,
Болото смотрит гибелью, домашность потеряв,
Ползешь меж дружелюбных, хороших трав по
склону,
А следующий склон — враждебных полон трав.

14

Длится поход бесконечный день,
Люди отупели, усталость под ребром.
...Философоподобные лбы лошадей —
Ба, санитарной двуколки гром.
Раненый кажется сплошь холмистым
От вздыбленной шинели, похожей на тьму, —
Раков узнает того телефониста,
Ночного сочинителя, не нужного ему.
Он существует пожухлой обезьяной,
Курит самокрутку, орет по сторонам,
Видно, несмотря на тряску и на рану,
Душа его весельем полным-полна.
Раков себя ловит на том, что не жалость,
А только досада сквозит, как решето:
«Он и про меня еще сочинит, пожалуй,
Его неугомонности хватит и на то!»

15

Как толстые суслики, вниз головой
Идут сапоги, наедаясь взасос

И мокрым песком, и шершавой травой,
И каменной кашей приречных полос.
Но люди унылы — без предисловий
Землисты и тяжки, и видно любому, —
Вот так же шагали в Митаву и в Ковель, —
Они не умеют шагать по-другому.
И вспомнились финские стаи волчат,
И красноармейцев ударные взводы,
Они воевали, как струны — бренча,
Шагали, как сосны особой породы.
Теперь он глядит из-под хмурых бровей,
И вот не хватает чего-то на свете —
Неужели молодость воли своей
Оставил он в финском лесу, не заметив?

16

Двадцать восьмого мая
Вошла деревня Выра,
Как вестница немая,
В глаза куриным выводком
Безмолвствующих изб.
Синея, встали долы,
Ручей, пески дробивший,
Лесов сплошная тушь,
И в уши хлынул голос,
Когда-то говоривший:
«Вы — Ра-ков? Что за чушь?»
В разбросе окон дробных,
Овинов, лип, людей,
В колодезных цепях,
В тишине загробной
Сушившихся бадей —
Не чуялось худого,
А белый вечер белым был
Лишь по природе слова.

Тут, котелком мелькая,
Солдатский ожил улей,
Получше да поглубже
Избу отвоевать, —
Пусть завтра — хоть сраженье,
Зачем же грусть такая,
Мгновенная, как пуля, —
«Самсоньевский, Купше,
Отдай распоряженье —
Здесь будем ночевать».

17

Ночь как ночь, замела даже имя
Той разведки, где, как по разверстке,
Леса и поля рисовались такими,
Какими они на двухверстке.
Ну, просто броди и броди по кустам,
Но, прогнана сквозь новоселье,
В последнюю комнату мысль заперта,
Как пробка, притерта к аптечному зелью.
Уже человек неотчетлив, как столб,
Разъеден, приближен, что радуга к бездне,
Нельзя же так мучить! Бросайте на стол
И режьте, но дайте названье болезни.
Не ночь, а экзамен на фельдшера, мел
Крошится, доска неопрятна, лица убоги,
Солдаты, как цифры, дробятся в уме...
Разведка вернулась к обычной дороге.
Раков, меж пальцев крутя лепесток
Замятый, крутя с непонятной заботой,
Советовал фланг отнести на восток,
За Оредеж, к Лампову, вкось от болота.
Советовал верить, но тот комсостав,
Что за музеем шел в мути творожной,
Казался теперь паутиной в кустах,

Которую снять, не порвав, невозможно.
Машина спешила на Выру — домой,
Он, фельдшером, знал вот такое томленье,
Его не возьмешь никакой сулемой,
Оно не в родстве ни с одною мигренью.
Заснувшая Выра, условный свисток,
Изба, простокваши нежданная нежность —
Замятый, закатанный вдрызг лепесток,
Прилипший к шинели, клялся в неизбежном.

18

Вот комиссары в штаб идут
Налево, а направо
Выходит запевала смут —
Самсоньевский с оравой.
Ночь как ночь, замела даже имя
Той разведки, глухой, как силок,
Командиры с плечами крутыми
По-гвардейски садятся в седло.
Вот их кони, как лани,
Ступают в дубравах ползущих,
Вот их жизнь, как ольшаник,
Становится гуще...
За деревней — леса. На пустом расстоянье —
Часовые с кокардой зовущей.
Как пейзаж лес не нужен совсем,
Люди сумрачны слишком,
Ночь их варит под крышкой
Стопудовых котлов, но Самсоньевский нем.
Спотыкаясь о корни,
Кони яму обходят правей,
Но Самсоньевский просто зловещ,
Загляделся на повод, как навязчивый шорник,
За копейку купивший непродажную вещь.
Если б лес этот встал, завопив,

И лесничих сожрал, как корова грибы,
На порубщиках их же топор иступив,
И охотников сжег ворохами крапивы, —
Все равно — не уйти от судьбы!
В большевистской вселенной
Он поденщика ниже,
Он с плеча ненавидит низы —
Он, как торф, догорел до измены,
Он, как пень, оголен, как ветви, обижен
Превосходным презреньем грозы.
Деловито, что хуторяне,
Морды коней набок кривя,
Всадники жмутся — дым совещанья
Заворачивается на поляне,
С куревом вместе — тает в ветвях.
Жизнь загустела, вздыбилась горкой,
Лесом покрылась для игрищ ночных.
Вот он — азарт! — но с такой оговоркой,
Что каторжанин счастливее их.
...Рысью меж деревьев — травы веерами,
Белой ночи в небе колеи,
Рокот затворов — погоны с номерами,
Голос через гриву: «Смирно! Свои!»

19

Сон переживал последнюю историю —
Предутреннюю вялость, недоступную перу,
Когда неожиданно, как смерч на плоскогорье,
По ставням забегали десятки рук.
Красноармейцы путались в подсумках,
Бились в шинелях, рукавов не находя,
«Белые в деревне» — звенело, как по рюмкам,
По стеклам, иголками в головах бродя.
Батальона не было — вылезали тени,
Тени страшились того, что впереди,

Хриплого значенья стреноженных волненьем
Слов командирских: «Сдавайся! Выходи!»
Какой рябиной в будущем
Подарит осень или
Какие облака — не кровь ли с молоком?
Вопросы тишины упали грудой щеп, —
Забор оброс тоской, как подворотной пылью,
Кто не нашел сапог, сдавался босиком.
Самсоньевский, нежась в золоте погон,
Красным билетом махая, нарочно
Рвал его на части, плюя на картон,
Ничем не повинный, но гордый и в кусочках.
Выра обернулась берлогой, оврагом,
Где путник попадает на волчий бал,
Падает Калинин, Купше — с отвагой,
Падает Таврин, пробитый как бумага,
И враг его слетает, что камень, — наповал.
Воскреснув, врывается само янычарство,
Стирающее расу, привычки, лоск — насквозь,
Швыряют людей, их режут, как пространство,
В них шпарят, как в доску, и в мясо и в кость.
И тут же целуются, тут же скулы
Подернуты дрожью у пленных, как у дев,
Артачатся лошади, и тащится сутулый
Царский семеновский марш, обалдев.
...К штабу запылили балахоны,
Криками набухла кутерьма —
Это смерть, махнув на все препоны,
Приближалась, прячась за дома.

20

Что ж истины доверия?
Их смерть всегда мгновенна.
Осталось хлопнуть дверью
И выйти на арену.

Схватить за горло, вклинить в мех
Золотовражий пальцы,
Остаться у друзей в уме
В порядке регистрации.
И завещать, что завещать?
Когда никто не смел прощать,
Любая мстящая праща
Не уставала верещать —
И голова желтком во щах
Купалась... Что здесь завещать?

21

Ракову даже не нужно было
Последнего слова — дулом водя,
Шаркал пулемет, как танцор, — относило
Шарканье каплями тончайшего дождя.
Что еще заметить напоследок,
Кроме гильз стучащих, кроме
Бревен потолочных, кроме объедков
Хлеба на растерзанной соломе?
В мире не осталось сожаленья —
Шквал огня по дому одному —
То не просто злость, а исступленье,
Выход в допотопнейшую тьму,
То не поединок — преступленье,
Шквал огня по дому одному.
Хоть бы кто — лишь хобот пулемета,
Хоть бы слово — вражья трескотня,
Хоть бы знак — хоть тряпка на воротах,
Голос друга — шквал и западня.
Так с курьерского прыгнувший наземь
Видит, летя сквозь кустарный лом, —
Точно медалями, точно призами, —
Насыпь, усеянную щебнем и стеклом.
Насыпь, холодную как спина,

Боль полосует, в ребрах натужась,
Это не отчаянье и даже не ужас —
Это готовность лететь до дна.
Сердце заплывает в удар еще,
Время иссякло — люди ни при чем, —
Только беспорядочная глина в товарищах,
Только репейник случайный на плечо.

22

Оно отмирало, сиянье полночное,
Как выхухоль зябкая, прячась,
Когда в моховине, по зыбкости кочек,
Ступая в грязи наудачу,
Брели одиночки, хлебнувшие горя,
Красноармейцы предательских рот,
С гиблым лицом, как подмоченный порох,
Они изучали фарватер болот,
Они, превращенные случаем в сброд,
Бежали от белых, а было их сорок...

УЛИЦА ИМЕНИ РАКОВА

Дома, стоящие служебно,
Углы с коммерческой весной,
Из них восходит запах хлебный
И солнце сытости иной.

Доски прибитой не касаясь,
Судьбы, висящей наяву,
Проходит жизнь внизу, как зависть,
Как бык — на свежую траву.

Тьма пешеходов в пену канет,
Но им, во всем не знатокам —

Подобно лунному вулкану, —
Причина чести далека.

Партиец, может, вспомнит имя,
Школяр, сомненье задержав,
Заснет над строками седыми,
И есть в музеях сторожа...

Над Вырой вечность дует в перья
Легенд на мельнице времен —
И все же в мире есть доверье,
Да будет лозунг повторен.

Я доверяю простодушно,
Косноязычно, может быть,
Но без него мне было б душно,
Как душно жить всю жизнь рябым.

Слова ж горят из всех отдушин,
Ты слышишь плеск их, храп и хруст,
Но входит ночь — словарь потушен,
И, если хочешь, входит грусть.

ЮРГА

И — по коням... И странным аллюром,
Той юргой, что мила скакунам,
Вкось по дюнам, по глинам, по бурым
Саксаулам, солончакам...

ВОРОТА ГАУДАНА

Если б был азиатом я, шел из Мешхеда,
Из Келата на север бежал
От смертельных хозяев, от рабства, от бреда
Нищеты, от кнута, от ножа, —

Гауданским воротам, как лучшему дару,
Поклонился б. Как знамя в бою, —
Ведь они чайрикеру, рабу, чарводару
Говорят: «Здесь Советский Союз».

Гаудан — это петли дороги змеистой,
Перемытые нашей волной,
Гаудан — это окрик и выстрел
Над враждебных хребтов тишиной,
Гаудан — это первый сигнал коммуниста
Под ирано-индийской стеной.

Там врезаются люди простые, как пилы,
В те дела, что совсем не просты,
День и ночь закаляют себя старожилы,
Проверяют себя, как посты.

От подковы коня до квитанций Госторга
Смотрит все боевым ремеслом,
Здесь глаза выражают вершину восторга
Только тенью улыбки — и все.

Если б щели в горах повели разговоры,
Если б ночи умели писать,
Мы имели б рассказов невиданных ворох,
На котором сегодня молчанья печать.

Так заботой полны пограничные соты,
Мне однажды пришло на заре,
Что, как братья, пройдут в Гаудана ворота
Люди с дальних индийских морей.

ЛЮДИ ШИРАМА

Ананасы и тигры, султаны в кирасе,
Ожерелья из трупов, дворцы миража, —
Это ты наплодила нам басен —
Кабинетная выдумка, дохлая ржа.

Нет в пустыне такого Востока,
И не стоишь ты, как ни ворчи,
Полотняных сапог Куперштока
И Гуссейнова желтой камчи.

Эти люди с колодца Ширама,
Из ревкома советских песков,
Обыденностью самой упрямой,
Самой хмурой и доблестной самой
Опаленные до висков.

Вручено им барханное логово,
Многодушье зверей и бродяг,
Неизбежность, безжалостность многого —
Все, о чем скотоводы гудят.

И когда они так, молодцами,
Прилетят в Ак-Тере, как гонцы, —
Это значит, что снова с концами
Сведены бытовые концы.

Это значит — в песчаном корыте,
От шалашной норы до норы,
Чабаны-пастухи не в обиде
И чолуки-подпаски бодры.

Что сучи-водоливы довольны, —
Значит, выхвачен отдыха клок,
Можно легкой камчою привольно
Пыль сбивать с полотняных сапог.

Пить чаи, развалясь осторожно,
Так, чтоб маузер лег не под бок,
Чтоб луна завертела безбожно
Самой длинной беседы клубок...

И — по коням... И странным аллюром,
Той юргой, что мила скакунам,
Вкось по дюнам, по глинам, по бурым
Саксаулам, солончакам...

Чтобы пафосом вечной заботы,
Через грязь, лихорадку, цингу,
Раскачать этих юрт переплеты,
Этих нищих, что мрут на бегу.

Позабыть о себе и за них побороться,
Дней кочевья принять без числа —
И в бессонную ночь на иссохшем колодце
Заметить вдруг, что молодость прошла.

ВЕСНА В ДЕЙНАУ, ИЛИ НОЧНАЯ ПАХОТА ТРАКТОРАМИ «ВАЛЛИС»

Дыханье слышу «валлисов»-машин,
Как запертых драконов беспокойство,
Дурацкое, скажу, землеустройство
От древности досталось им в почин.

Поля, величиной с кошму,
Канавы, стены, ямы, стены, ямы...
Но времени задания упрямы —
И «валлисы» прокатывают тьму.

Они жужжат, бормочут, невесомы,
Невидимы за переплетом рощ,
Чужою, нехозяйственной истомой
Их окружает дьявольская ночь

Забытых мест и черных суеверий,
Трахомных глаз, проклятий за углом.
Встает луна — ложится тень у двери,
Дверь отошла — машина входит в дом.

Распахнут двор. Он байский, крепколобый
(Вкушали плов, меняли скот, рабынь),
И трактор встал своей стальной утробой,
Как некий слон, среди чарджуйских дынь.

В пустыне бай, а может, и подале,
И вместо всей халатной толчеи
Три выдвиженца спорят в гулком зале,
И Азия внимает молча им.

Джидда цветет, бумаги всех оказий
Пропитаны тем запахом живым,
Животным, душным, стойким в каждой фразе,
И каждый жест в него упал, как в дым...

И в том дыму вся тракторная база
Свергает власть оскаленных пустынь,
Шипит земля, и, словно два алмаза,
Два фонаря глядят через кусты.

ИСКАТЕЛИ ВОДЫ

Кую-Уста зовут того, кто может
Своим чутьем найти воды исток.
Сочти морщины на верблюжьей коже,
Пересчитай по зернышку песок, —

Тогда поймешь того туркмена дело,
Когда, от напряженья постарев,
Он говорит: «Колодец ройте смело,
Я сквозь песок узнал воды напев».

Но он кустарь, он только приключенец,
Он шифровальщик скромненьких депеш,
В нем плана нет, он — как волны свеченье,
И в нем дикарь еще отменно свеж.

Его вода равна четверостишью,
Пустыне ж нужны эпосы воды, —
Он как бархан, он времени не слышит,
Он заметает времени следы.

Но есть вода Келифского Узбоя, —
Но чья вода? Победы иль Беды?
И там глядят в ее лицо рябое
Глаза иных искателей воды.

Они хотят вести ее далеко —
Через Мургаб, к Теджену, — оросить
Все те пески, похожие на локоть,
Который нужно все же укусить.

Они правы, они от злости пьяны,
Они упрямы: должно рисковать —
Невероятным водяным тараном
Пробить пески, пустыню расковать.

Им снятся сбросы, полчища рабочих
И хлопок — да, десятки тысяч га:
Их в руку сон — земля победы хочет,
Она зовет на общего врага.

Кую-Уста глядит на инженера
С большой усмешкой, скрытой кое-как.
Тот говорит: «Ты думаешь, химера?
А это, брат, вполне возможный факт!

Твои колодцы, что же, это крохи...
А мы Узбой наполним наконец...»
Они стоят сейчас, как две эпохи,
Но победит великих вод ловец!

ПОДРАЖАНИЕ ТУРКМЕНСКОМУ

Мы с гор пришли сегодня днем,
Куда мы идем — не гадай.
Усмирись, расступись пред конем, —
Дорогу дай, Гюрген, дорогу дай!

Пришли мы к воде, и она шумит,
Прогони ее с глаз, измени ее вид,
Убери свою воду из-под копыт.
Дорогу дай, Гюрген, дорогу дай!

Не то мы истоки твои убьем,
Мы высушим ложе твое огнем,
Ты покажешь все камни на дне своем, —
Дорогу дай, Гюрген, дорогу дай!

Мы закроем ущелья, и ты умрешь,
И умрет с тобой воды твоей дрожь, —
Тогда для коней будет путь хорош, —
Дорогу дай, Гюрген, дорогу дай!

Пожалей своих птиц на своих отмелях,
Людей, что питают тобой поля,
Все равно мы пройдем тебя, сердца
веселя, —
Дорогу дай, Гюрген, дорогу дай!

СТАРЫЙ КОВЕР

Читай ковер: верблюжьих ног тростины,
Печальных юрт печати и набег,

Как будто видишь всадников пустыни
И шашки их в таинственной резьбе.

Прими ковер за песню, и тотчас же
Густая шерсть тягуче зазвенит,
И нить шелков струной скользнувшей ляжет,
Как бубенец, скользнувший вдоль ступни.

Но разгадай весь заговор узора,
Расшитых рифм кочевничью кайму,
Игру метафор, быструю, как порох, —
Закон стиха совсем не чужд ему.

Но мастер скуп, он бережет сравненья,
Он явно болен страхом пустоты,
И этот стих без воздуха, без тени
Он залил жаром ярким и густым.

Он повторялся в собственном размахе,
Ковру Теке он ямбы подарил,
В узоры Мерва бросил амфибрахий,
Кизыл-Аяк хореем населил.

Так он играл в своем пастушьем платье
Огнем и шерстью, битвой ремесла,
И зарево тех красочных объятий
Душа ковра пожаром донесла.

ПРОЩАНИЕ С ОМАЧОМ

Седой туркмен, сожженный солнцем юга,
Прощается с истертым омачом:
«Ты отойдешь ненужным гостем в угол.
Ты, одряхлев, остался ни при чем.

Тебя почтит ночного ветра скрежет,
Но шум молвы в другую песнь ушел —

Машинный плуг родную землю взрежет
От волн Аму до каракумских волн.

Не о тебе расскажут у колодца.
Ты жил, как раб, ленивой простотой.
В груди машин живое сердце бьется
Туркмении пустынно-золотой».

Сказал омач:
«Не оставляй средь гула
Меня лежать в твоих машин дыму.
Не дай мне гнить среди твоих аулов!
Я, как басмач, пустыню подыму,

Я стану волком, пламенем, бедою,
Как астрагал — меня охватит ложь.
Я не хочу! Я сыт своей судьбою,
И я прошу покорно: уничтожь.

Сожги мое истасканное тело,
Испепели и острием серпа
Развей меня, чтоб мной не завладела,
Как знаменем твоих врагов, толпа.

* * *

В. Луговскому

Я слово дал: богатства Копет-Дага
Стихом не трогать — другу подарить,
Пусть пишет он, как лом, лопата, драга
Пришли к горам и начали творить.
Но видел я богатства очень точно,
Не удержусь — на узкой полосе
Одной строкой скажу о них заочно,
Да, я скажу: они прекрасны все.

Я слово дал: кизыласкеров наших
Стихом не трогать — другу подарить,
Пусть пишет он про всех биваков кашу,
Про жизнь казарм и схваток пустыри.
Но видел я храбрейших очень точно,
Не удержусь — на узкой полосе
Одной строкой скажу о них заочно,
Да, я скажу: они прекрасны все.

Я слово дал: коней туркменистанских
Стихом не трогать — другу подарить,
Пусть пишет он баллады или стансы
Про легкость их, выносливость и прыть.
Но видел тех коней я очень точно,
Не удержусь — на узкой полосе
Одной строкой скажу о них заочно,
Да, я скажу: они прекрасны все.

Я слово дал: красавиц Ашхабада
Стихом не трогать — другу подарить,
Пусть пишет он их нравы и наряды,
Про новый быт всерьез поговорит.
Но видел я красавиц очень точно,
Не удержусь — на узкой полосе
Одной строкой скажу о них заочно,
Да, я скажу: они прекрасны все.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПУТЕШЕСТВИЮ

Обычной тенью входит день.
Одежда та же: тесен ворот —
Попробуй возьми его, переодень,
Скажи, что меняешь обычай и город.

Он будет выть, от страха седой,
Вопьется ногтями, от крика устав,

Он будет грозить нищетой и бедой,
Он выложит все счета.

Но, как пересохший табак, распыли
Привычки — сбеги с этажей,
Увидишь, как пляшут колени земли,
Какая улыбка у ней.

А может быть, ярость? А может —
Одно дуновенье ресниц далеко
Тебя заведет, чудесами изгложет,
Оставит навек чудаком?

Соглашайся немедля! Из дому
Задумано бегство. Ведь надо же знать,
Как люди живут и жуют по-другому,
Как падает заново слов крутизна.

Как бродят народы, пасясь на приволье.
Как золотом жира потеет базар,
Как дышит — ну, скажем за Каспием,
что ли, —
Менялы тучней черноглазый фазан.

Чтоб с надоевших, постылых подножий
Вся жизнь поднялась бы, не степью с утра —
Горой, где бы каждый уступ непохож был
На тот, каким он казался вчера, —

Чтоб в горле гуляло крупнейшею дрожью:
«Мы родственны снова. Дай руку, гора!»

ФИНИНСПЕКТОР В БУХАРЕ

Не облако зноя,
Не дым из харчевни чудесной

Летит кишлаками, листвой вырезною,
Бахчами, канавами, лесом.

И облако это, красуясь подробно,
Зудит удилами и песни поет —
То сам фининспектор султаноподобный
Из лессовой пыли вихри вьет.

На учете — ковры, пшеница, сад,
В квитанциях, словно луна,
Восходит, желтея, налога цена
Десятками лун подряд.

Он знает, который из толстых не рад
Топтанью его скакуна.

Он видит, как ложью цветет старшина
И сколько наплел и налгал он спьяна.
Он помнит, как нужно коня раскачать
Навстречу клинкам басмача.

На севере дождь заладил полет
И льет, облысев, отупев;
Тщедушный чиновник бумагой скребет,
Как мышь, за конторку присев.

Он ввек не узнает, что письменных троп
Кончается пулей в пустыне галоп,
Что можно баланс перекинуть иначе —
Высокою аркой ветвей карагачьих.

Что слать извещенья — пустая затея,
Когда по ущельям обвалы густеют,
Что дальний его туркестанский собрат
Теснинам и высям устроил парад.

Не тигр из тугая плескает клыком,
Куском полосатой ноги,

То сам фининспектор в галопе легко
Играет конем дорогим.

Джигит раздирает запекшийся рот,
Ведет к Самарканду дорог поворот.

Какое убранство! Небо какое!
Огонь, тополя, купола!
Он скачет туда, где лежит на покое
Тимур — Хромец Тамерлан.

Бросив джигиту камчу на лету,
Идет инспектор на ту высоту.

Гробница Тимура в нефритной красе,
И здесь говорит он, молчанье рассея:

«Лишь винт в колесе я,
Всегда на весу —
Я честно служу своему колесу,
Катаюсь с ним вместе дугою,
Вот ты — это дело другое!»

Восходит могильный рев старика:
«Бока отлежал я. На что мне века!
Могила на что дорогая?
Мне — сыну Амир-Тарагая?

Я на землю ярой горой налег,
Я жал ее необычайно —
С Китая я выжал, как губку, налог:
Ручными драконами, чаем.

Сколько земель у меня собралось
Дохода звонкого ради,
В одном лишь Багдаде убыток понес:
Людей не осталось в Багдаде,

Я взвесил приход и расход мировой,
И нету копейки со мною:
Я — гол, с лошадиною схож головой,
Вот ты — это дело иное...»

Не облако зноя,
Не ветер великий весною,
То мчится инспектор, трубку сосет,
Топчет ковер тишины,
Как будто луна с небывалых высот
Упала в доход казны.

ШАКАЛ

1

Ходят пчелы на ручей
За водой студеной; пчелы
Под шатром карагачей,
Словно новоселы.

Бабочки вьются,
Как желтые блюдца.

Ты ли, арча, недостойна парчи?
Что есть на свете тусклее арчи?

Муравьиный мускул мал,
Но лежит в труде долина,
Муравей бревно поймал
Всей ватагой муравьиной.

Это малое бревно
Я растер бы меж ладоней,
Но для них оно одно —
Знак работы неуклонной.

Как одеяло цветное.
Долина купается в зное.
Словно гончарня над глиной,
Так трудится в зное долина.

Я покидаю пчел водопой,
Падай, вода! Перепел, пой!

2

Где разветвляется хобот ущелья,
Камни обвалом порвало,
Где, точно клейма, наклеены щели, —
Там увидал я шакала.

Там он стоял, размышляя ушами,
Один — без детей, без жены;
Были глаза его, как камышами,
Вздыбленной шерстью окружены.

Я-то ведь знаю, кто он такой,
Как он меняет лица,
Как он плутует и серой рукой
В наши дома стучится.

Это неверно, что лишь пустынь
Спутник он невеселый,
Нет, и любой городской пустырь
Воем шакальим полон.

3

Но ты по-особому вздыблен и горд,
Шакал азиатских гор.
Тебе оказали сугубую честь,
Ты помнишь той ночи размер?

Дубы, что упали в Ахча-Куйме
Ты видел их двадцать шесть[1].

И сердцем и глазом запомнили мы
Шакалов Ахча-Куймы.

И тех, что ножу предают за гроши,
Убийство для них — воспитанье души.

И тех, что до власти лакомы,
На страже весов мировых,
Горят имперскими знаками
Мундирные вывески их.

И тех и других запомнили мы,
Шакалов Ахча-Куймы.

Дразни этой вестью друзей и казни,
Беги за Герат, беги за Газни,
Кричи Индостану, как любим мы
Шакала Ахча-Куймы.

Лишь бурей взыграется Азия,
Не встретимся здесь мы разве?

И драться мы будем в песках этих рыжих,
Пока ты не будешь разбит и унижен,

Тогда подойдешь смиренней, чем мышь,
К разбитой моей голове,
Спросишь: «Зачем ты здесь лежишь
В чужой, в неродной траве?»

«Зачем лежу в траве голубой?» —
До крови смеялся я над тобой.

---

[1] Двадцать шесть бакинских комиссаров были убиты в пустыне, около перевала Ахча-Куйма.

Я покидаю пчел водопой —
Падай, вода! Перепел, пой!

ТИГРИНЫЙ ЧАЙ

(Ширчай)

Глаза вниманием одень,
Вдали от родины кочуя, —
Всемирной дружбы вызвав тень,
В харчевне Азии ночую.

Беседу правя невзначай
С поводырем верблюжьим,
Я буду пить зеленый чай,
Тигриный чай на ужин.

Костра густые хляби
Рождают смуглый дым,
В котле гуляют ряби
Взволнованной воды.

Возьми песчинки чая,
Достойно урони,
И, как пловцы, ныряя,
Уйдут на дно они.

Но, волнами гонимы,
Висят на борозде, —
И здесь необходимо
Раздумье о труде...

Хвала! Но что такое труд?
Поток, идущий широко,
Но здесь в котел проворно льют
Потоком тесным молоко;

В котле сметанный океан,
Как белый бык в оковах, —
Но поводырь верблюжий пьян
Мечтою о коровах.

Не бык — сияний решето
Влекомо вверх и вниз.
Он говорит: «Верблюды — что?
Коровы — это жизнь!»

Котел, как колокол, кипит,
Зеленый чай, тигриный чай
Сквозь дым и крышку говорит
Проворней горного ключа.

Молвит сосед: «О таксыр,
Ты знаешь, что такое власть?»
Он режет масло на куски,
Кускам в котел дает упасть.

«Ты по-иному мне скажи, —
Он молвит мне, —таксыр,
Власть—это самый верхний жир
В котлах любой страны!»

Мой смех обходит всех волчком,
И на котле, смеясь,
Покрышка падает ничком,
От зноя золотясь.

Багровый солью Бухары
Посыпан ярый чай,
В котле — косматые шатры
Вспухают, забренчав.

Из них тигриный чай ревет,
Он весь похож на белену,
Кому такой он нужен?

Мы точно варим здесь войну,
Сто дьяволов на ужин.
Но спутник темножилый,
Моей беседы князь.
Кричит: «Четыре силы
Кипят, соединясь!»

Хозяин трапезы живой,
Отвесив по каратам,
Кидает перец огневой
В его плаще богатом.

Перец, лопаясь, хохочет,
Клокочет чай готовый,
Котел задымленный, грохочущий
Встречают, как обнову.

И этот спелый, словно рожь,
Напиток клонит не ко сну—
И он на женщину похож,
На власть и на войну...

Мы пьем его, как жизнь, как дым,
Чтоб жажду закрепить,
И мы потом договорим,
Сначала надо пить...

СТИХИ О КАХЕТИИ

Маро Шаншиашвили

ГОМБОРЫ

Я не изгнанник, не влекомый
Чужую радость перенесть,
Мне в этом крае все знакомо,
Как будто я родился здесь.

И все ж с гомборского разгона,
Когда в закате перевал,
Такой неистово зеленой
Тебя, Кахетия, не знал.

Как в плески, полные прохлады,
Я погружался в речь твою,
Грузино-русских строк отряды
В примерном встретились бою.

Но где найдется чувству мера,
Когда встает перед тобой
Волной вселенского размера
Лесов немеркнущий прибой?

И в этот миг совсем не сотый,
Когда ты в жизни жил не зря,
Сроднив и спутав все высоты,
Почти о счастье говоря,

Ты ищешь в прошлом с легкой дрожью:
Явись опять, зеленый зной, —
Год двадцать первый встал и ожил
Над мамиссонской крутизной.

О, сколько слез и сколько жалоб
На старом Грузии пути,
Ночь меньшевистская бежала,
К Батуму крылья обратив.

Рвать крылья эти, что клубили
Одну из самых черных вьюг,
Бригада в искрах снежной пыли
Проходит с севера на юг.

Тобою, Киров, как знамена,
Снега Осетии зажглись,
Когда, не спешась, эскадроны
Переходили в них на рысь.

Снега, снега — зима нагая,
И вот уже ни стать, ни лечь,
Рубить, в снегах изнемогая,
Ходы, что всаднику до плеч.

Переносить вьюки плечами,
Уметь согреться без огней,
Со льдов, увенчанных молчаньем,
На бурках скатывать коней.

Хватив зимы до обалденья,
В победоносный дуть кулак
И прямо врезаться в виденье,
Неповторимое никак, —

И в этот миг совсем не сотый,
Когда ты в жизни жил не зря,
Сроднив и спутав все высоты,
Почти о счастье говоря, —

Они смотрели и стояли,
Снимали иней на усах,

Под ними прямо в небеса
Великой зеленью пылали
Чанчахи вольные леса.

ДЖУГАНЬ

Через долину, прямо над Джуганью,
Стоял хребет, и я встречался с ним
Наедине, за той рассветной гранью,
Когда он весь казался молодым.

Как будто шел, не замедляя шага,
Ко мне товарищ в дальней стороне,
Зелеными рубцами Шалбуздага
О доблести рассказывая мне.

Как будто вторя грозному столетью,
Над кулуаров снегом голубым
По желобам летели легкой смертью
Дымки лавин дыханием одним.

И ледопадов синева нависла
И, как судья, судила черный бор,
А я стоял тяжелый, как завистник,
С той синевой вступая в разговор.

Тот разговор судьба определила,
Чтоб каждый знал всю правду о другом, —
Тут на балкон хозяйка выходила,
Навстречу дню распахивался дом.

Тогда с хребта слетал огнистый глянец,
Все подменив деталью бытовой,
Как будто утро отдало румянец
Спокойствию хозяйки молодой.

ЦИНАНДАЛИ

Я прошел над Алазанью,
Над причудливой водой,
Над седою, как сказанье,
И, как песня, молодой.

Уж совхозом Цинандали
Шла осенняя пора,
Надо мною пролетали
Птицы темного пера.

Предо мною, у пучины
Виноградарственных рек,
Мастера людей учили,
Чтоб был весел человек.

И струился ток задорный,
Все печали погребал:
Красный, синий, желтый, черный,
По знакомым погребам.

Но сквозь буйные дороги,
Сквозь ночную тишину
Я на дне стаканов многих
Видел женщину одну.

Я входил в лесов раздолье
И в красоты нежных скал,
Но раздумья крупной солью
Я веселье посыпал.

Потому, что веселиться
Мог и сорванный листок,
Потому, что поселиться
В этом крае я не мог.

Потому, что я прохожий,
Легкой тени полоса,
Шел, на скалы непохожий,
Непохожий на леса.

Я прошел над Алазанью,
Над волшебною водой,
Поседелый, как сказанье,
И, как песня, молодой.

ОХОТНИК

Уже открылись домики селенья,
Людей обыкновенных уголки;
Чирками голубого опереньня
Над черепицей плавали дымки.

Охотник шел, походом переполнен,
В плечах шумел лесных ночей настой,
У пояса, как пачки легких молний,
Кипели перья птицы непростой.

В нем горы и озера еще жили,
Иной он слепок мира осязал,
Из самых тонких жизни сухожилий
Дни мастерства лесного он связал.

Пускай умрет он также неизвестным,
Счастливым лесом встанут жизни дни,
О время, ты наш соучастник честный,
Ревнителя охоты не казни.

Смиряй его, гони по кругу быта
И пламя крыл — фазаном назови,
Но дай ему продлить души избыток
За прибыли охотничьей зари.

* * *

Я, как лезгин, смотрел с заветной кручи
На Алазани белый ремешок,
И подо мной раскачивались тучи,
Сквозь эти тучи самолет прошел.

Следили горцы за гуденья силой,
Как птицы за полетом стрекозы,
И предков кровь, что лица заострила,
На мир смотреть учила сверху вниз.

Стал самолет в лазурь полей снижаться,
Своим гуденьем сердце веселя,
Стояли горцы, бросив улыбаться,
Внизу цвела Кахетии земля.

Шло дело к ночи. В темноту баллады
Лишь стоит нам рассказ перенести,
Задышим мы пожаров долгим чадом,
Услышим пули по всему пути.

Увидим, как дымились Цинандали
И крепости взлетали в простоте,
Свидетелей ущелья поглощали,
Аулов сто пылало вслед за тем.

Но нет мюридов... Нет Орбелиани,
Нет Чавчавадзе... Только огоньки
Шли винными совхозами в тумане,
Хлопковыми полями у реки.

Победы большевистские утехи
Нам говорили: если поспешить,
То можем мы спуститься в Лагодехи,
У очагов сесть, бурки обсушить.

И, не шумя излишними страстями,
Хлебать хинкал, заправив чесноком,
Старинными делиться повестями,
Не вымещая злобы ни на ком.

И кахетинец будет черноусый
С лезгином пить до самого утра,
Для горных дев подарит гостю бусы,
Любимые кусочки серебра.

СМЕРТЬ

Старик стоял в купели виноградной,
Ногами бил, держась за столб рукой,
Но в нем работник яростный и жадный
Благоговел пред ягодной рекой.

Гремел закат обычный, исполинский,
Качались травы, ветер мел шалаш,
Старик шагнул за край колоды низкой,
Вошел босой в шалашный ералаш.

Худые ноги насухо он вытер,
Смотрел туда, долины старожил,
Где в море листьев, палок, перекрытий
Сверкали лозы, падали ножи.

Все выведено было черной тушью,
Какой-то кистью вечно молодой,
Он, горсть земли зажав, прилег и слушал,
Шуршал в руке кремнистый холодок.

И холодок шел по кремнистым жилам,
Лежал, к земле прижавшись, не дрожа,
Как будто бы передавая силу
Тем смуглым лозам, людям и ножам.

Журчал в купели теплый сок янтарный,
И солнце, сжато облачной грядой,
Столы снегов залив лиловым жаром,
Распаренным висело тамадой.

ШОФЕР

Из духана небольшого на порог свинцовой ночи
Он выходит, разминаясь, у него веселый нрав,
Он шофер и кахетинец, кизикийски прост и прочен,
С ним лечу лихой дорогой от Сигнаха на Телав.

Лишь возов высоких тени, рощи в сумраке кромешном,
Лишь смерчей песчаных, пыльных неживые завитки,
Хруст, как будто чьи-то кости распадаются
поспешно, —
То дробим мы позвоночник пересохшей в дым реки.

Сбоку реет рой неверный зыбких сел, садов,
прохожих,
Как из аспидного ада, поездной гудит гудок,
Мы взлетаем над обрывом, — небольшую жизнь я
прожил,
Вот такой пустынной ночью, может быть, и выйдет срок.

Остановка на мгновенье перед домиком кремнистым.
Свет. Целуется шофер мой с юной женщиной в платке.
Вновь возы, смерчи и броды, рассекаемые свистом,
Будто гонит с нами рядом тень вселенной налегке.

Ничего не разобрать уж — даже тучи задымились.
Словно в бегство от поспешной той любви летим
во тьму,
Вдруг мелькнули кипарисы, как особенная милость,
Это значит — я доставлен прямо к дому моему.

И шофер мне простодушно говорит: «Теперь обратно,
Я к утру вернуться должен от Телава на Сигнах».

Вслед глядел я — предо мною снова ночь сверлили пятна:
Это мчался гладиатор в славы собственной лучах.

БАШНИ СИГНАХА

1

Вы — сестры башням тем,
Что встали над Ушгулом,
Но я не пьян — я нем
Пред вашим сном сутулым.

Да, осень и вино,
Здесь безупречны вина,
А осенью родной
Сигнахец пьет их львино.

Зубами он берет
Стакан — и в горло разом,
Как будто воду льет
Или теряет разум.

Стакан, что пуст и прост,
Он ртом швыряет в воздух,
Стакан летит до звезд,
А стол весь в синих звездах.

Идет в полет стакан,
Звенит стакан обратно,
И молодец не пьян,
Но молодцу приятно.

И жизнь — вина густей,
И смерть полна лукавства,
Как призраки страстей
В ребячьем сне сигнахца.

2

Я знаю: упрекнут
Меня за это строго,
Что кахетинцы пьют
Как будто слишком много.

Но где ж еще вино
Так связано судьбою
С крестьянством, заодно
С природой голубою.

Я с башенных высот
Старейшего Сигнаха
Гляжу: идет народ
Не пьяного размаха.

Где скат полей не крут,
Проворны хлопководы,
И техники бредут,
Что опекают воды.

И в малярийный хрип
Надалазанской чащи,
Где быт в болото влип,
Приносят хины ящик.

С добычей на боку
Охотники шагают,
И много табаку
Лежит на Цнури-Цхали.

Но виноградный блеск,
Всесильный и обильный,
Царит от горных мест
Вплоть до пустыни пыльной.

Вы — сестры башням тем,
Что встали над Ушгулом,
Вы каменных поэм
Разрозненные гулы.

Просите снова жизнь
Зубчатым басом глыбы,
Чтоб осени ножи
Несчетность лоз нашли бы.

РАННИЕ СТИХИ

I. ЖИЗНЬ ПОД ЗВЕЗДАМИ

Из походной тетради (1916—1917)

ДРУГУ

Ночь без луны кругом светила,
Пожаром в тишине грозя,
Ты помнишь все, что с нами было,
Чего забыть уже нельзя:

Наш тесный круг, наш смех открытый,
Немую сладость первых пуль,
И длинный, скучный мост Бабита,
И в душном августе Тируль.

Как шел ночами, колыхаясь,
Наш полк в лиловых светах сна,
И звонко стукались, встречаясь,
Со стременами стремена.

Одних в горящем поле спешил,
Другим замедлил клич: пора!
Но многие сердца утешил
Блеск боевого серебра.

Былое заключено в книги,
Где вечности багровый дым,
Быть может, мы у новой Риги
Опять оружье обнажим.

Еще насмешка не устала
Безумью времени служить,
Но умереть мне будет мало,
Как будет мало только жить.

ДОЗОР НА ПОБЕРЕЖЬЕ

Идут засаленные карты
По необычному столу —
Обломком старой черной парты,
Летает ругань в полумглу.

Сосредоточенные лица
И крики яростных врагов,
Им вторят моря небылицы
И сосны рыжих берегов.

И под луной, такой печальной,
Оглушена, потрясена
В пустынных комнатах купальной
Гусарским громом тишина.

Прошедших дней немые беды
Хранят свой величавый вид,
И завтра день — не день победы,
Мне тоже сердце говорит.

О смерти думать бесполезно,
Раз смерть стоит над головой,
Я бросил юность в век железный,
В арены бойни мировой.

* * *

Котелок меня по боку хлопал,
Гул стрельбы однозвучнее стал,
И вдали он качался, как ропот,
А вблизи он висел по кустам.

В рыжих травах гадюки головка
Промелькнула, как быстрый укол,

Я рукой загорелой винтовку
На вечернее небо навел.

И толчок чуть заметной отдачи
Проводил мою пулю в полет.
Там метался в обстреле горячем
Окружаемый смертью пилот.

И, салютом тяжелым оплакан,
Серый «таубе» в гулком аду
Опрокинулся навзничь, как факел,
Зарываясь в огонь на ходу.

И мне кажется, в это мгновенье
Остановлен был бег бытия,
Только жили в глухих повтореньях
Гул и небо, болото и я.

АТАКА ПОД РОДЕНПОЙСОМ

Последний длинный луч заката
Я помню до сих пор.
Мы дрались, как во времена Мюрата,
Рубя в упор.

И с каждым взмахом становились злее,
Жестоким был тот час,
И враг, спеша нас перебить скорее,
Шел на плечах у нас.

Дышало небо звездными красами,
Безмолвием маня,
Под выстрелами долгими часами
Я не слезал с коня.

И там, где лес снаряды гнули,
Я придержал коня.
Других кругом искали пули,
Но не меня.

В покое смутном сердце билось,
Был час, как образ сна,
Я знаю: за меня молилась
На Севере — одна!

* * *

Почему душа не под копытами,
Не разбита ночью на куски,
Тяжко ехать лесом тем, пропитанным
Йодистым дыханием тоски.

Словно хлора облако, взлохмаченно,
Повисает на кустах туман,
В нем плывут, тенями лишь означены,
Может — копны, может быть — дома.

Конь идет знакомым ровным шагом,
Службу он несет не кое-как...
А по всем лесам, холмам, оврагам
Спят костры, пронзая желтым мрак.

Едем мы сквозь черной ночи сердце,
Сквозь огней волнующую медь,
И не можем до конца согреться
Или до конца окаменеть.

СМЕРТЬ ДРУГА

Я свежий труп ищу в траве,
Я свежий труп ищу,
Он пал с осколком в голове,
Я — странно! — не грущу

Лишь потому, что и меня,
Чтоб знать, где зарывать,
Вот так же будут в травах дня
Товарищи искать.

Земля одна и смерть одна,
Но почему я сгал?
Мне голова его видна
И темных губ овал.

«Убит!» — сказали про него.
Я труп его искал,
Нашел, поцеловал его
И молча закопал.

В ЛИФЛЯНДИИ

Как тарелка, небо чисто вымыто,
Черные леса обнажены,
В мире нет безжалостнее климата,
Безнадежней климата войны.

Не искать теперь уж песен зяблика
Над старинной, тихою рекой,
Даже смерть похожа здесь на яблоко,
Что упало мягко и легко.

И сейчас улыбки кровью дышат тут,
Горя много — как не горевать,

Может быть, так нужно: жить неслышно
И еще неслышней умирать.

* * *

Земля и небо страшно разны,
Лежу на дряхлом блиндаже,
Вот в стройность мыслей безобразно
Ворвались строфы Беранже.

Мне книга не прикажет грезить —
Я слишком густо загорел,
Я слишком мысли ожелезил,
Я слишком в этом преуспел.

И, может быть, уже возмездье
На полдороге, как заря,
Шрапнели черные созвездья
Ударят в спину дикаря.

* * *

Трубачами вымерших атак
Трубят ветры грозные сигналы,
И в полях, я чую через мрак,
Лошадей убитых закачало.

Вновь дорога — рыжая петля,
И звезда — как глаз противогаза,
Распласталась чуждая земля,
Расстелилась пестрой, как проказа.

Я забыл, зачем железный зов
Жалобно визжал в многообразье,
Вязы придорожных берегов
Плачут грязью.

* * *

Я забыт в этом мире покоем,
Многооким, хромым стариком;
Никогда не молюсь перед боем,
Не прошу ни о чем, ни о ком.

И когда загорится граната
Над кудрями зелеными рощ,
Принимаю страданье, как брата,
Что от голода долгого тощ.

Только я ожидаю восхода
Необычного солнца, когда
На кровавые нивы и воды
Лягут мирные тени труда.

БУДНИ

Паук ровняет паутину
На стенах лестницы пустой,
Старуха жизнь, в угоду сыну,
Щетинит щеки над плитой.

Едим мы пресные блины.
Очажный чад и руки в саже,
Одни и те же видим сны,
Одну и ту же тянем пряжу.

И только мастер бьет сплеча
Упорной кистью холст шершавый,
Да пулей гасится свеча,
Светло затепленная славой.

* * *

Бывалый юноша, как поздний пешеход,
Что не боится крика или тени,
Вода в реке внезапная встает,
Внезапно в нем родятся приключенья.

Как от воды, мещанский день бежит
От натиска бродяги молодого,
Он знает войн придуманный режим,
Журнальных битв пороховое слово.

В толпе людей, дремучей, ледяной,
Среди друзей, где откровенны лица,
Своих волос лукавой сединой
С достоинством он любит похвалиться.

Земля и Жизнь — плоты из шатких бревен,
Как бой — танкисту, сторожу — музей,
Ему знакомы все биенья крови,
Я враг его, но из числа друзей.

ПОСТИЖЕНИЕ

Ты создашь в тени лабораторий
На горах рассыпанных костей
Все, что знали ветреное море,
Свет лесов и таинства путей.

Хаос будет знаньями размечен,
В звездной бездне и в земной пыли
Ты постигнешь, богочеловечен,
Ложь небес и истину земли!

ИНДИЯ

Страна йога, раджи и факира,
Земля Танжора, Вишну, Ганга, Вед,
Где сочеталися четыре разных мира
И сказочных времен неизгладимый след
Почил в струях гигантских водных нитей —
О Брамапутра, Годовери, Инд —
От гор чудес и ледяных открытий
До южных нив, где дремлет тамаринд.

Как я хочу ночей сапфирных негу
В себя вдохнуть средь палевых красот,
Где водопада мощному разбегу
Внимает озеро зелено-сонных вод,
Где лотоса колонки нежно-алы
Меж лилий белооблачных плывут,
Где в сумраке лесов рокочущие залы
Широко-шумной прелестью живут.

Хочу, чтобы моя нога ступала
На мраморе священных старых плит,
Чтоб предо мною солнце превращало
Вершину башни в белый монолит,
Хочу я видеть медной Кали взоры,
И синий Ганг под желтою луной,
И Тадж-Магала хрупкие узоры,
Что глаз слепят жемчужной белизной.

Хочу я знать и джунглей трепет дикий,
И диких троп таинственный чертеж,
И треск ветвей, и жуть ночного крика,
И тяжкий хрип, и радостную дрожь...
Я к вам приду, колодцы между пагод,
Слоны святынь печальных Гатских гор,
Я к вам приду хотя бы только на год —
В страну, где спят и слава и позор.

К камням забытым темных подземелий,
К стенам, поросшим пальмой и травой,
И к алтарям нерадостных веселий,
И к мертвой жизни, некогда живой.
Вас, мертвые дворцы — немые исполины,
Увидит мой восторга полный взор,
Я к вам приду, надгробные руины,
К вам, Беджапур, Бенарес и Эллор!

* * *

Тусклый день посеребрил отавы...
Небо стало чище и бледней,
Люди косят и цветы и травы,
Море косит пастбища камней.

Не мечтай, не думай и не числи,
Мир стал глубже, тверже и полней,

Сколько смерть скосила моих мыслей,
Сколько жизнь скосила моих дней...

СМЕРТЬ АВИАТОРА-ГЕРОЯ НЕСТЕРОВА

Не будем оскорблять слезами
Его священный прах,
Помчался он парить под небесами
На доблестных крылах.
Он презрел смерть... Подоблачным титаном
Путь проложил за голубую даль,
И налетел губящим ураганом,
И сталь ударилась о сталь.
Порвалась жизнь с широким взмахом
Победоносных крыл,
Пускай он пал мгновенно прахом,
Он пал, но победил.
Земле он отдал все земное,
Но дух остался там,
За этой гранью голубою
Парить по сторонам.
И, может быть, в часы сраженья
Из дальних неба стран
Взлетит врагам на пораженье
Его аэроплан.

РОЖДЕНИЕ МЫСЛИ

Забытое, знакомое пятно,
Прозрачный призрак мотыльковый,
Но бабочка порхает через сон,
И птицей на уста садится слово.

Расширились летящие крыла,
Повисшие над бездной голубою,

И вот уже не птица — а скала
С начертанной неведомой резьбою.

Но камень — камень только первый миг,
В нем проросли колонны вечных зданий...
О мысль моя, ты — только первый лик
Даруемых душе обетований.

РЕВОЛЮЦИЯ

Под музыку шарманки,
Под пляску косарей,
Улыбку маркитантки
И пурпуры царей,
Под свист толпы народной,
Где стон и пулемет,
Дорогою свободной
Вперед она идет.

...Ее я знаю имя,
Молчат теперь о ней
И колоннады в Риме,
И сфинксы, и Пирей.
Ей люб огонь заката
И красный, алый цвет...
Я ждал ее когда-то,
И жду... Сомнений нет!

27 ФЕВРАЛЯ 1917 ГОДА

Ошибся враг, бесстыдством ловкий,
Преображенным этим днем
Не вспыхнут темные винтовки
Братоубийственным огнем.

Все то, о чем мы лишь мечтали,
Чем жили долгие года,
Вдруг станет близким, как вначале,
И победившим навсегда.

Запомни ныне день и год
И вырежь даты в славной тверди —
Мы купим радости свобод
Хотя бы собственною смертью,

Чтоб через долгие века
Запечатлелось неуклонно:
В тот день народная рука
Разбила царскую корону

О камни темной мостовой,
О стены тюрем и подвалов,
Как бьет прибой береговой
Скорлупы раковин о скалы...

ИЗ ПЕСЕН СВОБОДЫ

Ты, кровью святой обагренный,
Наш молот борьбы и труда!
Народы, несите короны,
Мы их разобьем навсегда.
Пускай не алмазы сверкают
На важных, пустых головах,
Пускай разольется по краю
Свет истин, сражающих мрак.

Кто раз поклонился тирану —
Тот будет надолго рабом,
Свободы великие страны
Велики свободным трудом.
Над нами безумцы сидели,
А ими владело ничто.

Мы слишком их долго терпели,
Мы слишком платились за то.

Что было, сгорело в боренье,
Но яд не сгорает в крови,
Народы, в грядущих движеньях
Следите ошибки свои...
А те, что ценились богато,
Все знаки позорных наград
Сегодня в минуты расплаты
Народу пускай возвратят.

Мы вышли из дебрей тумана
И новой дорогой идем,
Быть может, до волн океана
Мы знамя свобод донесем.
Быть может, в окоп из окопа
Пройдет огневая волна,
И черные троны Европы
Падут, как видения сна.

И, сбросив одежды печали,
Воскликнут в восставшей стране:
— Как долго мы, мертвые, спали,
Как страшно мы жили во сне! —
Закроются жгучие раны,
Растворятся двери гробов,
Не будет на тронах тиранов,
Не будет у тронов — рабов.

И красное знамя покроет
Наш молот сердец огневых,
Ковавший бессмертным героям
Оружье сражений святых.
И в бури печей раскаленных
Послушно ложится руда...
Народы! Несите короны,
Мы их разобьем навсегда!

ПЕРЕКРЕСТОК УТОПИЙ

Мир строится по новому масштабу,
В крови, в пыли, под пушки и набат
Возводим мы, отталкивая слабых,
Утопий град — заветных мыслей град.

Мы не должны, не можем и не смеем
Оставить труд, заплакать и устать:
Мы призваны великим чародеем
Печальный век грядущим обновлять.

Забыли петь, плясать и веселиться,
О нас потом и спляшут и споют,
О нас потом научатся молиться,
Благословят в крови начатый труд.

Забыть нельзя — враги стеною сжали,
Ты, пахарь, встань с оружием к полям,
Рабочий, встань сильнее всякой стали,
Все, кто за нас, — к зовущим знаменам.

И впереди мы видим град Утопий,
Позор и смерть мы видим позади,
В изверившейся, немощной Европе
Мы первые строители-вожди.

Мы первые апостолы дерзанья,
И с нами все: начало и конец.
Не бросим недостроенного зданья
И не дадим сгореть ему в огне.

Здесь перекресток — веруйте, поймите,
Решенье вам одним принадлежит,
И гений бурь начертит на граните —
Свобода или рабство победит.

Утопия — светило мирозданья,
Поэт-мудрец, безумствуй и пророчь,
Иль новый день в невиданном сиянье,
Иль новая, невиданная ночь!

О РОССИИ

Не плачьте о мертвой России —
Живая Россия встает, —
Ее не увидят слепые,
И жалкий ее не поймет.

О ней горевали иначе,
Была ли та горесть чиста?
Она возродится не в плаче,
Не в сладостной ласке кнута.

Не к морю пойдет за варягом,
Не к княжьей броне припадет,
По нивам, лесам и оврагам
Весенняя сила пройдет.

Не будет пропита в кружале,
Как прежде, святая душа
Под песни, что цепи слагали
На белых камнях Иртыша.

От Каспия к Мурману строго
Поднимется вешний народ,
Не скованный именем бога,
Не схваченный ложью тенет.

Умрет горевая Россия
Под камнем седым горюном,
Где каркали вороны злые
О хищников пире ночном.

Мы радости снова добудем,
Как пчелы — меды по весне,
Поверим и солнцу, и людям,
И песням, рожденным в огне.

ПЕТЕРБУРГ

Тебе я посвящаю этот стих,
Который похвалить ты не обязан,
Тебе, прекрасному, как тот жених,
Что не любил еще ни разу.

А все ведут века невест:
Свободу, бурю радостей лукавых,
Тебя не выкурил из трубки Геркулес
Затяжкой крепкой пороха и славы.

Тебя не выдавил его ботфорт
Из чрева гнило-синего болотца,
Куда заброшен старенький топор,
Каким он ставил первые воротца.

Где кости моряка, который рот
Забыл закрыть при громовом ударе,
Когда его услышал галиот
Салютный бас из пасти Хирвисари?

Ты сотворен тяжелою рукой,
И мыслью ты мозолистой украшен,
Вот почему ты величав и страшен,
И я люблю, что ты такой.

О, усмехнись же и ответь мне: нет!
Я знаю, сероглазый демон,
Пускай не каждый житель твой поэт,
Но каждый камень твой поэма!

* * *

Полюбить бы песенки простые,
Чистые, как воздух на заре,
В них не нужно путать запятые,
О словах справляться в словаре.

В них дыханье трав и перелесков
Так же нежно, как лазурь,
И в глаза не бьют прибоя блески,
В уши — заклинанья бурь.

В их покое что-то есть о чуде,
Все, что можно сердцем пожелать,
В них не нужно размышлять, что будет,
Ни о чем не нужно вспоминать...

* * *

Крутили мельниц диких жернова,
Мостили гать, гоняли гурт овечий,
Кусала ноги ржавая трава,
Ломала вьюга мертвой хваткой плечи.

Мы кольца растеряли, не даря,
И песни раскидали по безлюдью,
Над молодостью — медная заря,
Над старостью... — но старости не будет.

* * *

Ах, в воздухе такая нега,
Рябина щек красней,
Белей белеющего снега
Попался заяц мне.

И муть медвежья междулесья
Опять зовет, кричит,
И этим криком поднят весь я
На снеговой, широкий щит!

* * *

Ты мне обещана, но кем — не знаю,
Но кем-то добрым и большим,
Когда я что-нибудь обещаю,
Обещаю именем твоим.

И если б был я хранитель стада,
Моряк, купец или земледел,
Я б отдал все за трепет сада,
Где теплый лист на тихой воде,

Где ты читаешь, поешь иль плачешь,
О нет, не плачешь — то плачу я,
Где все знакомо и все иначе,
И даже слезы как блеск ручья.

Сейчас я скитающийся невольник,
Я вижу вокруг лишь сады чужих,
Но мне не завидно, мне не больно,
Иду уверенно мимо них.

И я забываю свои скитанья,
Чтоб память только тебе отдать,
Я помню только: ты — обещанье,
А тот, кто помнит, — умеет ждать!

* * *

Не было ни дней, ни вечеров
И родней, и радостней, и чище,
И вкуснее не вкушал я пищи,
Веселей не слышал слов,
Чем сейчас на летнем перепутье...
Вот, как я, такими ж, люди, будьте!

Отчего ж так ясно хорошо?
Будто жизнь тяжелую, большую,
Что как буря стлалася, бушуя,
Прожил я и уложил в мешок.
И легко на плечи ношу взбросил,
И пошел — и вот к тебе приду,
Кто же у возлюбленной не просит
Встречи в комнате или в саду.

Но и ты, и ты меня не встретишь,
Вся в чужие перешла глаза,
Даже и случайно не заметишь,
Даже не оглянешься назад.

И теперь мне только небо снится,
В голубой расту, расту пыли,
Так легко колеблет крылья птица,
Перед тем как улететь с земли.

* * *

Мне было ничего не жалко,
Я все узнал, чрез все прошел,
Но в полночь дерзкая гадалка
Мне карты бросила на стол.

Зеленый луч глаза мне залил,
Я понял: это будет здесь —

Упали карты и сказали:
Дорога, женщина и песнь.

Я днями шел, а ночью снилась
Страна, которой в жизни нет,
Ты в ней моей дорогой билась,
Как песнь, звучала мне во сне.

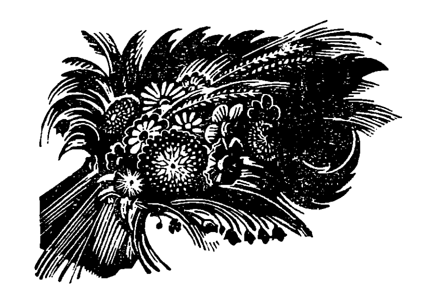
Не помню — на Неве, на Ниле, —
Молниеносностью огня
Два долгих солнца ослепили
Дорогу, песню и меня.

* * *

Девятый вал угадывать нетрудно,
Когда валы проходят чередой,
Но не в стенах испытанного судна
Меня застиг неснившийся прибой.

Подобную кочующей медузе
Он вынес душу к камням золотым,
Чтобы прозрачный, драгоценный узел,
Не замечая, растоптала ты.

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

Ранние стихи — порождения одиноких раздумий на любые темы, поиски жанра, стихотворческие упражнения, поэтические опыты молодого человека... Когда-нибудь я попробую выбрать из них наиболее характерные и подберу сборник своих ранних стихотворений, чтобы дать представление о становлении поэта, которое случилось при непредставимых сегодня обстоятельствах, лет шестьдесят тому назад. Возможно, это будет представлять некоторый интерес для любителей архивных изысканий.

Николай Тихонов

I. ИЗ СТАРЫХ ТЕТРАДЕЙ

* * *

Простые души, еж и воробей,
Быть может, вы с природой больше слиты,
Быть может, ваше небо голубей
И тайны ваши нам не все открыты.

На кукольном толпяся рубеже,
Марионеток вьющиеся тени,
Как пыль, танцующая на ноже,
Благословленны радостью движенья.

Я чувствую, как залетает в строки
И ветер свежий и густой,
И лист октябрьский краснощекий,
Пронизанный не нашей теплотой.

И если счастье есть для нас,
Идущих к душам необетованным,
О дай мне, Жизнь, исчезнув безымянным,
По-своему назвать и день и час,
Чтоб мир своим почувствовать хоть раз!

* * *

В человеческий рост золотые кремли
Горных трав, горных сосен прохлада,
Только небо и тающий облак вдали,
Тишина... И другого не надо!

РАЗЪЕЗД

Седлай... садись... Дорогой лунной
В разъезде весело спешить —
В траве звенят жуки, как струны,
В душе — серебряная нить...
 Тревога — сладость ожиданья...
 Сейчас... сейчас из-за куста, —
 Но за кустом лишь тень молчанья,
 За пустотою — пустота...
Забытый дом... Ворота, яблок
Желтеют спелые плоды.
Луна вычерчивает слабо
В песке какие-то следы...
 Кто здесь прошел? Колодец старый
 Молчит, согнувшись в три дуги,
 А что вон там, за этой парой
 Дубов, сверкнуло? Вдруг враги...
Чу... Выстрел... Пуля с завываньем
Впилася в землю меж копыт...
Назад... Довольные исканьем
Летим назад... И все летит:
 Луна, заборы, мы, дороги,
 Колодцы, мельницы, поля, —
 И, точно кланяяся в ноги,
 Шумят о чем-то тополя...
Дышать легко... Порывно, громко
Лететь в простор — кричать: «Прости!» —
О, если б завещать потомкам
Всю прелесть звездного пути...

ОСКОЛОК

Есть осколок от гранаты
У меня,
Как старик лежит горбатый
Возле пня.

Обнести свечу налево —
Черный дом,
А направо — будет дева
Со щитом.

Можно, повернув коронкой,
Видеть вбок
Тень веселого ребенка
И волчок.

А поставь его (не просто),
И глядят
Перья птицы Алконоста
Или сад.

Подарить его тебе я
Не могу,
Он живет, как в норах змеи,
У меня в мозгу!

СТРЕМЯЩИЕСЯ

Вам, людям с душой леопарда,
Творцам, покорившим металл,
Чьи руки пробили тоннель Сен-Готарда,
Прорыли Панамский канал, —

Чьи руки создали на верфях чугунно-
Стальные громады морей,
Что в гаванях светят ночью безлунной
Огнями бесчисленных рей, —

Вам, к жизни позвавшим спавшие дивы,
Границы земли одолев,
Собравшим посев с удивительной нивы,
И гордо —полезный посев, —

Вам, в землю ушедшим, и в сферы
взлетевшим,
И вызовы прошлых времен
Так смело принявшим, так смело
воспевшим,
Свой труд, своей силы закон, —

Вам — всё: обещания прошлых утопий,
И мысль городов и хлеб деревень,
Америки холодность, культы Европы,
Выносливость Азии, Африки — день,

Я слышу победу — о братья, дерзайте,
Так радостен молотов доблестный стук,
А если вы бога хотите, то знайте,
Что бог ваш — вы сами и труд ваших рук.

ГУЛЯКА

Все б ему плясать да хороводиться —
Заманить, запеть —
Даже поп из церкви Богородицы
Вылез посмотреть.
Даже баба, испокон болезная,
Курицы слепей,
Слушает про ноченьку безвестную,
Про лихих гостей.
И дурит, чудит, гремит, чудачит
Растеряха-парень — в чем душа!
А послушай — вслушайся — заплачешь,
Будешь слушать не дыша...

Чудодей — такие на дорогах
Натворили коробы чудес.
Из-за них и спор идет у бога
С старшим бесом; неподатлив бес.

Смотрят сквозь надмирные покровы
В распыленную, земную дрожь,
Слушают гуляки краснослова
Золотую, искреннюю ложь.
И никак понять они не могут
Этот уголь, спрятанный в золу, —
Славословит ли он жизнью бога,
Или бесу он поет хвалу?..

* * *

Я совсем мертвец при огне —
Слышишь, пес: я напрасно ждал...
Она не сказала: «Нет».
И она не сказала: «Да».

Пусть завалит все двери снег,
Никуда не пойдем, Сердар, —
Она не сказала: «Нет».
И она не сказала: «Да».

В снегопадной, нищей стране
Поражение — тоже дар, —
Она не сказала: «Нет».
И она не сказала: «Да».

Мы уснем, Сердар, а во сне
Все, что отнял день, — ночь отдаст, —
Она не сказала: «Нет».
И она не сказала: «Да».

Сердар, не сердись — но к ней,
Я опять пойду, как всегда.
Пусть она не сказала: «Да»,
Но она не сказала: «Нет!»

* * *

Ты живешь одна в Ораниенбауме,
Где в садах скрипучие качели,
Где сидят вороны на шлагбауме,
Как при Павле, при Петре сидели.

Где к вечерне шлепают старушки
И мычат коровы в переулке,
Где в сарае бронзовые пушки
Треуголки помнят в караулках.

Там, где лодки пляшут без причала,
Бродишь — и никто не приголубит, —
Хочешь, чтоб и море отвечало,
Как ромашка: любит иль не любит?

И сидишь ночами на веранде,
Пишешь письма или ждешь гонца,
И скользит неслышно тень Ринальди
По стене Китайского дворца.

* * *

Ночного ветра снежные объятья,
Слова неведомого языка,
Слегка дрожащая в рукопожатьи
Почти мужская легкая рука.

Ведь это было — смутно и давно —
И вот опять дано безумье встретить,
Разлить по жилам черное вино,
Бродить всю ночь и ночи не заметить.

БОГ

Мой взор ребенка был глубок
Неведеньем тревог, —
Мне показали образок:
— Молися — это бог!

Мой разум был как яркий сон,
Стремился все обнять —
Я научился класть поклон,
И «Отче наш» читать...

На грязной, узенькой реке
Виднелся монастырь —
Вокруг него в немой тоске
Раскинулся пустырь...

Была там церковь — я любил
В ее углах — теней
Смотреть игру — и в ней служил
Священник Ириней!

В ней свечи словно птичий глаз,
А купол — желт и гол, —
И в эту церковь утром раз
Я с матерью пришел...

И у алтарных ступеней
Следил я блеск огня,
Идя по церкви, Ириней
Наткнулся на меня.

— Молися, мальчик! — он сказал, —
Бог добр и благ к детям.
Он — весь любовь, он всем прощал,
И ты прощай людям!

...У входа шел народ, теснясь,
Вдруг сжалась грудь моя —
Стоял там мальчик, наклонясь,
Такой же, как и я!

Пришел он с нищими сюда
И милостыни ждал,
И вдруг — привычно, как всегда,
Он взор ко мне поднял...

Он тихо, жалобно просил,
Я задрожал пред ним,
Такой хорошенький — он был
С рождения — слепым...

Зачем слепой он? — как во сне
Я говорил другим.
— Так бог хотел! — сказали мне, —
Что он рожден слепым!

— Бог добр?! — Я стал не понимать,
Ресницы жгла слеза;
Зачем же богу отнимать
У мальчика — глаза!

«Захочет он вдруг у меня
Язык и взгляд отнять —
Я не увижу больше дня,
И буду все молчать»...

И стал ко всем я приставать,
И спрашивать, где мог.
Но мне никто не мог сказать,
Зачем же бог жесток?

И вдруг, как ночью лунный дым,
Метнулась мысль моя:

«Тот мальчик п р о с т о был слепым,
Как п р о с т о вижу я...

А бог в той церкви, в уголке,
Где ангел в белом — страж!
Да у кровати в образке,
Да в детском «Отче наш»...

«Но ведь большим дано же знать», —
Я думал в детском сне, —
И я никак не мог понять,
Зачем солгали мне!

ЭПОХА

Сегодня день таких восстаний,
Таких свершений и тревог,
Что лживость старых одеяний
Шуршит насмешливо у ног.

Долой цветочные гирлянды, —
Мы долго были взаперти,
Вокруг воскресшие Атланты
Свершают новые пути,

Как неудачные эскизы
С самодовольством и тоской,
Земли мы разрываем ризы
Вновь созидающей рукой.

За мной идут мои народы,
Передо мной мои гонцы,
Я жгу дыханием свободы
Застенки, тюрьмы и дворцы,

В реках смешны мне переправы,
В лесах не нужно мне просе́к,

В мою защиту, власть и право
Охотно верит человек.

Где ни поставят мне тенета,
Не замечая их — порву,
Форты отворят мне ворота,
И сны приснятся наяву.

АЛЕКСАНДР, УКРОЩАЮЩИЙ БУЦЕФАЛА

Рука за гриву,
разбежалась нога,
в полете
повисла.
— Раз, два, три! —
(хорошие числа)
Спасибо, Аристотель!
Смотри:
конь прыгнул криво,
не пугай,
зря, гневно дышит ноздря,
глаза
повернулись назад,
врезая огонь
грозный...
Конь,
поздно!

Другая
рука повод ловит,
змейка крови
сбегает вдоль ногтей,
хруст костей,
вихрь гривы,

помчал,
понес,
понес...
А те? Где же те?
Разве могли вы,
вот так сплеча
на дыбы в рост
поднять коня...
Он для меня:
мой, мой! Мой!

Тугой
стрелой,
прямой
рвет воздух,
звезды искр
в рощах тают.
Стаи
вспугнутых птиц
летят косо,
не видно лиц
прохожих...
Помчал,
понес...
Бьют кожу
ветви сгоряча,
города,
стада, сады,
в дым, в дымы,
мимо, мимо,
в реку неудержимо,
вода — расступись!
Не нужно бича,
по камням вниз...
Разбей в клочья,
не слезу
сам!

Гром... железом
бьют небеса,
к ночи
будешь, мой, мой, мой!

Крылья копыт
шире шумят.
Лети,
лети,
повод взят...
Омыт
пеной лоб,
камень? гроб?
Ни шагу назад,
глаза
лиловы,
остры...
строят храм...
Мимо,
мимо,
топоры
опустили без слова,
как мимы,
глядят вслед...
Лети,
лети!

Еще рано: стой!
Высотой
не испугать...
Что это? Понт Эвксина,
через —
снега,
вой псиный,
волки,
ветер
колкий,

хорошо жить на свеге!
Бег,
бег,
стук,
лай,
свист...
Высь,
снег,
вокруг
легла
мгла.
Тише...

Камни Памира,
копытом,
копытом
в плиты
ударь,
сюда,
сюда:
в «Крышу мира»!

Вниз — да!
Храп,
хрип,
срыв камней,
блеск серебра,
треск,
огни! Огней
лава...
Могли б
думать вы,
македонцы...
Вот она —
страна
славы,
пальмы, тамаринды,

солнце Индии,
всемирное солнце...

Храмы, люди,
дорог жилы,
строк
песенных звон,
мировая душа!
Это сон,
сон,
сон,
Буцефал, будет
пытать силы...
Жизнь хороша!

Повод короче,
к ночи
золотом тебе
насыплю корм,
сброшу повод,
сколько хочешь
копытом бей
алмазным в пол голубой...
Овод
кружится над тобой,
овод славы.

Шагом... тише...
Туда, где крыши,
направо,
лавром тебя увенчал,
теперь ты мой, мой, мой,
а домой
не вернемся мы...
Солнцем омыт
дня конец!

Я не знал,
Что мир так мал,
что его венец
такой простой,
а слава — пятно,
обжегший тьму
кружок золотой,
но почему,
почему
темно?

Буцефал,
стой!

* * *

Кто мне сказал: сегодня небо сине, —
Я подошел и посмотрел в окно,
На месте неба — темный алюминий,
На месте солнца — желтое пятно...

Я не поверил, что спокойно море,
И посмотрите: разве я не прав:
Валы кипят, как в демонском растворе
Кипят пучки смертельно пьяных трав...

Вы спросите, конечно, что со мною?
Поля пусты, бессолнечно пусты —
Кто ж говорит, что каждою весною
Цветут цветы?

* * *

Я ждал, я верил не напрасно,
Сегодня или никогда?

Кто победит: кошмар всевластный,
Иль руки славы и труда?

Шел эскадрон на усмиренье,
Куда? На братьев за царя,
Но вслед глядел я без смущенья,
И думал, радость затая:

— Ошибся враг, бесстыдством ловкий,
Преображенным этим днем
Не вспыхнут темные винтовки
Братоубийственным огнем.

Но что-то дивное случится,
С веками, может быть, вразрез
На старых улицах столицы
Под крики новых Марсельез

Все то, о чем мы лишь мечтали,
Чем жили долгие года,
Вдруг станет близким, как в начале,
И победившим навсегда.

И под свободным небосклоном
Колокола святой весны
Восславят красным перезвоном
Освобождение страны.

Литая лира мерно плачет,
Я слышу шум ее души.
Могу ль я петь и жить иначе,
Чем в заточеньи, чем в тиши?

Я — ученик, в работе черной!
За труд ученья — так хочу —

Монетою нерукотворной,
Своей монетой заплачу.

На ней я вычеканю лиру,
Знак песен Жизни и Любви,
Чтоб все бы мастерские мира
Ее чеканкой удивить!

ПОЭТ И ДЕТИ

На скатной песне побережий
Играли дети у камней.
Их крик курчавый, чистый, свежий
Мир делал шире и полней...

Касалось солнце белым нимбом
Мягковолосой головы...
Поэт пришел и сел меж ними
На пыльных ковриках травы.

За чайкой вслед летела чайка...
Забросив игры далеко —
Лесной, веселою лужайкой
Столпились дети вкруг него.

И он прочел им, отдыхая,
Отравленных отрывка два,
Смеялись дети, повторяя
Им непонятные слова.

Им было радостно-занятно
Кидать на волю высоты
Слова, в которых бились пятна
Больной и дерзкой красоты.

* * *

Разбрелись, как телята,
По опушке маслята,
Подберезовик тощий
Перебрался из рощи
По канавиному краю
К земляничному раю,
А в канавах лисички,
С коготок невелички...
Всякий сел, где хотел.
В стороне ж между пнями
Белый гриб, толстотел
Многогрешный.
А в кустах, за кустами,
За валежником хилым,
Поглушенном весной,
Все полным-полно силы,
Тьмой пестрядной, лесной —
Сыроежной!

* * *

Как мы томимся
В гордой слепоте.
О счастье все забыть и заблудиться,
Блуждать в тревожной синей темноте
Неприрученной ветреною птицей

И губы и глаза припоминать,
О поцелуе думать как о чуде!
Кто может сны по имени назвать?
Имен им нет и никогда не будет.

ТРУД

Стружка за стружкой бежит из-под струга.
Сруб под пилою вздыхает легко —
Вторят стрекозам точильного круга
Сверчки и цикады станков.

Радостно быть простым и здоровым,
Нужным, как гвозди, топор и доска,
В малом труде закаляясь сурово,
В крепкой работе — крепнет рука.

Первым строителям первое дело:
Язык нивелиров, циркуль и план —
В гордой тени их работают смело
Те, в чьих руках молоток и игла.

Не думай, что твой господин Архитектор,
Измеривший выси и прямо и вкось,
В самом безумном победном проекте
Важен на место застуканный гвоздь.

В здании мира, растущем над нами,
Каждый работу по силам найдет,
Не думай о том, что сорвавшийся камень
Твой мозг разбросает и кость разобьет.

Случаем только в работе хранимы
Тело орудий и жизнь мастеров.
Но цементом лучшим, неразрушимым —
Свободная жертва и красная кровь!

* * *

Слепым ткачом работает любовь,
Ей безразлично: полдень, ночь, рассвет ли?

Не прекословь, душа, не прекословь,
Не ты запутала, не ты развяжешь петли,

И не тебя за труд вознаградят,
Не над тобой наклонятся с заботой.
Умей следить, не так, как все следят,
За темной и волнующей работой.

Но если захлестнет петля,
Нить оборвется, не дойдя до края,
Тогда смотри: во всем виновна я —
Но состраданья — нет, не принимаю.

* * *

Меняли кисти и резцы на шпаги
Искавшие нетленья мастера,
Быки времен везут их саркофаги
По рынкам, по равнинам, по горам.

Их каждый век по-своему помянет
Насмешкой, песней, битвой иль хвалой,
И бронзовый парад в граните встанет,
И солнце остановит головой.

Заучат это имя дети в классе,
И смелое несмелым языком
Их повторяют девушки, томяся,
И юноши его венком украсят,
Заспорят мудро мудрые о нем.

Но быть достойней только промелькнувшим
Стрелой луча в прохладе парусов,
Золотником, случайно соскользнувшим
С тяжелой чашки мировых весов.

II. СТИХИ ДО МОЕГО ПРИЗЫВА НА ВОЙНУ

* * *

Почему ты весел и доволен,
Когда все мы сделались суровей,
Разве ты не слышишь, с колоколен
Крик набата снова просит крови...

Крик души всегда сильней набата,
И душа сурова под весельем,
От побед пьянели мы когда-то,
Ныне горько бранное похмелье.

Но душа художника величит
Глубиной и дерзостью исканий,
Не поймет он правды чуждых кличей,
Как самим не узнанных страданий...

Он живет, разматывая свиток
Истин, брошенных тенями знанья,
Для него ваш ужас — пережиток,
И страданье ваше — не страданье...

Что для истин — хищности победы,
Для идеи — пораженья узы.
Разве меньше слава Архимеда
Оттого, что взяты Сиракузы...

ГУСАР

То, о чем мечтал я, предо мною,
Наяву, а не во сне.
Я — гусар, с винтовкой за спиною,
С шашкой на коне.

Я — гусар, о нет, насмешка — зубы
Скалит желто-хищные свои:
Пусть зовут ликующие трубы,
Зов родной, разбуженной земли...
Я — гусар, которому винтовка
Отобьет всю спину, а седло
Будет узко, жестко и неловко,
И пика оттянет руку зло.
Рысь, галоп, — одно другого хуже,
Стремя длинно... Тряско на коне,
Руки мерзнут на январской стуже,
На морозе щеки, как в огне.
...На картинках выглядит прекрасно
Полк гусар — действительность смешна,
И хотя наши рейтузы красны,
Жизнь гусара вовсе не красна.
Черт возьми, но все же она лучше
Жизни мглы с припевом: мы кричим,
Брошу все... Седло свое навьючу
И уеду с первым головным!

ПЛЕБЕЙ

Я не люблю ни знатных, ни богатых,
Милей, милей душе моей всегда
Плебейские молитвы и закаты
В лучах печали и труда.
Да, мне чужды богатств слепые раны,
И люди роскоши мне гадостно чужды,
Скорей я поклонюсь лохмотьям изодранным,
Где дышут тени смерти и нужды.
Но это все не значит, что порою
Теряю я заветные пути,
Стою, как мышь стоит перед горою,
Которую не может перейти.

О нет не так, всегда найду я крылья,
Они слетят ко мне, лишь захочу,
И эти пропасти и горы без усилья
Коротким взмахом я перелечу

И буду знать, паря в недостижимом
Пространстве, где летят года,
Что надо мной горит огнем неугасимым,
Родным огнем плебейская звезда.

* * *

Треть жизни прожита, а может быть, и больше,
А может быть, и вся, а чем я озарил
Прожитое и, кажется, чем дольше
Я здесь живу, тем больше трачу сил.

Я мертвый упаду в пути несмелом,
Забуду смысл и цели бытия,
И над пугающим безжизненностью телом
Поднимется лишь стая воронья.

Лишь стая черных птиц укажет место смерти, —
Пути земли, как дремлющий аркан, —
Синейте, небеса, безоблачно синейте —
Лазурью ясною мне неизвестных стран!

ВОЙНА

В утро летнее, в час перед поздней обедней,
Когда роща была розовато-красна,
Первый раз я услышал в соседней деревне
Это страшное слово: «Война».
Точно дрожь пробежала... Я помню, как ясно
Я представил в минуту себе
Миллионы людей, ополчившихся страстно

И отдавшихся дикой борьбе.
И вся жизнь и все то, что вчера мы творили,
Сказка будней и хмурость расплывчатых дней,
Сразу стало не нужно... И все ощутили
Над собой дуновенье небесных огней.
И мне хочется вместе и знать, и не видеть
Этот скорбный, кровавый самум,
Ибо я не умею совсем ненавидеть
Ни людей, ни природу, ни ум.
Но мне хочется знать суеверно и властно,
Так душа неизбежным полна:
«Кто же первый сказал на планете несчастной
Это страшное слово: «Война».

* * *

Надо все преломить и измерить,
Ничему не поверить на глаз.
И на слух ничему не поверить,
Вновь граненьем проверить алмаз.

Посмотреть, не солены ли соты,
Не преснеют ли соли земли,
Не в поддельные ли переплеты
Наши книги переплели?

Не смущаясь, что мир наш давний,
Снова жизнь и стихи сгустить —
Чтобы проще гвоздя и камня
В память наших детей врасти.

ПУТЯМИ ПУСТЫНЬ И МЕЧЕЙ

Путь мечей приводит нас к пустыне,
Путь пустынь приводит нас к мечу.
Стебель жизни, пьющий сок святыни,
Вянет, попадая к палачу.

Ласков бог — поклонники жестоки,
Яд молитв убийственней чумы,
В пыль легли на сладостном Востоке
Храмы слав под стоны и псалмы.

Гений строг — но прочие лукавы,
Символ взяв — упорствуют во зле,
И с улыбкой потчуют отравой
Мудреца с величьем на челе.

Лишь тогда напоит сок святыни
Стебель жизни, реки и ключи,
Когда люди в брошенных пустынях
Похоронят ржавые мечи...

* * *

Когда я бросил первый раз
Свое сжигающее слово,
Я ждал ответа, не страшась,
Я ждал бестрепетно-сурово...

Поверь: я знал, на что иду,
Без содроганья и без боли, —
Меня к суду! Пускай к суду —
В конце концов, не все равно ли...

Но мысль убить — напрасный труд, —
Я жив, и кровь бушует в жилах,
И никакой пристрастный суд
Поколебать меня не в силах...

И темный приговор узнав
С великодерзостной досадой,
Перед собой — я буду прав,
И чист... А большего не надо!

ПРИМЕЧАНИЯ

Стихотворения, включенные в сборник «Как песня молодой», написаны Николаем Тихоновым в 1913—1935 годы.

Тихонов работал над своими стихами, готовя их к каждому изданию. Вот почему авторская редактура представляется нам чрезвычайно важной, как бесспорное свидетельство высокой художественной требовательности поэта к себе.

Звездочкой отмечены стихотворения, к которым даны примечания.

Список сокращений:

Бр-22-Н. Тихонов. Брага. М.-Пб., «Круг», 1922.

Ор-22-Н. Тихонов. Орда. Пб., «Островитяне», 1922.

ПГ-27-Н. Тихонов. Поиски героя. Л., «Прибой», 1927.

Сип-35-Н. Тихонов. Стихотворения и поэмы в одном томе. Л., «Художественная литература», 1935.

СС-7-73-76-Н. Тихонов. Собрание сочинений в 7 тт. 1973—1976 гг.

Буквы и цифры, стоящие после названия стихотворения, обозначают источник, по которому печатается стихотворение.

* «ПРАЗДНИЧНЫЙ, ВЕСЕЛЫЙ, БЕСНОВАТЫЙ...» СС-7-73-76. В сборнике (Ор-22) четвертая строка второй строфы была: «Освятить неповторимым днем...»

* РАНЕНЫЙ. СС-7-73-76. В сборнике (Ор-22) вторая строка первой строфы была:

Безжизненную ногу волоча...

* «МОЮ ДУШУ КУЗНЕЦ ЗАКАЛИЛ НЕ ВЧЕРА...» СС-7-73-76. В сборнике (ОР-22) третья строка была:

Овраги и горы горячим дождем...

«НОЧНЫМИ СОЛНЦАМИ ВЛАДЕЯ...» СС-7-73-76. В сборнике (СиП-35) опущена четвертая строфа:

Не называй его: избранник,
Неумолимо, как во сне, —
Он только мальчик, только странник,
А ты — слепая, ты — сильней.

ГЕРМАНИЯ. СС-7-73-76. В сборнике (Бр-22) четвертая строка в третьей строфе была:

Под пятым колесом грузовика...

МАХНО. СС-7-73-76. В сборнике (Бр-22) опущена вторая строфа:

Зачервонили по ветру сабли.
По Днепру зажупанили вести,
Что коммунников руки ослабли,
Краснозвездцы в селах не в чести.

СВАТЫ. СС-7-73-76. В сборнике (Бр-22) напечатано с дополнительной последней строфой:

Так, сестра, гуляй напропалую —
Ветром ввысь, сполохом за кусты,
Не тебя ль ножом я поцелую,
Я такой же каторжник, как ты.

«ЕЩЕ В НЕБЕ ПРЕДУТРЕННЕМ И ГОРБАТОМ...» СС-7-73-76. В сборнике (Бр-22) третья строфа опущена:

Плакать о чем — не наша забота,
Кто-нибудь в ранний иль поздний раз —
Перед расколотым став киотом,
Выплачет душу свою о нас.

В архиве Николая Тихонова хранится сборник «Брага», где рукой Тихонова, карандашом, сверху, исправлено слово «раз» на «час».

БАЛЛАДА О СИНЕМ ПАКЕТЕ. СС-7-73-76. В сборнике (Бр-22) в девятом двустишии, сверху, было:

— Хорошо, — проревел ему паровоз...

В девятом же двустишии, снизу, первая строчка читалась так:

От плеч уж отскакивает голова...

ПЕСНЯ ОБ ОТПУСКНОМ СОЛДАТЕ. СС-7-73-76. В сборнике (Бр-22) вторая строка девятой строфы была:

Ветер, как пес, бежал.

АФГАНСКАЯ БАЛЛАДА. СС-7-73-76. В сборнике (СиП-35) восьмое двустишие было:

Горы Пагмана и воды Кабула,
Такие прямые, шатались сутуло.

Тринадцатая строфа была:

Он глазом каменным следит
Слепых эскадр откос,
И, самодельной пулей сбит,
Качнулся бомбовоз.

В четырнадцатой строфе первая строка была:

Потом другой, еще за тем...

АМЕРИКА. СС-7-73-76. В сборнике (ПГ-27) напечатана в трех частях. Вторая и третья части имеют названия: «Американская ночная» и «Утро, которое когда-нибудь настанет». В первой части, в первой строфе, вторая строка была: «По камням Мангаттана не шла нога...». В сборнике шестая строфа была:

Тогда ослабев, налетает на шквал
Бессилья, нужды, обмана,
И тело уносит Атлантики вал
Иль пуля в углах Мангаттана.

Первая строка седьмой строфы была: «И к этой Америке я не приду...» Девятая и десятая строфы опущены:

Чтоб жить, не барахтаясь на мели,
А если наш бег подкосят —
Я знаю: не будем горла пилить
Какой-нибудь сталью плоской.

Хотя б потому мы поддержим честь,
К усталости став спиной,
Что острых предметов вокруг не счесть,
А горло у нас одно.

Во второй части опущена третья строфа:

Иль стосильным, синим кебам,
Берегущим тело,
Повидать поближе небо —
Захотелось?

В восьмой строфе третья строка была:

В кебы, в бетон и...

Четвертая строка девятой строфы была:

Ответит не то...

В СС-7-73-76 добавлена еще одна строфа:

Но час придет — пора ему,
Пора прийти рассвету —

Растопит солнце эту тьму,
Сломает прочность эту.

Третья часть в СС-7-73-76 полностью опущена:

Между мохнатых дружных трав,
Холмистыми расколами,
В огне зеленого утра
Звенело птичье полымя.
И, скатываясь в синий стог,
Ложились в отдых облака,
И чернобыльник на восток,
И черный зверь тянул бока.
Невод утра нам принес
Жарких рыб, желтых ос,
Скачет снежный конь,
Золотой Юкон.
В ручьях омывает глаз
Дымношкурый пастух Техас.
Алмазами сыплет, рассыпая сорит,
Голубая рука Миссури.
Сам полдень рыбачит и крепит паруса,
И в невод — Невады бросает леса, —
Сам полдень меж мохнатых трав,
Как никогда, сегодня прав.
Он сам ведь дорогу стягивал
На новую память узлом.
В прибое — оружье и стяги,
В прибое на мысы и ночи,
В прибое — все море несло.

ИНДИЙСКИЙ СОН. СС-7-73-76. В сборнике (ПГ-27) четвертая строфа разбита на двустишие и четверостишие. Шестая строфа была:

Во сне поневоле взметнешься назад.
Козлом нестерпимо воняет базар,
За прялкою Ханди, потупив глаза,
Как желтый скелет поученья прядет
И давится злостью равнинный народ.

Седьмая строфа опущена:

Но западный ветер причудой богат,
И свежие листья сметает к ногам,

Как черная втулка Рабиндранат
Затыкает базарный гам.

Восьмая строфа в сборнике была:

И песней вмиг усыпляет базар,
Заливаясь о равенстве рас,
И стелется с крепости Говинда Гар
Генеральский тигровый бас.

Третья строка третьей строфы снизу была:

Впервые я был застукан за стачку...

САГА О ЖУРНАЛИСТЕ. СС-7-73-76. В сборнике (СиП-35) опущены третья и четвертая строфы:

Гарцуют селенья, селькор наилучший.
Лежит над горбами оврага, —
Он вводит убийцу в судебные тучи, —
И здесь начинается сага.

Как шествует житель, как падает бык,
Как ест муравья муравьед,
Как сам муравьед растворен в мураве —
Решеткой сигнального флага,
Решеткою строк накрывать он привык, —
И здесь начинается сага.

ВЫРА. СС-7-73-76. В сборнике (СиП-35), в прологе, после слов: И расписаться в том... опущено восемь строк:

Собранье, что кухня, где фаршируют рыбу,
Шипят очаги, овощей невпроед,
Но входит ледяная, светящаяся глыба
И сразу грозит заморозить обед.
Лед гремит, нападает на ветхое зданье,
Залепляет сердца, он как голос растет —
Он висит над войной, над Москвой,
над Германией.
Кухни нет — этот сумрак обеда не ждет.

КНИГИ Н. С. ТИХОНОВА

Поэтическая библиография

«Нива», 1918, № 13, 15, 16, 18.
«Островитяне». Альманах. Кн. 1. Пб., 1921.
«Красная новь», 1922, № 4.
«Орда». Пб., «Островитяне», 1922.
«Брага». М.-Пб., «Круг», 1922.
«Недра». Литературно-художественный сборник. Кн. 2. М., «Новая Москва», 1923.
«Двадцать баллад», Л., Госиздат, 1925.
«Поиски героя». Л., «Прибой», 1927.
«Избранные стихи». М., «Огонек», 1928.
«Красная Новь», 1929, № 3.
Собрание стихотворений в двух томах. Л., «Прибой», 1930.
Собрание стихотворений в двух томах. М.-Л., Гослитиздат, 1932.
Избранные стихи. Л., ГИХЛ, 1932.
Стихотворения и поэмы в одном томе. М., «Художественная литература», 1938.
«Стихи о Кахетии». М., «Советский писатель», 1935.
«Тень друга». Л., Гослитиздат, 1936.
Избранные стихи. Л., «Художественная литература», 1939.
«Красной Армии». Л., Гослитиздат, 1943.
Сто стихотворений. Л., ГИХЛ, 1941.
Избранное. М., «Правда», 1947.
Поэмы. Баллады. Лирика. М., Гослитиздат, 1947.
Стихи о Югославии. М., «Московский рабочий», 1947.
Избранное. Стихи и поэмы. М., «Советский писатель», 1948.
«Грузинская весна». Стихи 1948 года. Л., «Советский писатель», 1949.
Избранные произведения в двух томах. М.-Л., Гослитиздат, 1951.
«Два потока». На II Всемирном конгрессе мира. М., Гослитиздат, 1953.
Избранные произведения в двух томах. М., Гослитиздат, 1955.
Стихотворения и поэмы. М., Гослитиздат, 1956.

Собрание сочинений в шести томах. М., Гослитиздат, 1958—1959.
Мы живем рядом. М., Гослитиздат, 1958.
Майское утро. М., «Молодая гвардия», 1961.
Стихи. М., Гослитиздат, 1961.
Радуга в Сагурамо. — «Я знаю Грузию такую». Тбилиси, «Заря Востока», 1966.
Избранные произведения в двух томах. М., «Художественная литература», 1967.
Времена и дороги. Стихи 1967—1969 гг. М., «Советский писатель», 1970.
Собрание сочинений в семи томах. М., «Художественная литература», 1973—1977.
День поэзии, 1957.
День поэзии, 1979.
«Нева», 1981.
Стихотворения. Большая серия «Библиотеки поэта». Л., 1981.
Песни каждого дня. М., «Советский писатель», 1982.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОИСКИ ГЕРОЯ (1923—1929)

Север

Истории

СТИХИ О КАХЕТИИ (1935)

РАННИЕ СТИХИ

I. Жизнь под звездами

Из походной тетради (1916—1917 гг.)

II. Стихи (1913—1920)

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО (1913—1920)

I. Из старых тетрадей

II. Стихи до моего призыва на войну

Тихонов Н. С.

Т 46 Как песня молодой: Книга стихов / Вступит. статья, сост. и примеч. И. Чепик. — М.: Мол. гвардия, 1985. — 239 с., ил. — (В молодые годы).

90 к., 75 000 экз.

Предлагаемый сборник стихотворений выдающегося советского поэта Н. С. Тихонова — лауреата Ленинской и Государственных премий СССР — включает стихи, написанные им в молодости, часть из которых публикуется впервые. Лирический герой поэта всегда находится в гуще событий, на переднем крае борьбы и стремится своим примером увлечь современников и открыть перед ними новые горизонты. Стихотворения Н. С. Тихонова остаются молодыми и сегодня.

ББК 84Р7
Р2

Т $\frac{4702010200-073}{078(02)-85}$ 230—85

ИБ № 4138

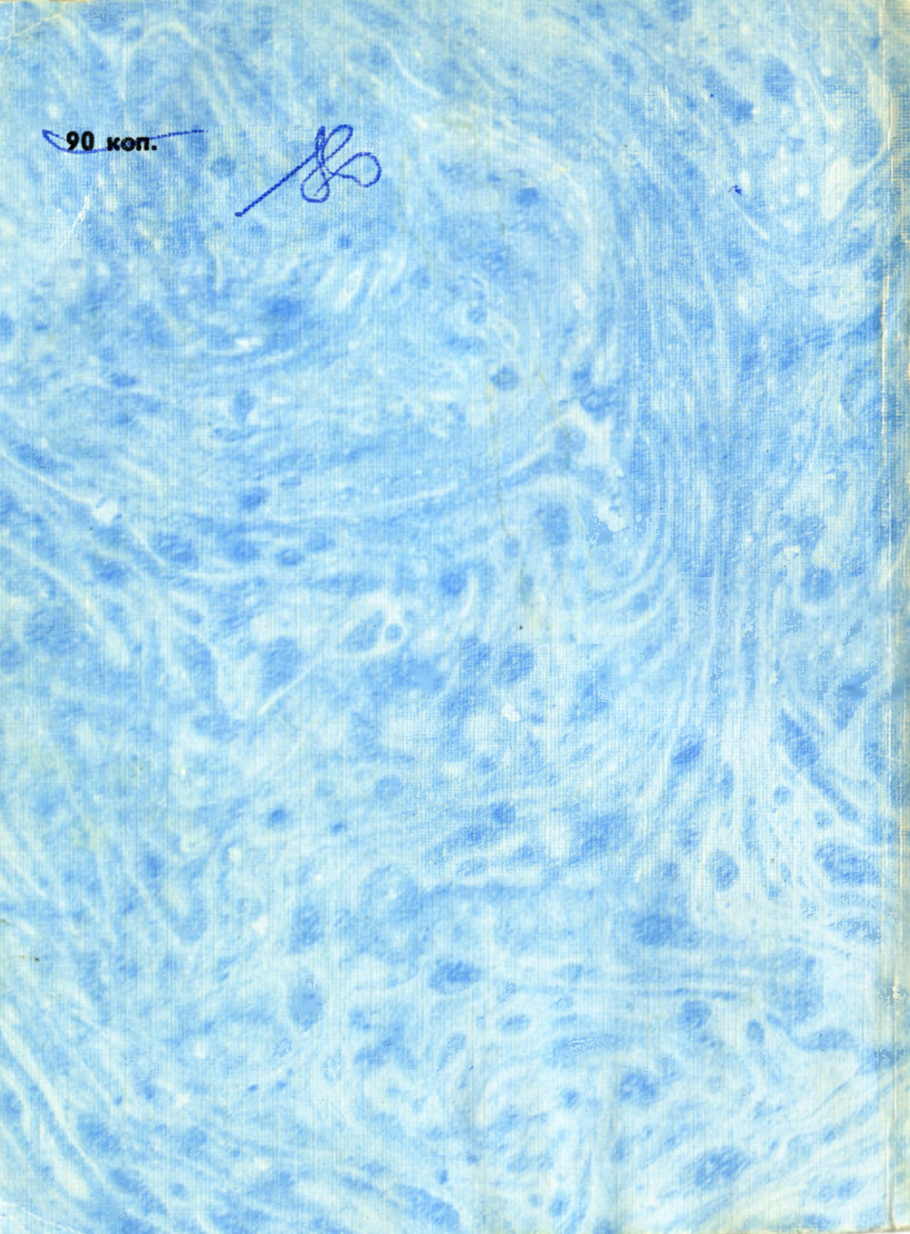
Николай Семенович Тихонов

КАК ПЕСНЯ МОЛОДОЙ

Редактор М. Беляев
Художник Н. Крылов
Портрет-гравюра Ю. Космынина
Художественный редактор С. Сахарова
Технический редактор Т. Кулагина
Корректоры Л. Четыркина, В. Авдеева

Сдано в набор 03.10.84. Подписано в печать 24.01.85. А02132. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 10,5. Усл. кр.-отт. 10,85. Учетно-изд. л. 9,4. Тираж 75 000 экз. Цена 90 коп. Заказ 1629.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

90 коп.